This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Digitized by Google

GN1
Z5

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
STACKS
SEP 15 1975

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ IV

ГОДЪ ВТОРОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія С. Н. Худѣкова. Владимірскій пр., № 12.
1892

Digitized by Google

Оглавленіе.

Стран.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Очеркъ русской діалектологіи. III. Малорусское нарѣчіе. *А. И. Соболевскаго* . . . . . 3— 61
2. Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839— 1842). . . . . 62— 96

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

О вліяніи корельскаго языка на русскій въ предѣлахъ Олонецкой губерніи. *Н. Лѣскова* . . . . . 97—103

Отдѣлъ III.

1. Кавказскій обычай, какъ источникъ изученія первобытнаго права: Замѣтки по поводу сочиненія проф. М. М. Ковалевскаго: «Законъ и обычай на Кавказѣ», Москва, 1890 г., т. I и II. *С. Гальперина* . . . . . 104—120
2. Семья по воззрѣніямъ русскаго народа, выраженнымъ въ пословицахъ и другихъ произведеніяхъ народно-поэтическаго творчества. Историко-литературный очеркъ А. Желобовскаго.
3. Kobieta w pieśni ludowej. Napisała Kazimira Skrzyńska. 12° 100 стр. Warszawa. («Biblioteka Wisły» t. VIII) . . . . .
4. Современный великоруссъ въ его свадебныхъ обычаяхъ и семейной жизни. Л. Весина («Русская Мысль». 1891. Сент. и окт.). *Вл. Пертца* . . . . . 120—124

Digitized by Google

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ IV

ГОДЪ ВТОРОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12.
1892

Digitized by Google

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Digitized by Google

Оглавленіе 8 выпусковъ „Живой Старины“ за первые два года.

Годъ первый.

Выпускъ I-й.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
1. Предложеніе нѣсколькихъ членовъ въ Отдѣл. Этнограф. И. Р. Г. О. объ изданіи журнала «Живая Старина»	III
2. Списокъ членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, изъявившихъ желаніе подписаться на журналъ «Живая Старина»	V
3. Объявленіе о подпискѣ на журналъ «Живая Старина»	IX
4. Отъ Редактора	XI
5. Программа И. Р. Г. О. для собиранія свѣдѣній по Этнографіи	XLVII
6. Памяти Проф. И. П. Минаева (1840—1890). Лекція въ И. Спб. Универс. Доц. *С. Ѳ. Ольденбурга*	LIII

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Пѣсни о князѣ Михаилѣ. *И. Н. Жданова.*	1
2. Полувѣрцы Псково-Печерскаго края. *Ю. Трусмана.*	31
3. Три года въ Якутской области (Этнографическіе очерки). *В. Л. Приклонскаго*	63
4. Путевыя письма и замѣтки Срезневскаго о Сербо-Лужичанахъ.	84
5. Старое и новое. *И. Савченкова*	103
6. Повѣрья крестьянъ Тамбовской губ. (очеркъ). *Б. Бондаренко*	115

Digitized by Google

СТРАН.

7. Замѣтки о литовской свадьбѣ. *Я. Рисова* 122
8. Къ видѣнію Амфилога. *А. Н. Веселовскаго*. 124
9. Груша и Дуня. *А. И. Соболевскаго* 126
10. Декамеронъ X. 3. *А. Н. Веселовскаго* 128
11. Къ исторіи народныхъ праздниковъ въ Великой Руси 130

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Три былины изъ стариннаго рукописнаго сборника. *Л. Майкова* 1
2. Пѣсни крестьянъ села Молодова, Гродненской губ., Кобринскаго уѣзда. Г-жи *Саковичъ*. 5
3. Катрўшинскій лемезень (условный языкъ шерстобитовъ М. Дрибина). *Е. Романова*. 9
4. Лопарскія сказки, легенды и сказанія, записанныя въ Пазрѣцкомъ погостѣ, пограничномъ съ Норвегіей. Свящ. *Щеколдина* 17
5. Якутскія загадки (Прилож. къ этнограф. очерку «Три года въ Якутской области»). 26
6. Якутская пѣсня о водкѣ. 30
7. О народныхъ забавахъ въ Москвѣ, въ другихъ городахъ и мѣстахъ въ Духовъ день 34

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

1. Пешель О. Народовѣденіе.—2. Пыпинъ А. Исторія русской этнографіи.—3. O. Schrader. Sprachvergleichung und Urgeschichte.—4. P. v. Braadke. Ueber Methode und Ergebnisse der arischen Altertumwissenschaft.—5. Веске, М. П. Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка.—6. Труды 7-го Архео-

Digitized by Google

СТРАН.

логическаго съѣзда въ Ярославлѣ 1887 г.—7. Этнографическое обозрѣніе.—8. Смирновъ. Вотяки. Историко-этнографическій очеркъ.—9. Историческая записка о дѣятельности И. М. Арх. Общ. за первыя 25 л.—10. Латкинъ. Красноярскій округъ Енис. губ. очеркъ.—11. Майковъ. Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ.—12. Чтенія въ историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца.—13. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края.—14. А. Сапуновъ. Двинскіе или Борисовы камни.—15. В. Науменко. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи.—16. Ждановъ. Пѣсни о князѣ Романѣ.—17. Луньякъ, И. И. О происхожденіи именъ Чехъ, Лехъ, Русь и Славяне.—18. Gopčević. Makedonien und Alt-Serbien.—19. Viestnik Hrvatsko-Arkeologičkoga Družtva.—20. Свадебные обычаи у Бѣлыхъ Краинцевъ.—21. Словаки въ Бачской и Срѣмской столицахъ.—22. Wisła. T. IV.—23. Обзоръ трудовъ по Литовской этнографіи (1879—1890). Чл. С. Э. А. Вольтера . . . . . 1—42

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

1. Дѣтскія игры. К. М. Петрова и Т. Е. Рѣпникова.—Taulen-Корга, или Вихорь Н. Кузнецова.—3. Ловля снятка тагасомъ въ Бѣломъ озерѣ. Я. Лейцингера.—4. Описаніе игры Литовскихъ пастуховъ подъ названіемъ «Калуте». Арминайтиса. 5. Литовскія повѣрья. М. Гилиса.—6. Некрологи: М. П. Веске.—7. О. Кольбергъ.—8. Д-ръ Пфуль.—9. С. П. Микуцкій . . . . . 1—24

Digitized by Google

СТРАН.

Выпускъ II-й.

1. Списокъ членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, изъявившихъ желаніе подписаться на журналъ «Живая Старина» I—IV

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1 Пѣсни о князѣ Михаилѣ *И. Н. Жданова* 1
2. Три года въ Якутской области (Этнографическіе очерки). *В. Л. Приклонскаго* 24
3. Сербо-Лужицкій народный календарь. (Изъ бумагъ И. И. Срезневскаго) 55
4. Сербо-Лужицкія народныя повѣрья. (Изъ бумагъ И. И. Срезневскаго) 57
5. Умиренье крови въ Грблѣ, въ южно-Адріатическомъ Приморьѣ 27-го августа 1890 г. (Наблюденія и разсужденія очевидца). *П. А. Ровинскаго* 63
6. Маріупольскіе Греки. *Ѳ. А. Брауна* 78
7. Замѣтки о собственныхъ именахъ въ Великорусскихъ былинахъ *А. И. Соболевскаго* 93
8. Письма И. И. Прейса къ М. С. Куторгѣ, И. И. Срезневскому, П. О. Шафарику, Куршату и др. (1836 — 1846). Съ предисловіемъ *В. И. Ламанскаго* 108
9. Отчего канунъ Иванова дня (23 іюня) называется купальницею и считается днемъ урочнымъ? *М. И. Соколова* 137
10. Огонь на Свадьбѣ 138

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Великорусскія народныя легенды. Сообщ. *Ив. Мамакинымъ* 139
2. Пѣсни крестьянъ села Молодова, Гродненской губ., Кобринскаго уѣзда. Сообщ. г-жею *М. А. Саковичъ* 141
3. Болгарскія народныя пѣсни (Изъ Прилѣпа) 147

Digitized by Google

СТРАН.

4. Болгарскія народныя сказки (Изъ Прилѣпа) 154
5. Лопарскія сказки, легенды и сказанія, записанныя въ Пазрѣцкомъ погостѣ, пограничномъ съ Норвегіей. Свящ. *Щеколдина* 158
6. Якутскія народныя повѣрья и сказки. Сообщ. *В. Л. Приклонскимъ* 169

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

1. Обзоръ трудовъ по Литовской этнографіи (1879—1889). Чл. сотр. Э. А. Вольтера.—2. Этнографическое обозрѣніе. Н. В.—3. А. Павловъ. Неизданный памятникъ русскаго церковнаго права XII вѣка. Н. Волкова.—4. Максимовъ, С. В. Крылатыя слова. Не спроста̀, не спу̀ста слово молвится и до̀ вѣку не сломится. А. С—скаго.—5. Miklosich, Franz. Die Darstellung im slavischen Volksepos. А. С—скаго.—6. «Мелюзина» (Mélusine), періодическій сборникъ миѳологіи, народной литературы, преданій и обычаевъ. Ѳ. Б.—7. Bibliografia litewska od roku 1547 до 1701 r., przedstavil Mauryky Stankiewicz (Литовская библіографія съ 1547 по 1701 г., представилъ Маврикій Станкевичъ) Б—са.—8. Darmestetter., James. Chants populaires des Afghans recueillis par C. O. — 9. Geiger. W. Das Yātkāri Zariran und sein Verhältniss zum Šah-name. C. O. 10.—Das Ausland Wochenschrift für Erd- und Völkerkunde Д. К—скаго.—11. Tr. Krauss, dr. Volksglaube und religioser Brauch der Südslaven. А. Л.—12. Легенда о св. Алексѣѣ въ сирійской и славяно-русской редакціяхъ его житія. А. Пономарева — 13. Narodne pesni koroških Slovencev. Zbral in na svetlo dal I. Scheinigg. C. K, Gymn. prof. v. Celovci Ю. Поливки.—14. В. Томашекъ. Разборъ древнѣйшихъ извѣстій о скиѳскомъ сѣверѣ. А. К. Васильева.—15. Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О., подъ редакціею Правителя дѣлъ. Ир. П—на. — 16. Записки Восточно-Сибирскаго Отдѣла. И. Р. Г. О. Томъ второй, вып. 2 и 3 (подъ редакціей правителя дѣлъ) Ир. П—на.—17. Пыпинъ, А. Н. Исторія Русской этнографіи. Т. II. Общій обзоръ изученій народности и этнографія великорусская. *В. Ламанскаго* 233

Digitized by Google

СТРАН.

Отдѣлъ IV.

1. Вопросы и отвѣты 234

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

1. Журналъ Засѣданія Отдѣленія Этнографіи 12 октября 1890 г. Объявленія. 1—2

Выпускъ III-й.

Списокъ членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ посторонних лицъ, изъявившихъ желаніе подписаться на журналъ «Живая Старина». I— II

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія наблюденія, разсужденія.

1. Письма П. И. Прейса М. С. Куторгѣ, И. И. Срезневскому, П. О. Шафарику, Куршату и др. (1836—1846) 3
2. Три года въ Якутской области (Этнографическіе очерки). *В. Л. Приклонскаго* 48
3. Стародавняя жизнь Остяковъ и ихъ богатыри по былинамъ и сказаніямъ С. К. Патканова 85
4. Этимологическія замѣтки: *А. А. Потебни* 117
5. Отрывокъ былины изъ Сибирской лѣтописи *Л. Н. Майкова* 129

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Ермакъ взялъ Сибирь 133
2. Заговоры Донскихъ казаковъ. Сообщ. *Л. Н. Майковымъ* . . 135
3. Свадебный обрядъ въ Угорской Руси 137
4. Болгарскія народныя пѣсни (Изъ Прилѣпа) 157
5. Пересказы нѣкоторыхъ неизданныхъ Джатакъ Палійскаго канона. (Изъ бумагъ покойнаго И. П. Минаева) 161
6. Якутскія народныя сказки. Сообщ. *В. Л. Приклонскимъ* . . 165

Digitized by Google

СТРАН.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

1. Н. М. Лопатинъ и В. П. Прокунинъ. Сборникъ русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ. С. К. Булича.—2. Шемякинъ судъ. С. Ольденбурга. — 3. Библіографическій указатель изслѣдованій и наблюденій по польской діалектологіи. И. Лося.—4. Narodne pripovjesti u Varaždinu i okolici.—Ю. Поливки.—5. Сумцовъ, Н. Ѳ. Культурныя переживанія. А. С—каго.—6. Этнографическое обозрѣніе. Н. В.—7. А. С. Лаппо-Данилевскій. Поверстная и указная книги Ямского приказа.—8. Матеріалы для исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній. — 9. Воронежскія писцовыя книги. — 10 Гласник земальског. музеја у Босни и Херцеговины и проч. 180

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты.

1. Письмо изъ Кадникова (Вологодск. губ.). А. Иваницкаго.—2. О музеѣ въ Тобольскѣ. Газенвинкеля.—3. Изъ Подольской губ.—4. Изъ Тульской губ., свящ. П. Сахарова.—5. О Псковскомъ говорѣ. И. Евсѣева.—6. Говоръ крестьянъ Морипчельскаго прихода, Великолуцкаго уѣзда, Псковской губерніи. М. Успенскаго 193

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

1. Урочные посты. М. И. Соколова.—2. Русская гигіена XVI вѣка. М. И. Соколова.—3. Примѣты по днямъ луны (Лунникъ). М. И. Соколова.—4. Народныя дѣтскія игры. И. Мамакина.—5. Слѣды древнихъ вѣрованій въ народномъ иконопочитаніи. А. Балова.—6. Праздникъ «Риней».—7. Способъ лѣченія отъ сглазу. С. Брайловскаго.—8. Похоронный обрядъ у Латышей въ 40-хъ годахъ. И. Спрогиса.—9. Замѣтки

Digitized by Google

СТРАН.

о Русскихъ и Калмыкахъ Соснина.—10. Извѣстія о Болгаріи 1835 г. (Изъ бумагъ П. И. Прейса).—11. Монгольскія легенды о монастырѣ Эрдени-Цзу. Г. Н. Потанина. — 12. Прусскіе Нѣмцы и Суданскіе Габери «на дубахъ». В. И. Ламанскаго.—13. «Бѣлая Русь». В. И. Ламанскаго.—14. Францъ Миклошичъ. В. И. Ламанскаго.—15. Слово проф. И. В. Ягича о Миклошичѣ съ замѣчаніемъ проф. И. В. Ламанскаго. — 16. Въ Нео-филологическомъ обществѣ. — 17. Журналъ засѣданія Отдѣленія Этнографіи 28 ноября 1890 г. — 18. Журналъ Засѣданія Отдѣленія Этнографіи 21 декабря 1890 г.—19. Записки по Отдѣленію Этнографіи Имп. Русск. Геогр. Общества. — 20. Содержаніе первыхъ трехъ выпусковъ «Живой Старины» . . . . . 213—268

Объявленія.

Выпускъ IV-й.

Списокъ членовъ И. Р. Г. О. и нѣкоторыхъ постороннихъ лицъ, изъявившихъ желаніе подписаться на журналъ «Живая Старина»

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Письма П. И. Прейса М. С. Куторгѣ, И. И. Срезневскому, П. О. Шафарику, Куршату и др. (1836—1846 3— 42
2. Три года въ Якутской области (Этнографическіе очерки) В. Л. Приклонскаго . . . . . 43— 66
3. Стародавняя жизнь Остяковъ и ихъ богатыри по былинамъ и сказаніямъ. *С. К. Патканова* . . . . . 67—108
4. Мусульманство Рустема Достановича *В. А. Жуковскаго* 109—117

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Пересказы нѣкоторыхъ неизданныхъ Джатакъ Палійскаго канона. (Изъ бумагъ покойнаго И. П. Минаева) . . . 118—121

Digitized by Google

СТРАН.

2. Угро-русскіе заговоры и заклинанія начала XVIII в. Сообщ. *А. Л. Петрова* съ замѣчаніемъ *О. А. Петрушевича* . . . . . 122—130
3. Свадебный обрядъ въ Угорской Руси. (Окончаніе) . . . . 131—138
4. Якутскія народныя сказки. Сообщ. *В. Л. Приклонскимъ* 139—148
5. Лиса и волкъ въ западнѣ (изъ армянской книжной сказочной литературы). *Н. Н. Марра* . . . . . 149—155
6. Отрывки изъ Киргизскаго сказанія о Идыге, изъ записей Ч. Валиханова, сообщ. Г. Н. Потанина . . . . . 156—163

Отдѣлъ II.

Критика и библіографія.

1. Отъ редактора (съ нѣсколькими письмами П. О. Шафарика И. И. Срезневскому) . . . . . 164—174
2. Рецензія И. И. Срезневскаго на книгу Шафарика Slovanský Národopis . . . . . 174—187
3. Шапкаревъ. Сборникъ отъ болгарски народни умотворенія. Часть прва. К. Я. Г. . . . . 187—191
4. Zibrt, C. Dr. Listy z českých dějin kulturních. Прага. 1891. *Іос. Караська.* . . . . . 191—195
5. Комаровъ. Новая збирка малорусскихъ прыказокъ. Одесса 1890, *Арк. Л—нка* . . . . . 195—196
6. Замѣтки В. И. Григоровича о нарѣчіяхъ и говорахъ болгарскихъ . . . . . 196—197
7. Vrčević. Narodne pripovjesti iz života po Boki Kotorskoj, Hercegovinii Crnoi Gori. *А. Л.* 198

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

1. Праздники Рязанск. губ. Данък. уѣзда. *О. П. Семеновой.* 199—202
2. Ладвинскій или Масовскій языкъ . . . . . 202—203
3. Крестьянскія игры въ Минской губ. *М. Довнара-Запольскаго* . . . . . 203—208
4. Сонъ и сновидѣнія въ народныхъ вѣрованіяхъ. *А. Балова.* 208—213

Digitized by Google

СТРАН.

5. Народная дѣтская игра «въ сѣно». *Ив. Мамакина* 214
6. Игры и пѣсенки деревенскихъ ребятъ Лаишевскаго уѣзда, Казанской губ. *П. Нечаева.* . . . . . 214—226
7. Минусинскій Публичный Мѣстный Музей. *Н. В.* . . . . . 226—227
8. Филологическая замѣтка. *Я. Грота.* . . . . . 228—229
9. Изъ вновь открытаго древне-русскаго поученія до-монгольской эпохи. Сообщ. *А. П. Соболевскаго* 229
10. И. Коперницкій. Некрологъ. . . . . 229—230

Объявленія.

Годъ второй

Выпускъ I.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Очеркъ Русской діалектологіи. I. А. Южно-великорусскіе говоры, проф. *А. И. Соболевскаго.* . . . . . 1— 24
2. Балтійскіе Готы и Гута-Сага. Ст. перв. *С. Н. Сыромятникова.* 25— 40
3. Сага-Гутовъ. Переводъ *С. Н. Сыромятникова* . . . . . 41— 48
4. Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842 г.). Съ предисловіемъ Редактора и примѣчаніями *Вс. И. Срезневскаго* . . . . . 49— 77

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Малорусскіе разсказы и повѣрья (Екатеринославской губ.). Зап. *Ив. Манжурою* . . . . . 78 — 80
2. Болгарскія народныя сказки (изъ Прилѣпа) . . . . . 81— 82
3. Болгарскія народныя пѣсни (изъ Прилѣпа) . . . . . 83— 88

Digitized by Google

СТРАН.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

1. Zbiór wiadomości do antropologii Krajowej. *Ир. Полов—на.* 89— 98
2. Обзоръ трудовъ по чешской этнографіи за послѣднее десятилѣтіе (1880—90). *Ю. И. Поливки* . . . . . 99—104
3. Dr. W. Junker. Reisen in Afrika. Проф. *Э. Н. Петри.* . . . 105—107
4. Ядринцевъ, Н. М. Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе. *Н. В—аго* . . . . . 107—109
5. А. Н. Лисовскій. Опытъ изученія малорусскихъ думъ. *Арк. Л—нко* 109
6. Český lid. *І. А. Липовскаго* 110

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

1. Отчеты канд. С.-Петербургскаго Унив. г. Катанова, отправленнаго для этнографическаго изслѣдованія тюркскихъ племенъ въ Вост. Сибирь, Монголію и Сѣв. Китай . . . . . 111—122
2. Бурятская легенда объ озерѣ Бальдзи. *Г. Н. Потанина.* 122—126
3. Некрологъ А. А. Потебни. *В. И. Ламанскаго* . . . . . 126—136
4. Памяти А. А. Потебни. *Б. М. Ляпунова* . . . . . 136—149
5. Памяти А. А. Потебни. *М. Халанскаго* 150
6. Замѣтка (изъ Ярославской Губ. Вѣд. № 6). *Е. И. Якушкина.* 151
7. Записки И. Р. Г. О. по отдѣленію Этнографіи. . . . . 151—152

Выпускъ II.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Очеркъ Русской діалектологіи. I. Б. Сѣверо-великорусское, или окающее поднарѣчіе. Проф. *А. И. Соболевскаго* . . . . . 1— 26
2. Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842 г.). съ примѣчаніями *Вс. И. Срезневскаго* . . . . . 27— 70
3. Троичина. (Бытовой очеркъ). *А. Шустикова.* . . . . . 71— 91

Digitized by Google

СТРАН.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. Остяцкая былина про богатырей города Эмдера. *С. Патканова.* 92— 97
2. Мордовская свадьба. *Е. М. Евсѣева* . . . . . 98—117

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

1. О типѣ Ильи Муромца. *А. Соболевскаго* . . . . . 118—122
2. Словарь русскаго языка. *А. С—скаго* . . . . . 122—125
3. Памятная книжка. *А. С—скаго* 125
4. Харьковскій сборникъ. *А. С—скаго* 126
5. Календарь Вятской губ. на 1892 г. *А. С—скаго* . . . . . — —
6. Zbiór wiadomości do antropologii krajowej t., XIII. *Ир. П.* 127—137
7. Listy z českých dějin kulturních. *Е. Пѣтухова* . . . . . 137—139
8. Изъ старыхъ книгъ. *В. Каллаша* . . . . . 139—142
9. Библіографическіе этюды по литературѣ сказочныхъ схемъ и мотивовъ. I. Ленора (женихъ или братъ-мертвецъ). II. Шемякинъ судъ. *В. Каллаша* . . . . . 142—145
10. Обзоръ трудовъ по чешской этнографіи за послѣднее десятилѣтіе (1880—90). *Ю. Поливки* . . . . . 146—152

Отдѣлъ IV.

Вопросы и отвѣты. *А. Соболевскаго* 153

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

1. Расколъ въ Каргопольскомъ краѣ. *К. А. Докучаева-Баскова.* 154—162
2. Игра со вьюномъ . . . . . 162—167
3. О. О. Первольфъ (Некрологъ). *Ѳ. И.* 168

Digitized by Google

СТРАН.

Выпускъ III.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Очерки русской діалектологіи. II. Бѣлорусское нарѣчіе. *А. И. Соболевскаго* . . . . . 3— 30
2. О побратимствѣ и посестримствѣ. Очеркъ изъ обычнаго нрава Болгаръ. *С. Бобчева* . . . . . 31— 42
3. Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842) . . . . . 43—105
4. Троичина Кадниковскаго уѣзда (бытовой очеркъ). Окончаніе. *А. Шустикова* . . . . . 106—138

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

1. О причитаніяхъ и плачахъ, записанныхъ въ Олонецкой и Архангельской губ. *Ѳ. Истомина* . . . . . 139—145
2. Заговоръ отъ ружья (Тоб. губ.). Сообщ. *С. А. Патрекановымъ*. 146—147
3. Купля, продажа скота; заговоръ отъ лихорадки; какъ окуриваютъ новотелыхъ коровъ. Побасенка—(Нижегор. губ.). Сообщ. *Ив. Мамакинымъ* . . . . . 148—149
4. Заговоръ отъ присухи (Перм. губ.). Сообщ. *П. А. Шилковымъ*. 149—151
5. Проводки и проводочныя пѣсни въ Ростовскомъ уѣздѣ. *Н. Б.* 151—156
6. О говорѣ жителей Каргопольскаго края. *Як. Свѣтлова*. 156—164

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

1. Игра въ тура. *В. Мошкова*. . . . . 164—170

Выпускъ IV.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

1. Очерки Русской діалектологіи. III. Малорусское нарѣчіе. Д. Чл. *А. И. Соболевскаго* . . . . . 1— 61

Digitized by Google

СТРАН.

2. Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842) . . . . . 62—96

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

О вліяніи корельскаго языка на русскій въ предѣлахъ Олонецкой губерніи. *Н. Лѣскова* . . . . . 97—103

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

1. Кавказскій обычай, какъ источникъ изученія первобытнаго права: Замѣтки по поводу сочиненія Проф. М. М. Ковалевскаго «Законъ и обычай на Кавказѣ». Москва 1890. т. I и II 104—120
2. Семья по воззрѣніямъ Русскаго народа, выраженнымъ въ пословицахъ и другихъ произведеніяхъ народно-поэтическаго творчества. Историко-литературный очеркъ. А. Желобовскаго 16° 63 стр. Воронежъ. 1892 (Отд. отт. изъ Фил. Зап.) . . . . .
3. Kbieta w pieśni ludowej Napisała Kazimira Skrzyńska. 12° 100 стр. Warszawa. («Biblioteka Wisty» t. VIII) . . . . . .
4. Современный великоруссъ въ его свадебныхъ обычаяхъ и семейной жизни. Л. Весина («Русская Мысль». 1891. Сент. и окт.). *Вл. Пертца* . . . . . 120—124

Отдѣлъ IV.

Вопросы и Отвѣты.

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

1. Бытовыя черты Русинки Холмскаго края. *К. Яроцкаго* . . 125—134
2. Отчетъ кандидата И. Спб. Университета г. Катанова, отправленнаго въ экспедицію для этнографическаго изслѣдованія тюркскихъ племенъ въ Восточную Сибирь, Монголію и Сѣв. Китай. 134—137

Объявленія объ изданіи Живой Старины и др. журналовъ въ 1893 г.

Оглавленіе 8 выпусковъ Живой Старины за первые два года.

Digitized by Google

Очеркъ русской діалектологіи.

III. Малорусское нарѣчіе.

Въ нашу задачу не входитъ опредѣленіе границъ малорусскаго нарѣчія съ языками польскимъ, словацкимъ, мадьярскимъ и румынскимъ. Мы можемъ ограничиться указаніемъ, что сѣверо-западная граница его идетъ въ царствѣ Польскомъ по губерніямъ Сѣдлецкой и Люблинской, такимъ образомъ, что города Бѣлая (по-польски Biała) въ первой и Холмъ (по-польски Chełm) во второй окружены малорусскими поселеніями [1]); что далѣе оно слышится въ значительной части австрійской Галиціи [2]); что наконецъ ему принадлежитъ прилегающая къ Галиціи узкая полоса Угріи (здѣсь малорусское нарѣчіе постепенно сливается съ словацкими говорами и точное опредѣленіе границы едва ли возможно) [3]) и сѣверо-западная часть Буковины.

Малорусское нарѣчіе сравнительно съ нарѣчіями великорусскимъ и бѣлорусскимъ имѣетъ рядъ особенностей.

---

[1]) Границы русскаго Забужья въ царствѣ Польскомъ см. на спеціальной картѣ Щебальскаго («Карта русскаго Забужья», 1880 г.); о нихъ см. также въ статьѣ Кояловича: «Объ этнографической границѣ между западною Русью и Польшею» (перепечатанной у Шолковича, «Сборникъ статей, разъясняющихъ польское дѣло по отношенію къ зап. Россіи», вып. I, Вильна, 1885), и въ изданіи Батюшкова: «Холмская Русь», Спб. 1887 (глава I). Поляки отрицаютъ существованіе русскаго населенія въ Забужьѣ; см. статью: «Fantazye geograficzne na temat ziemi Lubelskiej i Podlaskiej» (Atoneum 1882 г. № 11). Должно замѣтить, что русское Забужье входило въ составъ владѣній Даніила Галицкаго и его преемниковъ.

[2]) Границы въ книжкѣ Зубрицкаго: «Gränzen zwischen der russischen und polnischen Nation im Galizien», Lemberg, 1849 (русскій переводъ въ Вѣстникѣ юго-зап. и западной Россіи 1863 г.), и въ статьѣ: «Границы русскаго и польскаго народа по языку въ Завислоцкой Руси» (Прикарпатская Русь, Площанскаго, часть 3-я, Львовъ, 1885).

[3]) Послѣдній трудъ, говорящій о границахъ между Русскими и Словаками въ Угріи,—статья А. Л. Петрова: «Замѣтки по угорской Руси» (Ж. М. Н. Пр. 1892 г. № 2). Здѣсь указана литература вопроса.—Границы русскаго населенія въ Австро-Венгріи см. еще на картѣ Головацкаго (при его «Пѣсняхъ»).

Digitized by Google

Древнее (=орѳографическое) *о* въ извѣстныхъ случаяхъ (въ слогахъ, за которыми когда-то слѣдовали *ъ*, или *ь*, или *и*, въ историческое время, какъ гласные звуки, исчезнувшіе изъ произношенія) болѣе или менѣе значительно измѣнилось и звучитъ или какъ какой-либо дифтонгъ, или какъ *у*, или какъ *і*, или какъ другой совершенно отличный отъ *о* звукъ. Напримѣръ, древне-русское к о н ь въ малорусскомъ нарѣчіи звучитъ к у о н ь, или к у н ь, или к і н ь, или еще какъ-нибудь иначе.

Древнее (=орѳографическое) *е* въ тѣхъ же случаяхъ также болѣе или менѣе значительно измѣнилось и звучитъ или 1) какъ тѣ звуки, въ которые перешло *о;* напримѣръ, т е т ъ к а (=наше тётка) превратилось въ т ю о т к а, т ю т к а, т і т к а и проч.; или 2) какъ тѣ звуки, въ которые перешелъ древній *ѣ*; напримѣръ, древне-русское ш е с т ь звучитъ ш і є с т ь (съ дифтонгомъ *іє*), ш є с т ь, ш і с т ь [1]).

Древній (=орѳографическій) *ѣ* звучитъ или какъ дифтонгъ *іє*, или какъ *є* (=мягкое *е*), или какъ *і* (=мягкое, «острое» *и*); такъ, древне-русское л ѣ т о звучитъ л і є т о, л є т о, л і т о; древне-русская форма род. ед. *ѣ* (=наше е ё) звучитъ *єіє*, *єє*, *єі*, *іі*.

Древнія (=орѳографическія) *и* и *ы* послѣ согласныхъ, кромѣ *j*, въ большинствѣ малорусскихъ говоровъ звучатъ одинаково: или мягче, чѣмъ наше *ы*, и тверже, чѣмъ наше *и* (мы передаемъ этотъ звукъ черезъ букву *и* [2]), или вполнѣ какъ наше *ы* (мы передаемъ черезъ *ы*); такъ, древне-русское *мыти* звучитъ *мити* или *мыты*, съ однимъ и тѣмъ же гласнымъ въ обоихъ слогахъ. При этомъ древнее мягкое *л* звучитъ или близко къ западно-европейскому среднему *л*: *ли*хо [3]), или какъ великорусское твердое *л*: *лы*хо.

---

[1]) Объ исключеніяхъ, вызванныхъ аналогіей (волосъ, волохъ, ворогъ, голодъ, голодний, годно и т. п. съ одной стороны и голівонька, воріженьки, слізоньки, кілокъ, сніпокъ, віконце и т. п. съ другой), мы считаемъ излишнимъ распространяться (см. наши «Лекціи по исторіи русскаго языка», изд. 2-е, стр. 54); замѣтимъ лишь, что въ разныхъ говорахъ малорусскаго нарѣчія эти исключенія до нѣкоторой степени различны; напримѣръ, отъ о т е ц ь форма родит. ед. звучитъ по-украински *о*тця, а по-галицки в*і*тця.

[2]) «До сихъ поръ въ малороссійской грамотѣ глазъ непривычнаго читателя непріятно поражала буква *ы*, которою литераторы наши выражали мягкое южное *и* (напримѣръ, въ словахъ п р и й ш л и, м и н у л и). Но она до такой степени несвойственна южно-русской рѣчи, что полтавецъ или чигиринецъ не можетъ даже въ великорусской книгѣ произнести звуковъ в ы, м ы и т. п. Онъ будетъ произносить нѣчто подобное словамъ м и, в и, но никогда не скажетъ в ы или м ы такъ твердо, какъ выговариваетъ его сѣверный уроженецъ. Въ малороссійскомъ языкѣ, котораго образцомъ служитъ для меня наиболѣе общее Малороссіянамъ нарѣчіе, именно полтавско-чигиринское,—вовсе нѣтъ звука *ы*... Напримѣръ, слово в о л ы произносится Малороссіянами похоже на то, какъ если бы написать это слово французскими буквами (voly)». К у л и ш ъ, Записки о южной Руси, I, стр. VII—VIII; рѣчь здѣсь идетъ объ у к р а и н с к о м ъ *и*.

[3]) Поляки обыкновенно пишутъ: łycho.

Digitized by Google

Древніе мягкіе согласные передъ *е* звучатъ болѣе твердо, чѣмъ у насъ, такимъ образомъ, что слогъ *не* или произносится ближе къ нашему *нэ*, чѣмъ къ нашему *не* [1]), или даже какъ наше *нэ*; при этомъ древнее мягкое *л* звучитъ или близко къ западно-европейскому среднему *л* [2]), или какъ наше твердое *л*. Тѣ же согласные передъ *в* звучатъ какъ наши мягкіе.

Древніе (=орѳографическіе) звонкіе согласные въ концѣ словъ и въ серединѣ словъ передъ глухими согласными въ большей части малорусскихъ говоровъ сохраняются: лобъ (а не лопъ, какъ у насъ), бігъ (=богъ), дідъ (=дѣдъ), ніжъ (=ножъ), візъ (=возъ), ніжка (=ножка).

Древніе мягкіе губные *б, в, м, п* передъ *а* (т. е. въ слогахъ *бя, вя* и т. д.) звучатъ какъ *бj*, *вj*, *мj*, *пj* (причемъ *б* и проч. часто тверды): *въя̀ну* (=*вjану*, наше вяну), па̀*мъ*ять, *пъ*ять (но: *свя*тий), причемъ вмѣсто *бj* и проч. въ формахъ 3 л. мн. ч. можетъ являться *бл* (*л* мягкое), а вмѣсто *мj*—*мн* (*н* мягкое): лю̀*бл*ять, *мн*ясо (мясо).

Кромѣ этихъ главныхъ особенностей малорусскаго нарѣчія, отмѣтимъ въ области звуковъ слѣдующія.

Звукъ *о* послѣ мягкихъ согласныхъ, образовавшійся изъ *е*, въ малорусскомъ нарѣчіи слышится въ несравненно меньшемъ количествѣ словъ, чѣмъ въ нарѣчіяхъ великорусскомъ и бѣлорусскомъ, и не находится въ какой-либо зависимости отъ ударенія. Мы его находимъ наиболѣе часто послѣ шипящихъ согласныхъ и j, въ слогахъ, имѣющихъ послѣ себя твердые согласные: украинск. жона̀, чоловікъ, чоти̇ри, жо̀ўтий, шости̇й, щока̀ (но: черевѝкъ, шерсть, чеса̀ти, чепурний, шепта̀ти, єщѐ и т. п.), ёго, ёму (но: моє=моё и др.), лёнъ, слёза̀, трёхъ, сёго̀, сёму̀; при этомъ въ однихъ говорахъ *о* изъ *е* чаще, въ другихъ рѣже: украинск. ёго—галицк. єго, украинск. ўсе (=всё)—галицк. ўсе̇.

На мѣстѣ звука *о*, не ударяемаго, спорадически, въ однихъ говорахъ чаще, въ другихъ рѣже, можетъ слышаться *у*: украинск. *у*пъя̀ть (опять). Но въ формахъ неопредѣленнаго наклоненія *у* слышится во многихъ говорахъ постоянно: куп*у*ва̀ти, торг*у*ва̀ти, таньц*ю*ва̀ти и т. п.

На мѣстѣ того же звука *о* послѣ согласныхъ спорадически можетъ слы-

---

[1]) «Буква *е* въ малороссійскомъ языкѣ (точнѣе: въ украинскомъ говорѣ) произносится послѣ согласныхъ не такъ, какъ, напримѣръ, въ великорусскомъ словѣ дерево, а близко къ тому, какъ во французскомъ словѣ délecter; и потому слово дерево по-малороссійски надобно произносить такъ или почти такъ, какъ если бы оно было напечатано французскими буквами (dérévo). Но есть въ малороссійскомъ языкѣ и острое *е* послѣ согласныхъ, точно такое, какъ въ великорусскомъ словѣ денегъ. Это *е* я выражаю буквою є (напримѣръ, въ словѣ зілле)». Кулишъ, Записки о южной Руси, I. стр. VIII.— Украинское *е* «твердіше одъ московського *е* и ніби мякше одъ московського же *э*». Помисъ въ «Черниговскомъ Листкѣ» 1862 г., № 2.

[2]) Поляки пишутъ: łeczu=лечу.

Digitized by Google

шаться также *а*, въ тѣхъ случаяхъ, когда за слогомъ съ *о* слѣдуетъ слогъ съ *а* (*я*): укр. б*а*гатий, г*а*ра̀здъ, г*а*ря̀чий, х*а*зя̀инъ. Одни говоры имѣютъ это *а* въ бо̀льшемъ (но вообще небольшомъ) количествѣ словъ, другіе въ меньшемъ.

На мѣстѣ звука *е* въ концѣ формъ имен.-вин. ед. средн. р. на *ье*, въ значительной части малорусскихъ говоровъ слышится *а* (т. е. *я*): укр. життя̀, весілля (=житье, веселье). Оно можетъ переходить изъ этихъ формъ въ формы творит. ед.: весіллямъ, и въ уменьшительныя: весіллячко.

На мѣстѣ *у* послѣ согласныхъ въ разныхъ говорахъ въ отдѣльныхъ, очень немногихъ словахъ слышится *і*: укр. зам*і*жъ (=замужъ), ог*і*рокъ (=огурецъ), д*і*брова, галицк. ф*і*рманъ (=фурманъ), кл*і*чъ (=ключъ).

Древнее (=орѳографическое) *у*, будучи безъ ударенія, можетъ, какъ въ бѣлорусскихъ говорахъ, не составлять слога или даже переходить въ *в*: ўмію (умѣю), ўмива̀ю, ў мене и *в*мію, *в*миваю, *в*ъ мене, *в*ъ jіхъ (у нихъ)

Древнее *в*, въ свою очередь, передъ согласными (въ ихъ числѣ и j-мъ) и въ концѣ словъ [1]), подобно *в* бѣлорусскихъ говоровъ, часто звучитъ какъ не составляющее слога *у*: укр. пра̀ўда, моўляти, діўчи̇на (= дѣвчина), слоў или сліў (=словъ, род. мн.); это ў вмѣстѣ съ предъидущими гласными, образуетъ одинъ звукъ-дифтонгъ. Предлогъ-префиксъ *въ* можетъ переходить какъ въ *у* не составляющее слога, такъ и въ *у* составляющее слогъ, даже въ *ув*, *уво*: укр. ў полі и *у* полі, *увъ* огню̀, *уво* сні.

Древнее твердое *л* въ серединѣ словъ передъ согласными [2]) и въ концѣ формъ прошедшаго времени, какъ въ бѣлорусскихъ говорахъ, обыкновенно звучитъ какъ ў, образующее съ предъидущими гласными одинъ звукъ-дифтонгъ: укр. воўкъ, ішоў (=шелъ), буў (=былъ), но можетъ звучать (передъ гласными) также какъ *в*: укр. я бу*в*ъ одинъ.

Гортанное *г* звучитъ всегда какъ лат. *h*. Звукъ *g*—только въ полонизмахъ и германизмахъ, да въ предлогѣ *къ*, если слѣдующее за нимъ слово начинается съ *б*, *д*, *з*: *g* дому (=*къ* дому).

Шипящія *ж*, *ч*, *ш* въ большей части говоровъ обыкновенно звучатъ твердо; но они мягки передъ *і* и *е* (на мѣстѣ *ье*). Двойное *жж* также твердо.

На мѣстѣ нашего *ж* изъ *д* можетъ слышаться твердое *дж*: хо*дж*ў, ви*дж*у, звучащее въ большемъ или меньшемъ числѣ говоровъ какъ дифтонгъ [3]).

---

[1]) Гатцукъ въ своей малорусской азбукѣ («Украінська абетка», М. 1861) пишетъ голоўа, чоловікоўі, попоўе, молитўа и т. п., но едва ли не по какому-нибудь недоразумѣнію.

[2]) Не мало исключеній (подъ вліяніемъ аналогіи): укр. горілка и т. п.

[3]) «Зайшла річь про наші (украинскіе) приголоси *дз* и *дж* (*дз*вінъ, *дз*індзіворъ, б*дж*ола, *дж*ога, *дж*уръ и др.). Балакали, що приголоси сі у насъ не те, что московські *дз* и *дж*, а отъ-якъ грецьке двета и тальянське *g* (передъ *е* и *і*)». Черниговскій Листокъ 1862 г. № 2, стр. 13.

Digitized by Google

Шипящее сочетаніе *щ* звучитъ какъ твердое *шч*: *шч*окà (=щека), *вшч*é (=еще) [1]).

Свистящее *ц* въ большей части говоровъ звучитъ твердо въ срединѣ словъ и мягко въ исходѣ ихъ: *ц*арѝ*ця*, дванàть*ця*ть, лю̀бит*ця* (3 л. ед.), царѝ*цю* (вин.), хлòп*цю* (дат.), Грѝ*цю* (зват.), хлòпе*ць*, Гри*ць*. Впрочемъ передъ *е* въ исходѣ словъ оно звучитъ твердо: ли*цé* (при ли*ця*, ли*цю*).

Древнее мягкое *р*, въ однихъ говорахъ чаще, въ другихъ рѣже, звучитъ твердо: укр. мат*іръ* (=мать).

Древніе мягкіе губные въ концѣ словъ обыкновенно звучатъ твердо: укр. сі*мъ* (=семь), сип*ъ* (=сыпь, повел.).

Звука *ф* въ значительномъ большинствѣ малорусскихъ говоровъ нѣтъ; его мѣсто занято или *х*, *хв*, или (рѣже) *п*: Хома, *хв*ортка, *П*илипъ, О*п*анасъ.

Древніе мягкіе согласные передъ суффиксомъ *ск* обыкновенно не только сохраняются, но и сообщаютъ мягкость согласному *с* суффикса: укр. цà*рьсь*кий.

На мѣстѣ нашихъ сочетаній мягкихъ согласныхъ съ j въ большей части говоровъ слышатся или двойные мягкіе согласные: укр. весі*лля*, камі*ння* (=каменье), су*ддя̀*, жи*ття̀*, підъ пі*ччу* (=подъ печью) и т. п., или образовавшіеся изъ нихъ простые мягкіе согласные: весі*ля*, камі*ня*, укр. щас*тя* (=счастье) и т. п. Но: *бъю*, *пъю*, при *ллю* и т. п.

На мѣстѣ орѳографическихъ сочетаній *стк*, *стл*, *стн* всегда слышится *ск*, *сл*, *сн*: укр. неві*ска* (=невѣстка), щас*лѝ*вий (=счастливый), зві*сно* (=извѣстно).

На мѣстѣ нашихъ сочетаній *ро*, *ло*, *ле* (*о* изъ *ъ*, *е* изъ *ь*) могутъ слышаться сочетанія *ри*, *ли*: укр. к*ри*вàвий, чорноб*рѝ*вий (=кровавый, чернобровый), гал. д*ри*вà, с*ли*зъ (=слёзъ, род.).

На мѣстѣ орѳографическаго сочетанія *ѣй* въ формахъ сравнительной степени можетъ слышаться одно *і*: скорі*ше* (=скорѣйше).

Передъ каждымъ дифтонгомъ, *у* и *і* изъ древняго *о* въ началѣ словъ является *в*: *в*уонъ, *в*унъ, *в*інъ (=онъ).

Передъ начальнымъ *о* нѣкоторыхъ словъ почти во всѣхъ говорахъ можетъ являться *г*: укр. *г*острий (= острый). Число этихъ словъ въ однихъ говорахъ больше, въ другихъ меньше.

Между формами заслуживаютъ вниманія слѣдующія.

Формы дат. ед. именъ муж. р. существительныхъ могутъ оканчиваться не только на *у*, но и на *ови*, *еви* или *ові*, *еві*: бог*ови*, бог*ові*.

Формы им. (и вин.) мн. муж. р. могутъ оканчиваться на *ове*: бог*ове*.

---

[1]) Шейковскій въ своемъ словарѣ вмѣсто *щ* пишетъ всегда *шч*.

Digitized by Google

Формъ им.-вин. мн. муж. р. на *а*, въ родѣ великорусской город*а̀*, въ малорусскомъ нарѣчіи не существуетъ.

Формы мѣстн. ед. муж.-ср. р. и дат.-мѣстн. ед. женск. р. обыкновенно съ древними свистящими: укр. на пор*о̀*з*і*, нозі, ру*ц*і, со*с*і (=сохѣ), доч*ц*і или доц*ц*і, свас*ц*і (=свашкѣ).

Формы мѣстн. ед. муж. р. чаще имѣютъ окончаніе *у*, чѣмъ въ великорусскомъ нарѣчіи; они могутъ оканчиваться также на *ови*, *ові*.

Формы род. ед., им.-вин. мн. именъ существительныхъ женск. р. и формы им.-вин. именъ существительныхъ муж. р. такъ называемаго мягкаго склоненія оканчиваются на тѣ гласные, которые въ малорусскихъ говорахъ соотвѣтствуютъ древнему *ѣ:* укр.-гал. душ*і*, сѣв.-малорусск. род. душ*іє*, им. д*у̀*ш*є*; укр.-гал. ко́н*і*, сѣв.-мал. ко́н*є*; укр. кост*і*, гост*і* (при кост*и*, гост*и*).

Формы твор. ед. именъ существительныхъ женск. р. всегда оканчиваются на *ою* (откуда галицк. *оў*), безъ опущенія конечнаго гласнаго.

Формы зват. п. ед. ч. именъ муж. и женск. р. вполнѣ обычны во всѣхъ малорусскихъ говорахъ: укр. п*о̀*п*е*, коза̀ч*е*, с*и̇*нк*у*, місяц*ю*, Гр*и̇*ц*ю*, жінк*о*, дон*ю* (дочка), Гал*ю* (Галя).

Формы вин. мн. отъ именъ означающихъ одушевленные предметы могутъ быть сходны не съ формою род. мн., а съ формою именит. мн.: укр. багатому чортъ діт*и* колише, галицк. пасу кон*і*.

Нѣкоторые говоры сохранили древнія формы двойств. ч. женск. р.: гал. дві нозі (обыкновенно: дві ног*и*); почти всѣ говоры утратили древнія именныя формы двойств. ч. муж. р.: два воўк*и*. Формы род.-мѣстн. п. отъ *два* и *оба*—дв*охъ* и дв*ухъ*, об*охъ*.

Формы им.-вин. ед. муж. р. членныхъ именъ прилагательныхъ и мѣстоименій оканчиваются въ однихъ говорахъ только на *ий (ый)*, въ другихъ—или на *ий*, или на *и:* добр*ий*, д*о̀*бр*и*, сліп*и̇й*, сліп*и́*, въ третьихъ—только на *и*. Рядомъ: т*ой* (=тотъ), с*ей*, ц*ей* (=сей). Но форма род. мн. именъ существительныхъ въ большинствѣ говоровъ—на *ей:* гост*е́й*.

Формы им. ед. женск. р. тѣхъ же словъ оканчиваются не только на *ая*, но и на *а:* добр*а* горілка (=добрая), а формы вин. ед. не только на *ую*, но и на *у:* добр*у* горілку (=добрую).

Формы им.-вин. средн. р. тѣхъ же словъ оканчиваются не только на *оє*, но и на *е*, *єє:* д*о̀*бр*е*, д*о́*бр*єє*, сліп*е́*, сліп*е́є* (=доброе, слѣпое), т*е*, т*е́є* (=то).

Формы род. ед. муж. и ср. р. тѣхъ же словъ оканчиваются на *ого* или *его (ёго):* д*о̀*бр*ого*, син*его* (син*е́го*). Изъ нихъ формы мѣстоименій *мой* и *твой* имѣютъ стяженіе гласныхъ: м*ого̀*, тв*ого̀*, также какъ и формы дат.: м*ому̀*, тв*ому̀*.

Формы род. ед. женск. р. тѣхъ же словъ оканчиваются на тѣ сочета-

Digitized by Google

нія звуковъ, которыя происходятъ въ малорусскихъ говорахъ изъ древне-русскихъ *оѣ, еѣ:* укр.-гал. добр*оі*, т*оі*, сѣв.-малор. дóбр*ое* и т. д., въ большинствѣ говоровъ съ сохраненіемъ конечнаго гласнаго. Тѣ же окончанія въ формахъ род. ед. ж. р. мѣстоименій нечленныхъ: укр.-гал. т*оі*, мо*еі*, *еі* или *іі*. Послѣдняя форма—также форма вин. ед.

Формы мѣстн. ед. муж.-ср. р. тѣхъ же словъ могутъ оканчиваться не только на *імъ* (=великорусск. *омъ*): дóбр*імъ*, но и на *ому*, какъ формы дат.: укр. у паньськ*ому* селі.

Формы им.-вин. мн. тѣхъ же словъ оканчиваются на *иі* (*ыі*, *ые*): дóбр*иі*, или на *і*, *іі*: дóбр*і*, дòбр*іі* (=добрые).

Формы род.-мѣстн., дат. и твор. мн. тѣхъ же словъ въ разныхъ говорахъ могутъ оканчиваться не только на *ихъ (ыхъ)*, *имъ*, *ими:* дòбр*ихъ* и т. д., но въ нѣкоторыхъ говорахъ также на *іхъ*, *імъ*, *іми:* дòбр*іхъ* и т. д.

Формы вин. (род.) ед. мѣстоименій личныхъ и возвратнаго звучатъ: мене, тебе, себе или мя, мъя, мня, тя, ся; формы дат.: мені, мині, міні, тобі, собі (съ *і* или съ другимъ звукомъ въ концѣ, соотвѣтствующимъ древнему *ѣ*) или ми (мі), ти (ті), си (сі). Краткія формы въ нѣкоторыхъ говорахъ могутъ имѣть на себѣ логическое удареніе.

Мѣстоименіе тотъ можетъ имѣть формы им. и вин. ед. женск. р. тота, тоту; форма твор. ед. муж. звучитъ тымъ, род., дат., твор., мѣстн. мн.—тыхъ, тымъ, тыми, тыхъ.

Формы 1 л. ед. обыкновенно имѣютъ не гортанные, а шипящіе согласные: мо*жу̀*, пе*чу̀* (=могу, пеку); съ тѣми же согласными могутъ быть и формы 3 л. мн. изъявит. накл. и формы повелит. накл. (помо*жѝ* и т. п.).

Формы 3 л. ед. дѣйствительнаго залога оканчиваются или на *е*: ведé, или на *ить* (*итъ*): лю̀б*ить*; рядомъ *есть* и *є* (=есть). Формы возвратн. залога, если *ся* находится послѣ глагольной формы, всегда оканчиваются на *етця*, *ецьця*, *еця:* вед*етця*, или *итця*, *ицьця*, *иця*: люб*итця*.

Формы 3 л. на *ає* могутъ въ большей части говоровъ имѣть сокращенное окончаніе *а*: ду̀м*а* (=думаетъ), пит*à* (рядомъ: дум*ає*, пит*ає*).

Формы 1 л. мн., рядомъ съ окончаніемъ *мъ*, могутъ имѣть окончаніе *мо*: бу̀д*емо*, да*мò* (=дадимъ), підь*мó* (повел. н.,=пойдемъ).

Формы 2 л. мн. повелит. н., рядомъ съ окончаніемъ *те*, могутъ имѣть окончаніе *ть* (*тъ*): веді*ть*, пусті*ть* (=ведите, пустите).

Формы 1 и 2 л. мн. повелит. накл. глаголовъ 2-го спряженія обыкновенно имѣютъ передъ личнымъ окончаніемъ *і*, а не *и*: пуст*і*мо, пуст*і*те.

Формы возвратн. зал. обыкновенно оканчиваются или на *ся* (*ця*), или на *сь*: укр. накрила*сь*, крию*сь*, накриў*сь*.

Формы повелит. накл. въ однихъ говорахъ оканчиваются одинаково на

Digitized by Google

ть и *ти*, въ другихъ чаще или постоянно на *ти*; между ними можно отмѣтить формы пек*тѝ* (=печь) и т. п., пек*чѝ* и т. п.

Формы будущ. вр. въ большей части говоровъ могутъ состоять не только изъ *буду* съ формою неопредѣл. накл., но и изъ *му* (=иму) съ формою неопредѣл. накл.: *му* знати, знати*му*, кохати*муся* и т. п.

Глаголы р*ѝю*, м*ѝю* и т. п. (=великорусск. рою, мою) во всѣхъ формахъ имѣютъ *и* (ы), такъ что, напримѣръ, формы повелит. накл. звучатъ р*ий*, м*ий*; отъ глаголовъ *бью*, *пью* и т. п. формы повелит. н. имѣютъ *и* (ы): б*ий*, п*ий* и т. п.

Глаголъ существительный въ формахъ прошедш. врем. и неопредѣл. наклон. имѣетъ въ корнѣ *у*: бу*ў*, бул*а́*, бул*о́*, бул*и́*, бути (=былъ и пр.).

Глаголы *дамъ* и *ѣмъ* сохраняютъ формы настоящаго (=будущаго) врем. древнія: *дасѝ*, *дамѝ*, *дасте́* и т. п.

Еще нѣсколько мелкихъ особенностей.

На мѣстѣ нашего гласнаго *и* въ началѣ однихъ словъ, неударяемаго, можетъ слышаться *и* не составляющее слога: Йвась; въ началѣ другихъ словъ— можетъ отсутствовать гласный: грати (=играть), не наче (не иначе); союзъ *и* послѣ гласнаго можетъ переходить въ j: мати *й* синъ.

Начальное *і* изъ *ѣ* обыкновенно имѣетъ передъ собою *j*: *j*істи, а начальное *і* изъ *и* не имѣетъ *j*-та, кромѣ мѣстоименныхъ формъ *jімъ*, *jіхъ*, *jіми*.

Предлоги-префиксы *съ* и *изъ* могутъ звучать какъ *зъ* (*зо*, *зі*) передъ гласными и передъ всѣми тѣми согласными, передъ которыми можетъ быть произносимъ звукъ *з*: *зъ* мене, *зо* мною, *з*няти, *з*рубити, а *съ* можетъ звучать, сверхъ того, какъ *ізъ*, *изъ* или *ісъ*, *исъ*: укр. *і*знятн, *ісъ* тобою. Но не мало случаевъ, гдѣ префиксъ *съ* сохраняется: укр. *с*мутний, не *з*мутний, *с*мерть и т. п.

Предлогъ-префиксъ *отъ* можетъ звучать какъ *одъ* или *відъ* (укр.-гал.) передъ гласными и всѣми тѣми согласными, передъ которыми можетъ стоять звукъ *д*.

Мѣстоименіе и происшедшій изъ него союзъ звучатъ *що*, *шо*: обыкновенно и та и другая форма рядомъ.

Словарный матеріалъ въ говорахъ западной половины малорусской территоріи (начиная отъ западныхъ частей Подолья и Волыни и отъ Гродненской губ.) изобилуетъ полонизмами, а въ говорахъ карпатскихъ и угорскихъ, кромѣ полонизмовъ,—и словацизмами [1]).

[1]) Мы не имѣемъ ни одной удовлетворительной грамматики малорусскаго нарѣчія. Большая часть трудовъ по грамматикѣ этого нарѣчія принадлежитъ Галичанамъ (лучшіе учебники—Головацкаго, 1849 г., и Огоновскаго, 1889 г.; главные труды по малорусской діалектологіи—«Росправа о языцѣ южно-русскомъ и его нарѣчіяхъ», Голо-

Digitized by Google

Малорусское нарѣчіе дѣлится на два поднарѣчія: сѣверно-малорусское и южно-малорусское, или украинско-галицкое. Сѣверно-малорусское поднарѣчіе занимаетъ сѣверную и сѣверо-западную часть малорусской территоріи и слышится въ значительной части малорусскихъ уѣздовъ Черниговской губ. [1]), въ частяхъ Переяславскаго и Пирятинскаго уѣздовъ Полтавской губ. [2]), въ сѣверной части Кіевской губ., въ сѣверной части Волынской губ. (въ Полѣсьи), въ юго-западной Минской губ., въ малорусскихъ уѣздахъ Гродненской и Сѣдлецкой губ. [3]). Южно-малорусскому поднарѣчію принадлежитъ вся остальная часть малорусской территоріи въ Россіи (между прочимъ малорусская часть Люблинской губ.), Галиція и Буковина. Говоры карпатскіе принадлежатъ ко второму, а угорскіе отчасти къ первому, но по большей части ко второму изъ малорусскихъ поднарѣчій.

вацкаго, Львовъ, 1849, и «Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache», Огоновскаго, Львовъ, 1880 (дополненіе въ изданіи Краковской Академіи Наукъ: «Rozprawy i sprawozdania wydziału filologicznego», т. X, 1884). У насъ, кромѣ старой и плохой грамматики Павловскаго, имѣются лишь «Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи», Науменка, Кіевъ, 1889, крайне слабый, да статья «Нарѣчія, поднарѣчія и говоры южной Россіи въ связи съ нарѣчіями Галичины», Михальчука (въ «Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край», Чубинскаго, т. VII, вып. 2, Спб. 1877); сверхъ того, замѣчанія по малорусской грамматикѣ и діалектологіи—въ изслѣдованіяхъ Потебни и Житецкаго. Единственный оконченный малорусскій словарь—«Малоруско-нѣмецкій словарь» Галичанина Желеховскаго, Львовъ, 1886; отрывки словарей изданы Аѳанасьевымъ-Чужбинскимъ и Шейковскимъ.

Мы пользуемся для изображенія звуковъ малорусскаго нарѣчія правописаніемъ Кулиша, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями.

[1]) «Въ отношеніи говора, Черниговскую губ. можно раздѣлить на три части: сѣверную (бѣлорусскую), среднюю (переходную) и южную (чисто малороссійскую)... Въ средней части переходное нарѣчіе» (такъ авторъ называетъ сѣверно-малорусскіе говоры). «Уѣзды, говорящіе этимъ нарѣчіемъ—Новгородсѣверскій, Сосницкій, Городнецкій, Черниговскій и Остерскій. Естественную границу этому нарѣчію можно опредѣлить р. Десну, потому что во всѣхъ уѣздахъ, лежащихъ за Десною, можно сразу замѣтить большое склоненіе говора на сторону чисто малороссійскаго языка, и хотя еще въ сѣверныхъ частяхъ задесенскихъ уѣздовъ слышно колебаніе говора то на сторону переходнаго говора, то на сторону чисто малороссійскаго, за то въ южныхъ частяхъ этихъ уѣздовъ говоръ ужо чисто малороссійскій». Черниг. Губ. Вѣдом. 1860 г. № 4, стр. 25—26. Авторъ несомнѣнно уменьшаетъ территорію сѣверно-малорусскихъ говоровъ въ Черниговской губ.

[2]) Тотъ-же авторъ приводитъ слова Карпенка: «Вліяніе черниговскаго нарѣчія ощутительно, даже до Переяслава,—и въ Полтавской губ. Мѣстечко Борисъ-Поле и въ Пирятинскомъ уѣздѣ, но тамъ еще говорятъ: *пусить*, *кусинь* и т. п.». Онъ считаетъ невѣрнымъ показаніе Карпенка, но, какъ увидимъ, безъ основанія.

[3]) Въ Сѣдлецкой губ., «на границѣ Люблинской губ. и дальше по-надъ рѣкою Бугомъ, народъ... говоритъ обыкновеннымъ волынско-галицкимъ говоромъ.» Р. Филологич. Вѣстн. 1884 г. № 2, стр. 255.

Digitized by Google

ть и *ти*, въ другихъ чаще или постоянно на *ти*; между ними можно отмѣтить формы пе*кти* (=печь) и т. п., пе*чи* и т. п.

Формы будущ. вр. въ большей части говоровъ могутъ состоять не только изъ *буду* съ формою неопредѣл. накл., но и изъ *му* (=иму) съ формою неопредѣл. накл.: *му* знати, знати*му*, кохати*муся* и т. п.

Глаголы р*ю*, м*ю* и т. п. (=великорусск. рою, мою) во всѣхъ формахъ имѣютъ *и* (ы), такъ что, напримѣръ, формы повелит. накл. звучатъ р*ий*, м*ий*; отъ глаголовъ *бью*, *пью* и т. п. формы повелит. н. имѣютъ *и* (ы): б*ий*, п*ий* и т. п.

Глаголъ существительный въ формахъ прошедш. врем. и неопредѣл. наклон. имѣетъ въ корнѣ *у*: бу̀ў, була́, було́, булѝ, бути (=былъ и пр.).

Глаголы *дамъ* и *ѣмъ* сохраняютъ формы настоящаго (=будущаго) врем древнія: *дасѝ*, *дамѝ*, *дасте́* и т. п.

Еще нѣсколько мелкихъ особенностей.

На мѣстѣ нашего гласнаго *и* въ началѣ однихъ словъ, неударяемаг можетъ слышаться *и* не составляющее слога: Йвась; въ началѣ другихъ словъ можетъ отсутствовать гласный: грати (=играть), не наче (не иначе); союзъ послѣ гласнаго можетъ переходить въ j: мати *й* синъ.

Начальное *і* изъ *ѣ* обыкновенно имѣетъ передъ собою *j*: *j*істи, а ч чальное *і* изъ *и* не имѣетъ *j*-та, кромѣ мѣстоименныхъ формъ *jімъ*, *jіхъ*, *jі*

Предлоги-префиксы *съ* и *изъ* могутъ звучать какъ *зъ* (*зо*, *зі*) пер гласными и передъ всѣми тѣми согласными, передъ которыми можетъ б произносимъ звукъ *з*: *зъ* мене, *зо* мною, *з*няти, *з*рубити, а *съ* можетъ чать, сверхъ того, какъ *із*, *из* или *іс*, *ис*: укр. *і*зняти, *іс* тобою. Не мало случаевъ, гдѣ префиксъ *съ* сохраняется: укр. *с*мутний, не *з*мутний, *с* и т. п.

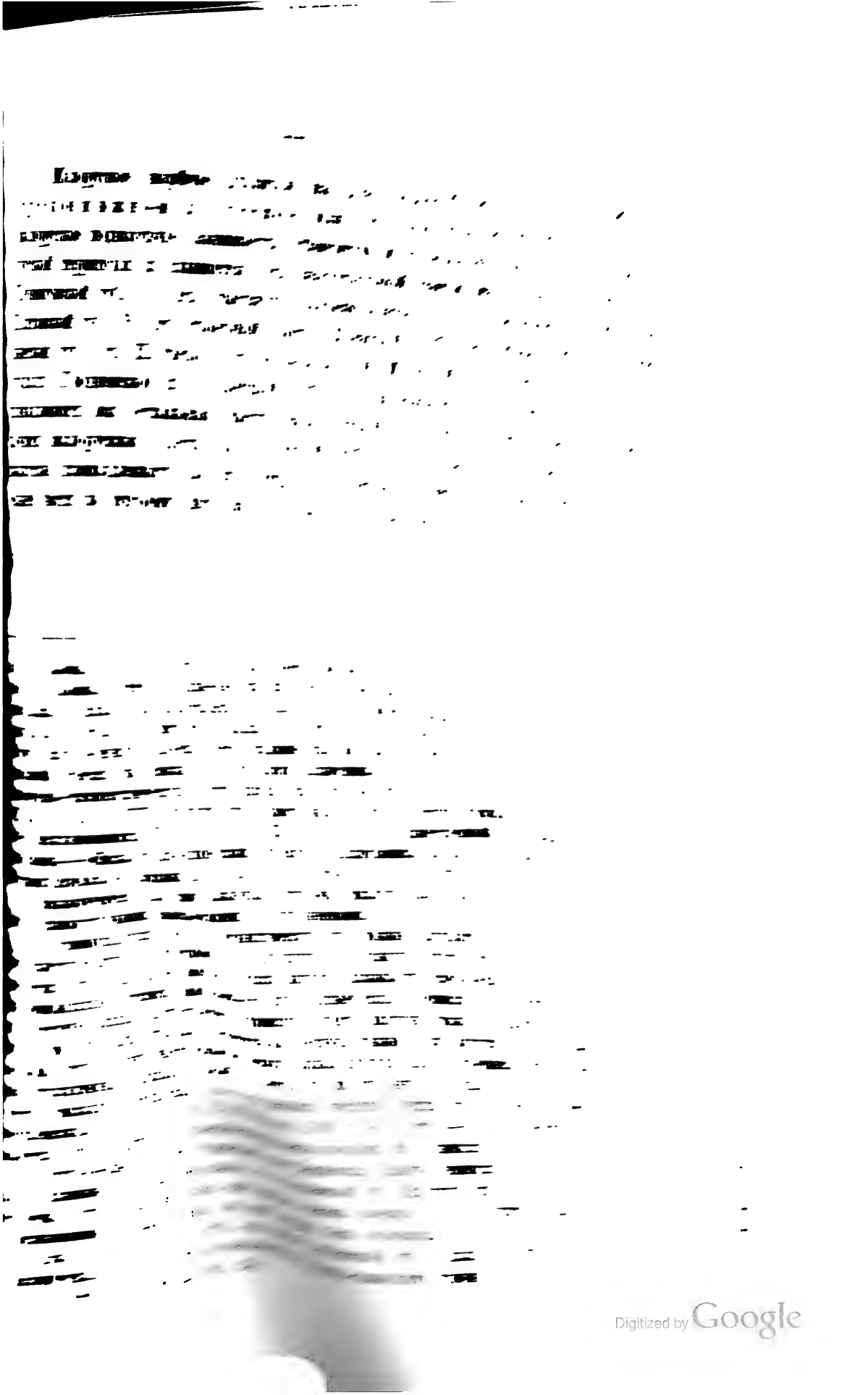
Предлогъ-префиксъ *отъ* можетъ звучать какъ *одъ* или *відъ* (укр.-г передъ гласными и всѣми тѣми согласными, передъ которыми можетъ ст звукъ *д*.

Мѣстоименіе и происшедшій изъ него союзъ звучатъ *що*, *шо*: обыкновенно и та и другая форма рядомъ.

Словарный матеріалъ въ говорахъ западной половины малорусской т риторіи (начиная отъ западныхъ частей Подолья и Волыни и отъ Гродненск губ.) изобилуетъ полонизмами, а въ говорахъ карпатскихъ и угорскихъ, кр полонизмовъ,—и словацизмами [1]).

[1]) Мы не имѣемъ ни одной удовлетворительной грамматики малорусскаго нарѣчія. Большая часть трудовъ по грамматикѣ этого нарѣчія принадлежитъ Галичанамъ (лучш учебники—Головацкаго, 1849 г., и Огоновскаго, 1889 г.; главные труды по м лорусской діалектологіи—«Розправы о языцѣ южно-русскомъ и его нарѣчіяхъ», Гол

Digitized by Google



Digitized by Google

А. Сѣверно-малорусское поднарѣчіе.

Сѣверно-малорусскіе говоры, за немногими исключеніями, принадлежатъ къ числу или переходныхъ, или смѣшанныхъ, или—вмѣстѣ—и переходныхъ, и смѣшанныхъ. Они обыкновенно или составляютъ переходную ступень отъ малорусскаго нарѣчія къ бѣлорусскому и отъ сѣверно-малорусскаго поднарѣчія къ южно-малорусскому, или заключаютъ въ себѣ, рядомъ съ бѣлорусскими чертами, примѣсь чертъ южно-малорусскихъ.

Главныя особенности разнообразныхъ сѣверно-малорусскихъ говоровъ — дифтонги *уэ*, *уэ*, *уи* и т. п. или *у*, *ю*, *и* на мѣстѣ древнихъ и великорусскихъ *о* и *е*, южно-малорусскаго *і*, дифтонгъ *іє* или *є* (рядомъ съ *і*) на мѣстѣ древняго *ѣ*, южно-малорусскаго *і*, болѣе или менѣе частое твердое *р* на мѣстѣ древняго мягкаго *р*, постоянно твердые шипящіе. Сверхъ того, эти говоры, повидимому (наши свѣдѣнія, къ сожалѣнію, крайне скудны), отличаются бо́льшею твердостью всѣхъ вообще согласныхъ, чѣмъ говоры южно-малорусскіе.

Изъ мелкихъ особенностей большей части сѣверно-малорусскихъ говоровъ можно отмѣтить отсутствіе *я* изъ *є* въ формахъ им. - вин. ед. средн. рода, которыя звучатъ: весіль*є*, весіл*є* и т. п. (не: весілл*я*, весіл*я*), отсутствіе *о* въ куповати (если нѣтъ *у* изъ *о* неударяемаго: *у*го̀нь = огонь) и отсутствіе стяженія *ае* въ *а*: дӯм*ае* (не: дӯм*а*).

Говоры значительной части малорусской территоріи Черниговской губ.—говоры переходные.

Говоръ Городненскаго уѣзда [1]) акаетъ, по-бѣлорусски: м*а*ѝ, д*а*ро̀га, к*а*ва̀ль. Онъ имѣетъ еще: *і* на мѣстѣ южно-малорусскаго *и*, спорадически: свіннѝ, везал*і* (= вязали), *є* вмѣсто *я*, тоже спорадически: *є*къ (= укр. якъ), *є*кѝй (= якій), *є*рина̀ (= ярина), особенно въ исходѣ словъ: до̀л*є* (им. ед.), бая̀ю*с* (1 л. ед.), бая̀ть*ц*е (3 л. мн.), также щà*с*т*е*, читà*нн*е (им. ед.), формы им. ед. муж. р. прилагательныхъ на *и* (не на *ий*): до̀бр*и*, формы неопредѣленнаго наклоненія только на *ть* (но на *ті*). Что̀ именно слышится въ немъ на мѣстѣ великорусскихъ *о* и *е*, южно-малорусскаго *і*, мы не знаемъ; записано: в*у*нъ (= онъ), к*у*нь (= конь), старӯначка, галӯвачка, тю̀тка (тетка), утю̀къ (= утекъ), серцӯвъ, канювъ (род.), серцӯмъ, канюмъ (дат. мн.), но во всѣхъ этихъ словахъ и вообще вездѣ подъ ударѐніемъ должно слышаться

---

[1]) Черниговск. Губернск. Вѣдомости 1860 г. № 4; Основа 1862 г. № 10, ст. «Изъ Городнецкаго уѣзда».

Digitized by Google

не *у*, а какой-либо дифтонгъ (простыя *у*, *ю* только въ слогахъ безъ ударенія), вѣроятно, дифтонгъ *уэ̀* [1]). Точно также намъ остается неизвѣстнымъ, что̀ слышится на мѣстѣ *ѣ*; матеріалы изъ Городненскаго у. на мѣстѣ *ѣ* имѣются только *і* и *є*. Еще въ этомъ говорѣ отмѣчены: формы мѣстн. ед. у некру̀цк*аму* набор*і*, род. мн. женск. р. жа̀*баў*, пти̇ц*аў*, неопредѣленнаго накл. *буть*; мѣстоименіе *шо*; формъ дат. ед. на *ови* или *ові* и дат. мн. муж. ср. р. на *амъ*, въ родѣ серп*а̀мъ*, въ немъ нѣтъ (формы дат. мн. только на *умъ*).

Говоры уѣздовъ Черниговскаго, Сосницкаго, Новгородсѣверскаго и Остерскаго [2])—говоры также болѣе или менѣе акающіе. Которые изъ нихъ имѣютъ дифтонги, которые не имѣютъ, мы не знаемъ.

Одинъ говоръ Сосницкаго уѣзда, повидимому, очень богатъ дифтонгами. Въ немъ отмѣчены дифтонгъ *уэ̀*, *юэ̀* на мѣстѣ ударяемыхъ великорусскихъ *о*, *е*, южно-малорусскаго *і*, и дифтонгъ *іє* (съ преобладаніемъ второй части звука) [3]) на мѣстѣ ударяемаго *ѣ*: *біє*съ (бѣсъ), д*іє*дъ, д*іє*ло (дѣло), а иногда и неударяемаго: на доро̀з*іє*, до̀л*іє*, д*іє*ўча̀та, л*іє*со̀къ [4]), хотя обыкновенно при отсутствіи ударенія *ѣ* = *е*: *бе*жи̇шъ, *се*нцо̀, *бе*да̀. Тотъ же дифтонгъ является также на мѣстѣ великорусскаго *е*, южно-малорусскаго *і* въ словахъ въ родѣ с*іє*мъ (семь). Въ другомъ говорѣ того же уѣзда отмѣчено *у* на мѣстѣ ударяемаго *о*, *е*: в*у*нъ, жиду̀ў, жу̀нка, но едва ли вѣрно (вѣроятно, черезъ *у* переданъ дифтонгъ), и сочетаніе *ji* на мѣстѣ ударяемаго *ѣ* (или какой-нибудь дифтонгъ съ преобладаніемъ второй части звука): в*ji*теръ, в*ji*є [5]), замѣняемое нерѣдко простымъ *і*: д*і*ти (им. мн.), соб*і*; сверхъ того, въ этомъ говорѣ *і* и *е* на мѣстѣ неударяемаго *ѣ*: д*і*тѐй (род.), до̀бро*і* (род. ед.), до̀бри*є* (им. мн.); также з*і*льє. О другихъ особенностяхъ говоровъ Сосницкаго у. мы почти ничего не знаемъ; но въ нихъ нерѣдко твердое *р*

---

[1]) «Второй дифтонгъ нашего (черниговскаго) говора—*уо̀*. Его произносятъ протяжнѣе обыкновеннаго, сильно относя нижнюю челюсть въ сторону; въ немъ какъ-бы смѣшаны *у* и *о* склоняющееся то къ *э*, то къ *ы*: въ Сосницкомъ, Черниговскомъ, Городнецкомъ уѣздахъ—болѣе къ *э*, въ Козелецкомъ, Борзенскомъ—болѣе къ *ы*». Дифтонгъ возможенъ только подъ удареніемъ: к*уо̀*лъ, но к*оло̀*къ, к*онѐ*ць, к*уо̀*зка, пор*уо̀*гъ, г*уо̀*лле (укр. гілле), т*юо̀*тка, н*юо̀*съ (несъ), *юо̀*й (ей). Изъ записки Н. Н. Бордоноса.

[2]) Черниговскія Губернскія Вѣдом. 1860 г. № 4; Основа 1862 г. № 10 (статья: «Изъ Городнецкаго уѣзда»). Авторъ этихъ статей (если не ошибаемся, они принадлежатъ одному лицу) видитъ въ говорахъ Городненскаго и этихъ четырехъ уѣздовъ одно цѣлое.

[3]) По словамъ Бордоноса, этотъ дифтонгъ «произносится рѣзко и на слухъ представляетъ какъ бы сліяніе *ь* и *ѣ* или *и* и мягкаго *е*»

[4]) По словамъ того же лица, «въ концѣ словъ неударяемый дифтонгъ теряетъ долготу и переходитъ въ мягкое *е* съ легкой примѣсью *і*».

[5]) Этнографич. Сборникъ, I; Потебня, Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи (Филологич. Зап., 1870, г.), стр. 108. Оба автора пишутъ *ьи*. Бордоносъ заявляютъ, что подобнаго дифтонга въ Сосницкомъ уѣздѣ онъ не слыхалъ.

Digitized by Google

вмѣсто мягкаго: царъ, цар*а̀* (повидимому, непостоянно: уда*ря̀*е), встрѣчается *є* вм. *я* и употребительны формы имен. ед. на *и*: до̀бр*и*, даже дуэ̀бр*и*.

Говоръ Остерскаго уѣзда имѣетъ дифтонгъ *у̀и* (или *у̀і*) на мѣстѣ ударяемыхъ великорусскихъ *о*, *е*: стару̀*и*нка, жу̀*и*нка [1]), иногда переходящій въ простое *и*: в*и*нъ (онъ, южно-малор. в*і*нъ), и дифтонгъ *іє* на мѣстѣ *ѣ*: м*іє*ша (мѣшаетъ), иногда переходящій въ *і*: в*і*ра. Еще отмѣчено (кромѣ аканья, повидимому, спорадическаго): хлоп*ця*, *лле* (= льетъ), *въ*яжу (= вяжу), озватьсє (= озваться), на*ю*чу (= научу), ф. неопредѣл. накл. на *ть* (но: тяг*тѝ*). Повидимому, въ этомъ говорѣ есть заимствованія изъ южно-малорусскаго поднарѣчія: т*і*лько.

Говоры уѣздовъ Глуховскаго и Кролевецкаго также болѣе или менѣе акаютъ.

Говоръ с. Локотковъ, Глуховскаго у. [2]),—«смѣсь литовскаго (т. е. бѣлорусскаго) съ малорусскимъ». Аканье—спорадическое: в*а*да̀, ч*а*ловекъ, сно*п*о̀къ [3]); рядомъ съ *е* малорусскимъ—*є* и (безъ ударенія) *і*: послу̀хайтє, з*є*мл*я̀*, прілітела; рядомъ съ *и* малорусскимъ—*і*: вод*ѝ*т*і*, труб*ѝ*т*і* (неопред. н.); мѣсто *ѣ* занято то *і*, то *є*, *е*: сл*і*дъ, в*і*къ, м*і*сяць, нед*є*ля, гнев*ѝ*ть, послѣ *р*—даже *и*: гр*ѝ*ю (= грѣю); *р* обыкновенно твердо: тр*а*сца (но: господар*я̀*). На дифтонги нѣтъ указаній; отмѣчено: м*и*й (мой), ж*и*нка, п*у*дъ заметомъ, п*у*дъ Міхайл*о*у̀ку. Еще: І*лля*, пле*тт*ю (твор. ед.), воло*сс*є (им. ед.), смел*и* хлопецъ (им. ед.), покойн*и* дідъ, нос*е*, ход*е* (3 л. ед.), зъ ус*и*мъ родомъ (бѣлоруссизмъ).

Говоръ мѣстечка Понорницъ, Кролевецкаго у.,—также съ спорадическимъ аканьемъ: в*а*но̀ (= оно), д*а*несу̀, п*а*сто̀й (повел. н.), *а*тту̀ля, ч*а*л*а*векъ (но: позненьк*а*, р*а*спита̀ємось и т. п.); даже: на дв*у*рѐ = на дворѣ; онъ имѣетъ на мѣстѣ ударяемыхъ великорусскихъ *о*, *е*, южно-малорусскаго *і* дифтонгъ *ы*у̀, съ преобладаніемъ второй части звука: в*ы*у̀нъ (онъ, южно-малор. вінъ), р*ы*у̀вня (ровня), в*ы*у*з*ъ (возъ), ст*ы*у*л*ъ (столъ), пар*ы*у̀гъ, п*ы*у̀у̀начъ (полночъ), пан*ы*у̀у̀ (род. мн.), у пуст*ы*у̀й хаті [4]) (рядомъ съ *о*: пастой, по-

[1]) Черниг. Губ. Вѣд. 1854 г., № 8. Авторъ передаетъ этотъ дифтонгъ черезъ *уй*. У Рудченка, Народныя южно-русскія сказки, II (Кіевъ, 1870), одна сказка, № 18, записана въ Остерскомъ уѣздѣ, но не на мѣстномъ говорѣ.

[2]) Въ 38 верстахъ отъ Глухова, въ 28—отъ Новгородсѣверска. Записки Черниг. Губ. Стат Комит., кн. I, 1866. Матеріалы очень плохо записаны.

[3]) Даже, будто бы: попр*о*вляю, уст*о*ва̀ть.

[4]) Черн. Губ. В. 1854 г. № 17. Авторъ передаетъ этотъ дифтонгъ черезъ *ву* (ошибкою, вмѣсто *уъ*?). Матеріалы, изданные здѣсь и перепечатанные у Рудченка, Народныя южно-русскія сказки, I, № 41 (Кіевъ, 1869), и отсюда, съ замѣчаніями, у Потебни, Замѣтки, стр. 110,—записаны дурно. Текстъ изъ мѣстечка Воронежъ, Кролевецкаго у., изданный Драгомановымъ въ «Малорусскихъ народныхъ преданіяхъ и разсказахъ», Кіевъ, 1876, стр. 52, какъ и большая часть текстовъ этого сборника, записанъ еще хуже (можно отмѣтить лишь: кр*у*зь полу, п*у*дійме).

Digitized by Google

вел.), а на мѣстѣ неударяемыхъ великорусскихъ *о*, *е*, южно-малорусскаго *і*— иногда простое *у*: путъ плотомъ; мѣсто *ъ* въ немъ чаще всего занято *і*: свiтъ, дiло, па щецi, вiстимо, также: весiлля (рядомъ: чалавекъ, ведьма, зелле). Сверхъ того: *е* (=*ѣ*?) вмѣсто *я*: даветь (3 л. мн.), пуднели (подняли), въ єкыўй куипании, згадаецце; *лн* вм. *льн*: волно. Еще: ёго, ёму, сёго, ўсёго, весiлля (им. ед.), ўгалле (им. ед.), паходжае, дзвонокъ; формы: им. ед. муж. дóбри, тей, род. ед. смерти, добраi, им. мн. усякє (= всякiе), 1 л. мн. на *мо*, 3 л. ед. адвiча (= отвѣчаетъ), дума, неопред. наклон. на *ть*: договарувать; префиксъ *ві* = вы: вiтти (= выйти).

Говоръ мѣстечка Мрина, Нѣжинскаго у., почти на границѣ Нѣжинскаго и Козелецкаго уѣздовъ, имѣетъ спорадическое аканье («въ немногихъ словахъ»): гарiлка, зарадй (=зароди, повелит.), благадарiть, и дифтонгъ ўы, являющiйся какъ подъ ударенiемъ, такъ и безъ ударенiя: кўынь, мўый, воўкўыў (=волковъ, род. мн.), пуыдъ гóродомъ, жўынка, по буыльшуый части, нюшсъ (=нѣсъ), тюiтка (тетка), юий (ей), даже: ночуывать, рядомъ съ весiлле, пiчь (=веселье, печь), *і* на мѣстѣ *ъ*, рядомъ съ болѣе рѣдкимъ *е*: бежiшь, петўхъ, бедà, стрéчае, спорадическое *є* на мѣстѣ *я*: єйцé, девєтй (род.,=девяти), твердое *р*: радъ (=рядъ), вечерàти, тепéра (рядомъ съ вечеряти, теперя), въя вмѣсто *вя* и т. п.: въяну, iмъя, даже мнясо, iмня (=имя), двойные мягкiе гласные: насiнне, весiлле (съ *є* въ формѣ им. ед.), *дж* вмѣсто *ж* изрѣдка: ходжў, *и* вмѣсто *ти*, *ци*: остаецця (3 ед.), мòляцця (3 мн.) и т. п. Формы: им. ед. муж. р. на *ий*, род. ед. мого. Сверхъ того: на юлiцi, *ю* лесi, юсi (=въ лѣсѣ, всѣ), єнъ (=онъ) и т. п., род. мн. людéй и т. п., тв. мн. плечйма и курма (рядомъ: плечàми, курми=курами), буд. ходитиму, неопр. н. на *ти* (рядомъ на *ть*). Наконецъ, въ нѣсколькихъ словахъ, заимствованныхъ изъ южно-малорусскаго поднарѣчiя,—*і*: вiконце, голiвонька [1]).

Говоръ мѣстечка Олишевки, Козелецкаго у., «отличенъ отъ чисто малороссiйскаго, но нисколько не похожъ и на литовскiй» (т. е. бѣлорусскiй). Въ немъ нѣтъ аканья, а дифтонгъ на мѣстѣ ударяемыхъ великорусскихъ *о*, *е*, южно-малорусскаго *і* звучитъ какъ ыў: быугъ, мыуй, выўльни, замѣняясь иногда черезъ *у*: утюкъ, лебедюў (род. мн.); но: пiчь (=печь). Мѣсто *ъ* «почти всегда» занято *і*; *я* «въ нѣкоторыхъ случаяхъ» замѣняется черезъ *є*: єкъ, єкй; формы им. ед. муж. на *и*: выўльни. Еще: формы буд. вр. писатимемо, ходитимемо, неопред. накл. на *ти* (рядомъ на *ть*) [2]).

Говоръ села Красиловки, того же уѣзда, повидимому, одинаковъ съ оли-

---

[1]) Вѣстникъ славянства, Качановскаго, кн. VII, 1892.

[2]) Черн. Г. Вѣд. 1854 г. № 22 и сл. Авторъ передаетъ дифтонгъ черезъ ъу (ошибкою, вмѣсто *уъ*?).

Digitized by Google

шевскимъ: то же отсутствіе аканья; тотъ же дифтонгъ *ыу̀*: дв*ыу*ръ, в*ыу*нъ, к*ыу̀*ньска голова, т*ыу̀*льки, ж*ыу̀*нка, даже: у н*ыу̀*чі, появляющійся даже безъ ударенія: вели̇к*ыуй* (дат.-мѣстн. ед. ж. р.), хотя обыкновенно въ неударяемыхъ слогахъ слышится *у*: п*у*дкуплю̀ (подъ удареніемъ: свою̀й доцці, дат. ед. ж. р.); то же *і* на мѣстѣ *ѣ* (п*і*чъ=печь); то же спорадическое *є* на мѣстѣ *я*: *є*къ, *є*ко̀го. Еще: знахор*ыу̀ў*, род. мн., рядомъ съ вече*ря*ти, г*рі*зу (=грызу), м*ня*со (=мясо), і*лл*ю (=лью) [1]).

О говорѣ села Рудьковки, того же уѣзда, можно сказать то же самое; отмѣчено: в*у*нъ, т*у*лько, жу̀нка, на т*уй* жердоцці, даже: м*у*хъ=мохъ (черезъ *у*, очевидно, переданъ дифтонгъ), соб*і*, чолов*і*къ, є*і* (род.) и т. п., рядомъ съ бе*жи̇*ть, м*е*шо̀къ (п*і*чъ=печь), неопр. накл. на *ть* [2]).

О говорахъ Борзенскаго у. наши свѣдѣнія ничтожны. Въ текстахъ, записанныхъ на хуторѣ Николаевкѣ, мы читаемъ: б*и*льша, з*и*бра̀ў (=собралъ), даже р*и*тъ=ротъ, но: на г*о*ллі (ю.-малор. г*і*лля); чолов*і*къ, хл*і*бъ, ўт*і*къ (прош.), ж*і*нка [3]). Еще: формы им. ед. муж. р. на *ий*, дат. ед. на *ові*, 3 л. ед. на *е* вмѣсто *ить*: про́с*е*, хо́д*е*.

Говоръ той части Конотопскаго у., которая прилегаетъ къ уѣздамъ Сосницкому и Борзенскому, повидимому, не имѣетъ дифтонговъ.

Данныя изъ мѣстечка Батурина указываютъ на *и* и *у* на мѣстѣ великор. *о*, южно-малорусск. *і*: н*и*чъ (=ночь), г*и́*рко, т*и́*лько, по одн*и́й* дорозі, т*и́й* царіўні, п*у*дъ де́ревомъ, п*у*дъ ве́чоръ, п*у*дкорми̇ть, повор*у*хнецця; на *і* изъ *ѣ*: соб*і*, і*і* (род. ед.), также: н*і*съ=несъ, на спорадическое *є* изъ *я*: *є*йце́, на твердое *р*: вече*ра*ю; но: вече*ря*ти, ца*рь*, ца*ря*. Еще: тер*пъ*ячий, при пяна (=пьяна), формы им. ед. муж. на *ий*, им. ср. р. похмілл*є*, дат. мойму. Наблюдатель говоритъ: нарѣчіе, «можно сказать, — чисто украинское. Отличительная черта: въ выговорѣ замѣтна твердость, несвойственная другимъ мѣстамъ Украины, напримѣръ, Полтавской губ. Тамъ, напримѣръ, говорятъ: в*і*зъ, а здѣсь: в*и*зъ» [4]).

Говоръ другой части того же уѣзда еще ближе къ южно-малорусскому

---

[1]) Черн. Г. В. 1855 г. № 17.

[2]) Рудченко, Сказки, I, №№ 8 и 22; Потебня, Замѣтки, стр. 107.—Довольно подробное описаніе договора с. Рудьковки, Остерскаго у., составленное Новицкимъ (которымъ записаны сказки №№ 8 и 22 въ сборникѣ Рудченка), помѣщено въ Трудахъ Чубинскаго, VII, стр. 598. Его данныя нѣсколько расходятся съ данными текстовъ; напримѣръ они, указываютъ на глухой гласный (ъ) на мѣстѣ вр. *о*, ю.-м. *і*: вънъ очевидно, Рудьковка Козелецкаго у. то же село, что Рудьковка Остерскаго.

[3]) Рудченко, I. №№ 2, 24. Здѣсь, рядомъ съ *и* на мѣстѣ *о*, *е*, также *і* (ошибочно?), б*і*льше, п*і*шла. Въ этомъ сборникѣ (II, №№ 3, 13) еще два текста, записанныхъ въ Борзенскомъ у., но повидимому, не на мѣстномъ говорѣ.

[4]) Черн. Губ. Вѣд. 1860 г. №№ 15, 16, 17. Матеріалы перепечатаны у Рудченка, Сказки, I, № 72, II, № 35.

Digitized by Google

или даже уже южно-малорусскій. Такъ, въ с. Голёнкѣ онъ «составляетъ переходъ отъ твердаго къ такъ называемому степовому, или полтавскому. Здѣсь можно услышать: вінъ, скількі, стількі» (тогда какъ ближе къ Борзенскому и Сосницкому уѣздамъ: винъ, скилько, стилько). Однако отмѣчено: далебу (=укр. далебі). Еще: гарілка, єйцé, срітенне, міді (род. ед.) [1]).

Въ говорѣ мѣстечка Борисполь, Полтавской губ., на мѣстѣ ударяемыхъ великорусскихъ *о* и *е*, южно-малорусскаго *і*, слышится дифтонгъ *уы*: вуынъ, куынь, жуынка, вюыў (велъ), своюый [2]), а на мѣстѣ тѣхъ же звуковъ неударяемыхъ—*ы* и (рѣже) *у*: нà нычъ, ў тый хàті, въ велѝкый пригоді, сватыў (род. мн.), пудъ нычъ (=подъ ночь), рядомъ съ *і*, несомнѣнно заимствованнымъ изъ южно-малорусскаго поднарѣчія: гірко, порігъ, бокіў (род.), ій (дат.). Мѣсто *ѣ* занято звукомъ *і*: лісъ, и изрѣдка безъ ударенія (послѣ губныхъ и *р*) *е*: бежѝть, венчàти, венéць, застрелю̀. Мѣсто великорусскаго *и* занято, кромѣ звука *и* (или *ы*?), еще, въ небольшомъ рядѣ словъ, звукомъ *і*: зіма, випустіў, даже: утікти. Рядомъ съ *е*, вмѣсто него, встрѣчается *и* (неударяемое): жинỳ (= жену, 1 л. ед.), литѝть (3 л. ед.), и *є*: дєнь. Затѣмъ: *у* вмѣсто неударяемаго *о*: чоловікуві, мáчуха; твердое *р*: косàръ, вечéра, царуыўна (рядомъ: прядỳ, вірять, 3 л., рятувàти); *дж* въ седжỳ *дз*; въ *дз*еркало; мягкіе шипящіе въ формахъ 3 л. мн.: біжять, кричять, пищять; *лн*, *лк* вмѣсто *льн*, *льк*: силно, туылки. Еще: двойные согласные: весілля, платте, зъ ружжя (рядомъ: весілье, платье, свиня, третю, вин. ед., сяє = сіяетъ, просиця, 3 л. ед.), даже ззімъ, рядомъ съ зъімъ (=съѣмъ). Формы: им. ед. муж. р. на *ий*, род. ед. печі, гразі, печаті (но: смерти), *тоєі*, *туєі*, *теі*, *туиєі* (при *тоі* =той), *цéєі*, *всієі*, дат. ед. богові и т. п., матері, мѣстн. на печі (но: у осени), твор. *тоєю*, *туєю*, *усією*, им. мн. здорові, які, очі, двері (но: вин. мн. у груди), тв. мн. грошѝма, 3 л. ед. на *тъ* и *ть*: робитъ, побаче, слуха, 2 л. мн. повелит. накл. ідіть и ідітъ, буд. битиму, возвр.

---

[1]) Черн. Г. Вѣд. 1860 г. № 46. Покойный М. А. Туловъ указываетъ въ «сѣверныхъ уѣздахъ» Черниговской губ. существованіе, на мѣстѣ великорусскаго *о*, южно-малорусскаго *і*,—звука, который не похожъ ни на *і*, ни на *и* (*ы*) и есть смѣшанный, возникающій, подобно французскому u, въ словахъ, напримѣръ, munir, и нѣмецкому ü въ словахъ, напримѣръ, Brüder, Mühle, при томъ положеніи языка, котораго требуетъ звукъ *і*, и при такомъ положеніи губъ, какого требуетъ звукъ *у*. Только французское u представляетъ смѣсь небнаго *і* съ *у*, а малорусское (въ словѣ нісъ=носъ)—смѣсь гортаннаго *и* съ *у*». Филологич. Записки 1879 г., вып. 4—5, стр. 20. Этотъ звукъ не тотъ ли, который у насъ ниже передается черезъ *ю* (вюзъ=возъ и др.)?

[2]) Труды Чубинскаго, II. Рядомъ съ *уы* мы находимъ здѣсь *уо*: пуопъ (стр. 110), и *юи*: пюипъ, нюичъ (стр. 422). Точность записи оставляетъ желать лучшаго. Еще: Труды, VII, 591.

Digitized by Google

зал. звінчалисъ и звінчались. Наконецъ: дифтонгъ *уы* въ отдѣльныхъ словахъ слышится вмѣсто *и:* н*уы*ва (=нива), за н*уы*мъ, хвòст*уы*къ, также въ зáм*уы*жъ, поб*юы*гъ (прош. вр.).

Говоръ м. Хабнаго («Хабне»), Кіевской губ., Радомысльскаго уѣзда, очень близокъ къ говору бориспольскому. Тотъ же дифтонгъ *уы̀:* в*уы*нъ, м*уы*й, т*уы*й дорозі, корол*юы*ўна, *юы*й (=ей) [1]), переходящій иногда въ простыя *ы* и *у* и подъ удареніемъ, и особенно безъ ударенія: в*ы*нъ (=онъ), одны̀й, другы̀й (дат. ед.), привъ*юз*ъ, сво*юй* (дат.), п*у*тъ ти̇̀номъ, п*у*дошòў, рядомъ съ которымъ заимствованное изъ южно-малорусскаго поднарѣчія *і:* вінъ, тілько, пані̇ў (род.), лігъ (=легъ), *ій* (=ей), и изрѣдка заимствованное изъ бѣлорусскаго *о:* богъ, на гнил*о*мъ дубі. На мѣстѣ *ѣ—і* (также: весілля) и изрѣдка, безъ ударенія (особенно послѣ губныхъ и *р*),—*е:* бедá, застр*е*лю̀, чòрние. На мѣстѣ *и* (или *ы?*) изрѣдка *і:* кіну (1 л.), за си̇̀німъ моремъ, даже: жінити =женить). Еще: спорадическое *є* вмѣсто *я:* єки̇̀, схова̀ўсє, би̇̀тисє, купа̀тцє (неопред. н.), даже бачетъ (3 л. мн.); твердое *р:* упр*а*мъ (=упрямъ), тр*о*мъ (дат.), зва*ру* (=сварю), ца*ръ* (при: зві*рря*, род.); очень рѣдкое *дж:* се*дж*ў; твердое *ц* въ концѣ словъ: хлопе*цъ*, рушни̇̀*цы* (род. ед.), рядомъ съ мягкимъ: гарне*ць*, купця̀, сміет*ця*); двойные мягкіе согласные: колосся, весі*лля* (им. ед.), при сипле*ца* или сипле*ця* (3 л.). Формы: им. ед. на *и:* дòбри, род. єгò (не ёго), мо*є* (=моей), *тоєі*, дат. ємў (но ўсёму), мѣстн. у о*чі*, им. мн. гост*і*, твор. мн. тро*ма* дітьми, 3 л. на *тъ:* проси*тъ* (рядомъ на *ть?*) 2 л. мн. на *тъ* (рядомъ съ *те*): пі*тъ* (=пейте), неопред. накл. на *тъ:* купи̇̀*тъ*, купова̀*тъ* (рядомъ на *ти*), возвратн. зал. не только на *ся (ця)* и *сє (цє)*, но и на *са:* обещаў*са;* наконецъ, древнія формы двойств. ч.: дві хат*і*, дві руц*і*, чотири коров*і*.

Говоръ м. Горностайполь, того же уѣзда (на юго-востокъ отъ Хабнаго), повидимому тотъ же, что и говоръ Хабнаго. Дифтонгъ *уы:* н*уы*съ (=носъ), *юы*й, но к*уо*пъ (род.), при вінъ, пойду, привъёзъ (=привезъ); *і* и *є*, *е* на мѣстѣ *ѣ:* бідни, обєдъ, песòкъ; спорадическое є, *е* на мѣстѣ *я:* пóєсъ, бъєтц*е*, дивєтц*е*, ход*е*тъ, роб*е*тъ (3 мн.); твердое *р:* гово*ру*, бу*ро*ю (тв.), бонда*ръ;* рѣдкое *дж:* си*дж*у. Формы: им. ед. на *и*, род. ёго, мо*і* (=моей), дат. ёму, мо*і*, 3 л. на *тъ*, 2 л. мн. повелит. н. на *тъ* (рядомъ на *те*): пі*тъ*, неопр. накл. на *тъ* (рядомъ на *ти*): купова*тъ*. Еще: ход*о*тъ и ход*а*тъ (3 л. мн.) [2]).

---

[1]) Тамъ-же, II и VII, стр. 540. Рядомъ съ *уы* встрѣчается и *уо:* к*уо*пъ (род. мн.).
[2]) Тамъ же, VII, стр. 539.

Digitized by Google

Говоръ с. Чаповичи, того же уѣзда, имѣетъ дифтонги *уы* и *уо:* р*уы*мни (=ровный), н*уо*съ, при привъ*е*зъ, *і* и *е* на мѣстѣ *ѣ:* б*і*да́, м*е*шо́къ, ст*е*на́, чо̀рни*є*, є, *е* вмѣсто *я*: по̀*є*съ, ход*е*тъ, твердое *р*, *въі* вмѣсто *ві:* об*ъі*дъ (=обѣдъ), мягкое *ц* въ концѣ словъ. Формы: им. ед. на *и*, род. *е*го, мо*є*, 3 л. на *тъ*, 2 л. повел. н. на *тъ*, неопр. на *тъ;* формы дат. и мѣстн. ед. могутъ имѣть гортанный: по голов*кі;* формы возвр. з., повидимому, могутъ оканчиваться на *са:* дивіт*са* [1]).

О разнообразныхъ сѣверно-малорусскихъ говорахъ волынскаго Полѣсья наши свѣдѣнія недостаточны, вслѣдствіе почти полнаго отсутствія описаній звуковъ этихъ говоровъ.

Данныя изъ Ласковской волости, Овручскаго уѣзда, таковы: дифтонгъ *уы* на мѣстѣ великорусскаго *о* (*е*), укр. *і*: м*уы*й, к*уы*нь, в*юы*зъ (=везъ), рядомъ съ *і*: в*і*нъ; *і* и *е* на мѣстѣ *ѣ*: б*і*лы, брови чорны*є*, м*е*шокъ, ст*е*на̀; *є* и *е* изъ *я*: по̀*є*съ, ход*е*тъ, но: леж*а*тъ (3 л. мн.); твердое *р*; твердое *ц*; *дж*; формы им. ед. муж. р. на *ы*, род. ёго, дат. мойму, им. мн. чорн*е* волосы, 3 л. на *тъ*, 2 л. мн. повел. н. на *тъ* (пы*тъ*, бы*тъ*), неопред. н. на *тъ* (но: пе*кты*), двойств. ч. дві ру*ці*, дві коров*і*. Далѣе, рядомъ: ход*ы*ў, пект*ы* (неопр. н.) и с*и*ну (зват. отъ сынъ), б*и*тъ (=бить, неопр.), съ двумя разными звуками [2]).

Данныя изъ другой, неизвѣстной намъ мѣстности того же уѣзда (вѣроятно, сѣверной его части), еще болѣе неполныя, чѣмъ вышеизложенныя, указываютъ только на звукъ *и* (или *ы*?) на мѣстѣ ударяемаго великор. *о*, укр. *і*: бі*си*ў (род. мн.), рядомъ съ нерѣдкими *і*: в*і*нъ, и *о* (бѣлорусскимъ): в*о*нъ (=онъ), чорт*о*ў (род. мн.). Этотъ говоръ имѣетъ *і*, *є*, *е* на мѣстѣ *ѣ*: чолов*і*къ, л*є*съ, ў св*е*т*і*, б*е*жить, до̀бри*є* (им. мн.), *ц* въ исходѣ словъ то твердое, то мягкое: за̀й*ца* и за̀й*ця*, боя*цця*, формы имен. ед. на *ий* и *и*, 3 л. на *ть*, 2 л. повелит. н. то на *ть*, то на *тъ*, неопред. н. на *ть*. Мѣсто *и* (или *ы*) иногда занято звукомъ *і* (бѣлорусскимъ): св*і*щу̀ [3]).

Данныхъ изъ сѣверной (лѣсной) части Житомирскаго уѣзда, смежной съ Овручскимъ у., мы почти совсѣмъ не имѣемъ. Извѣстно лишь то, что здѣсь слышится дифтонгъ *уо*: к*уо*нь, в*уо*лъ [4]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 541.

[2]) Труды, VII, стр. 541. Необходимо имѣть въ виду, что помѣщенные въ *Трудахъ*, матеріалы и очень дурно записаны, и очень дурно изданы.

[3]) Рудченко, Сказки, I, № 34.—Потебня, Замѣтки, стр. 106.—*Стецкій* говоритъ, что близь Овруча въ лѣто, хлѣбъ, сѣно слышится звукъ средній между *ы* и *і*. Wołyń, I, стр. 256 (Lwów, 1864).

[4]) Труды, VII, стр. 582.

Digitized by Google

Данныя изъ мѣстечка Корецъ, Новградволынскаго уѣзда: дифтонгъ *уы*: *муы́й*, при *ы*: *рыўня* (=ровня), и частомъ *і*: *мій*, *вінъ*, *прывэ́зъ* (=привезъ); *і*, *є* и *е* на мѣстѣ *ѣ*: *тобі*, *бідà*, *ведрò*, *стенà*; твердое *р*; мягкое *и* въ исходѣ словъ; формы им. ед. на *ый* и *ы*, дат. ед. на *овы*, 3 л. на *ть*, 2 л. повел. н. на *ть*, неопр. н. на *ть* (и на *ты*). Сверхъ того: *мясо*, *имя* (=имя), *прывэ́зъ* (=привезъ); *щастє*, *здоровъє* (им. ед.); указаній на *дж* вмѣсто *ж* нѣтъ; мѣсто украинскаго *и* занято, повидимому, звукомъ *ы*; польскія формы будущ. вр.: буду робыў (=буду робить) [1]).

Данныя изъ с. Сехи, Ровенскаго уѣзда: дифтонгъ *уы*: *муы́й*, *моюы́й* (дат.), рядомъ съ *ы*: *рывны* (=ровный); *і*, *є*, *е* на мѣстѣ *ѣ*: *невіска*, *білы́є*, *чорныє*, *бедà*, *стенà*, *можеть быть*, *даже и*: *хлибъ*, *снигъ*; спорадическое *є*, *е* изъ *я*: *ребы* (=рябой); твердое *р*; твердое *и*; формы им. ед. на *ый* и *ы*, дат. *мойму*, 1 л. ед. *ходю*, *пустю*, *ломлю*, 3 л. и друг. на *ть*. Сверхъ того: *соломяный*, *обы́дъ* (=обѣдъ), *здоровья* (им. ед.). О звукѣ, занимающемъ мѣсто украинскаго *и*, можно лишь догадываться, что это *ы* (отмѣчено рядомъ: *ходыў* и *пекти*) [2]).

Данныя изъ с. Сарны, того же уѣзда: дифтонгъ *уе́*: *муе́й*, *двуеръ*, *стуелъ*, *доруеженька*, *ягуедонька*, *куесточка*, *прівюезъ* (=привезъ), *слюезонька*, *москалюеў* (род.), даже безъ ударенія: *червуенцуеў*, рядомъ съ *у* (подъ удареніемъ и безъ ударенія): *стўйте*, *подаркуў*, *въ ярый пшеницы*, *пудъ столецъ*, *путперлà*, и (рѣдко) съ *і*: *на ранній росыѣ*, при *о* и *е* въ *столецъ*, *въ овсыє*, *матенка*, *гребенецъ*; дифтонгъ *ыє* (*іє*) съ преобладающею второю частью: *дыєло*, *выєкъ*, *выєє*, *въ сыєняхъ*, *лыєтъ* (род.), *собыє*, *на дворыє*, *у печыє* (=въ печи), *мостыєте*, *топчыєте* (2 л. повел.), *зажжыємо*, *ламліємо* (1 л. повел.), *пыєчъ* (=печь), *сыємъ*, *весыєльє*, *зыєльє*, при *е*, *є*, *и*, *і*: *деўкі* (им. мн.), *у венòчку*, *свєтліца*, *беленькі*, *заспевàти*, *месѝти*, *грешити*, *леноватиса*, *твоє коникі* (им. мн.), *єду*, *синожáть*, *на уліци*, *матенци* (дат.), *на дорози*, *ў стози*, *ў городи* (мѣстн.), *на свысти*, *тобі*, *ў частоколі*, *на морі*, *доброі* (род.), *золотиі* (им. мн.), *мужніі жони*; то твердое, то мягкое *р*: *зора*, *вечерàю*, *деверуеў* (род. мн.), *господарь*, *прівезў*, *за дверіма*; твердое *и*; твердые шипящіе (но: *дружіна*, *старощі*, им. мн., *чі* и т. п.; двойные мягкіе согласные: *платтє* (им. ед.), *видаванне*, *життя* (род.), при: *здоровя* (род.) *зыєлье*, *весыєлье* (им. ед.); *бя* вм. *бя* не отмѣчено (*ояну*); *дж* также не отмѣчено; *ы* (не въ дифтонгѣ) нѣтъ; формы: им. ед. на *ий* и *и* (послѣ гортанныхъ на *і*: *беленькі*), род. ед. *тоєі* (при *тої*), дат. на *ови*, *мные*, *мойму*, мѣстн. *ў печыє*,

---

[1]) Труды, VII, стр. 542; Житецкій, Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія, Кіевъ, 1876, стр. 345.

[2]) Труды, VII, стр. 543.

Digitized by Google

им. мн. орл*і*, купц*ыє*, твоє гòст*и*, твор. двері*ма*, 1 л. ед. про*сю*, 3 л. на *тъ*, 2 л. ед. повел. нап*и*са (=напейся), 1 л. мн. повел. зажж*ыє*мо, ламл*іє*мо, 2 л. мн. мост*ыє*те (=мостите), неопр. ўте*кти*, возвр. з. на *са*: крий*са*, хвалі*ўса*, ростилає*ца* (всегда съ однимъ *ц*); *що* и *шо*. Сверхъ того, постоянно: *і* вмѣсто *и* послѣ гортанныхъ, *л*, *р*, *ж*, *ч*: нòг*і*, ворог*і*, лàск*і* (род.), к*і*дàю, свекрỳх*і* (род.), кал*і*на, л*і*стъ, бул*і*, дал*і*, пр*і*везỳ, на мор*і*, друж*і*на, свыєч*і* (им. мн.), збираюч*і*; мягкіе гортанные и *л* передъ *е*: окєнце, однѐнькє (им. ед.), быєлє лічко, мѝлє, белєсенькі, долєнька; отдѣльные случаи аканья: *га*рыєлка, прівѐзяно. Наконецъ: помѐне (=помянетъ) [1]).

О говорѣ жителей с. Каменнаго, того же уѣзда, мы знаемъ лишь то, что онъ—«твердый, съ преимущественнымъ преобладаніемъ удареній на твердыхъ гласныхъ», и что слово хлѣбъ въ немъ звучитъ «хлыибъ» [2]).

Данныя изъ окрестностей с. Любомль, Владимирскаго уѣзда, показываютъ, что мѣстный говоръ очень близокъ къ говору Пинчуковъ и имѣетъ: *у*, *ы* и *і* рядомъ на мѣстѣ великор. *о* (*е*), укр. *і*: м*у*й, дв*у*ръ, т*у*лько (также: прынюсъ=принесъ), н*ы*чка, бісы*ў* сынъ, к*і*нь (=конь), г*і*льє, подк*і*ўка; *і*, *є*, *е* (послѣ *р*, *ц*—также *ы*) на мѣстѣ *ѣ*: кол*і*но, с*і*но, мн*і* (дат.), гор*ы*лка, по светліц*ы*, віўц*ы* (им. мн.), по*є*ду, пов*є*вàє, мн*є* (дат.), є*є* (род.), білы*є* (им. мн.), отвéдаю, на рéчцы, на дворѐ (также: с*і*мъ=семь, з*е*льє); сохраненное *л* въ концѣ формъ прошедшаго врем.: бы*л*ъ, зосла*л*ъ (рядомъ съ ў: быў); твердое *р*; твердое *ц* (не всегда: мамь*цю*, вин. ед.); твердые

---

1) Волынскія Губ. Вѣдомости 1880 г. №№ 2—8. Издатель напечатанныхъ здѣсь свадебныхъ пѣсенъ сообщаетъ, что «звукъ, соотвѣтствующій русскому *ы*, но выговаривающійся мягче послѣдняго» имъ переданъ черезъ *и*, и что дифтонгъ *уе* произносится «какъ *ве*», но что онъ передалъ его черезъ *уе*, «потому что этими буквами правильнѣе выражается народное произношеніе». Онъ пишетъ вмѣсто *ыє*, *іє*—*ъє*, *ьє*, что указываетъ на преобладаніе въ дифтонгѣ второй его части.

2) Кіевское слово 1887 г. № 110, корреспонденція изъ с. Каменнаго. — Къ Ровенскому уѣзду относится еще слѣдующее. «Господствующій на Полѣсьѣ языкъ—малороссійскій, въ разныхъ его видоизмѣненіяхъ. Замѣчательно, что чѣмъ ближе мѣстоположеніе къ Волыни, тѣмъ языкъ облагороженнѣе, и напротивъ, чѣмъ далѣе отъ Волыни въ глубь Полѣсья, тѣмъ языкъ тверже, дебелѣй и какъ бы исковерканный. Еще страннѣе, что на близкомъ разстояніи одного селенія отъ другаго, напримѣръ, на пространствѣ 10 верстъ, одно и то же слово произносится не одинаково; напримѣръ, въ с. Яполоти, Ровенскаго уѣзда: хл*и*бъ, н*ы*жъ, с*о*к*и*ра; въ с. Студыняхъ, за 8 верстъ отъ Яполоти, говорятъ: хл*ы*бъ, н*у*жъ, с*у*к*ы*ра. Въ с. Кричильскѣ, Ров. у., всякое слово произносится весьма мягко, напр., въ клюни хлибъ молотили, цистили и витрили. На рубежѣ Волынской губ. съ Минскою въ произношеніяхъ словъ буквы перемѣняютъ: *а* на *е*, *я* на *ѣ* и на *о*; напримѣръ, вмѣсто ч*а*й—ч*е*й, вм. тро*я*чка—тро*ѣ*чка, вм. мн*о*го—мн*и*го; во всѣхъ глаголахъ, оканчивающихся буквою *я*, перемѣняютъ на *ё* или *о*; напр., снилос*я*, спалос*я* произносятъ: снылос*ё*, спалос*ё*, или грубѣе: снылос*о*, спалос*о*. Во многихъ мѣстахъ употребляютъ слова иностранныя; напр., почти всегда союзъ *и* замѣняютъ греческою частицею *ke* въ собственномъ значеніи; напр. йшла Стоця *ke* Хима, покинь жынку *ke* диты». Волынск. Губ. Вѣдомости 1859 г. № 15.

Digitized by Google

шипящіе; *мъя* (=мя̀, вин. ед.); формы им. ед. на *ый* и *ы* (послѣ *к* на *ій* и *і*: міленькій, міленькі), род. ед. женск. р. на *оє*, *еє* (мілеє) и *ой* (мілой), дат. мойму, мѣстн. ў своёй лихей бєді, твор. очыма, трема дорогамі, 3 л. на *тъ*, возвр. з. на *са* (рѣже на *ся*); *що*. Вмѣстѣ съ этими чертами рядъ чертъ бѣлорусскихъ: спорадическіе мягкіе согласные передъ *е*: ведє, вєрнўўсь, *нє* мàє (при твердыхъ согласныхъ въ *еде* и т. п.); *ы* и *і*: называті, мілы, пісаті, долгна, лістъ; рѣже: лыстъ, тыхо, ўлылася (=влилася); изрѣдка мягкія *дз* и *ц*: надзвя, ходзі, кіпіць (3 л.), трейцяя (=третья). Еще: сылно (=сильно) [1]).

Данныя изъ с. Великая Глуша, Ковельскаго уѣзда (немного южнѣе Припети, въ сѣверной части уѣзда), таковы, что по нимъ трудно составить себѣ достаточно ясное понятіе объ его говорѣ. Въ немъ отмѣчены только *и* и *і* на мѣстѣ великор. *о*, укр. *і*: мий, рімний (=ровный; также прывізъ, моій, дат.), при *о*: копъ (род. мн.); но, вѣроятно, есть *ы* и *у*: мый и т. п.; далѣе, въ немъ *і* и *ы* на мѣстѣ *ѣ*: убідъ (=обѣдъ), вітеръ, быдà, стынà, при каминь; *у* на мѣстѣ неударяемаго *о*: убідъ, увéчка, угòнь: *є* изъ *я*: мнєсо, пьєть, нанєты (неопр. н.); здоровьє (им. ед.); формы твор. ед. чорнею, білею, 1 л. ходю, просю, 3 л. на *тъ*, неопр. пекты. Мѣсто украинскаго *и* занято, повидимому, черезъ *ы* [2]).

Говоръ пѣсенъ, записанныхъ гдѣ-то «въ западной части Волынской губ.» Костомаровымъ, имѣетъ рядомъ: *у*, *і* и *о* на мѣстѣ великор. *о*, укр. *і*: муй, вунъ, кунь, двуръ, гусáруў (род.), матюнка, мій, вінъ, двіръ, явіръ, жінка, воликіў (род.), мой, вонъ (=онъ), конь, ночка; *і* вмѣсто *ѣ* (даже: слізами); твердое *р*: въ нараді, въ мору, не терайте, матіръ, рядомъ: виряжає, кряче, за коморю; двойные мягкіе согласные: обіллєшся, рядомъ: нове подвуръє, полёваньє, житя, коханя, щастя (им.), здоровъячко; *въя* вм. *вя*: въяжў, румъянець, времъячко, рядомъ: привязати; *дж* (очень рѣдко): ходжў; сохраненное *л* въ горілка, сопілка, пул-копѝ, столъ. Между формами нѣсколько подольско-галицкихъ: твор. ед. женск. р. милоў (=милою, рѣдко); польскія формы: прош. врем. 1 л. пустила-*мъ*, 2 л. зморозиве-*сь* (=ты сморозилъ), не ўміла-*сь*, сослагат. н. 1 л. би-*мъ* не згасла; формы возвр. з. свої *ся* цурали, якъ *ся* маєшъ, где *ся* ўзяла. Еще: дзвінъ, род. червоной, твоєй, *тей* (=той), рядомъ съ *теі*, *тієі*, дат. козакові, *мі*, молодоі бондарувні, 3 л.

---

[1]) Zieńkiewicz, Piosenki gminne ludu pińskiego, Kowno, 1851, стр. 378 слѣд. - Въ луцкомъ Полѣсьѣ говоръ мягче, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Полѣсья, болѣе близокъ къ бѣлорусскому нарѣчію и имѣетъ много оригинальнаго; онъ, между прочимъ, различаетъ по родамъ формы мн. ч. прош. вр.: булі, муж. р., булы, женск. и ср. р., а формы возвр. въ немъ оканчиваются на *сё*: зробылосё. Stecki, Wołyń, I, стр. 256.

[2]) Труды, VII, стр. 548.

Digitized by Google

ед. перескоче (рѣдко), 2 л. повел. на *ть*, буд. битиму, неопр. волокти; формы *мі*, *мя* могутъ быть съ логическимъ удареніемъ [1]).

Говоръ пѣсенъ откуда-то изъ «волынскаго Полѣсья» (вѣроятно, изъ сѣверной его части) имѣетъ: *у* (чаще), *ы*, *і* (рѣже) и *о* на мѣстѣ великор. *о*, укр. *і*: муй, вунъ, жунка, гребюнка, даже жуўтый (=жолтый), ныжкі, дрыбный, вінъ, дрібный, по крутой горі, родненькі (им. ед.), животъ, клёнъ; *і*, *є*, *е*, даже (послѣ *р*) *ы* на мѣстѣ *ъ*: тобі, недзіля, ві (род.), горілка, бєдна, свєчы, крывыє ногы, свєтыла, дєтяты, лєсокъ, стрєляты, горылка, на горы (мѣстн.); также: пічъ, весіллєчко, корынье; твердое *р*: зора, звірь; мягкое *ц* въ исходѣ словъ (но: *це*, не *це*); двойные мягкіе согласные: весіллєчко, рядомъ съ корынье (им. ед.), обольєцця; *въя* вм. *вя*: пъятà, при вяну, пють (=пьютъ); очень рѣдкое *дж*: седжў; формы им. ед. на ый и ы (послѣ *к*— на ій, і: миленькій), им. ед. муж. сёй, дат. мні (при міні, менї), род. мн. гості, мѣстн. мн. по сінёхъ, 3 л. на *ть* (чаще) и на *тъ*, 2 л. мн. повел. на *ть* и на *тъ*: ведіть, неопр. на *ть* (и на *ты*), возвр. зал. на *ся*. Рядомъ изрѣдка бѣлоруссизмы: стаіть, кола ёго, кола твоей хаты, горабейко (=воробей), людськія (им. мн.), памеці (=памяти, род.); *і* на мѣстѣ украинск. *и*: білымі ручеськамі, остатній (им. ед.), кіну (постоянно послѣ *к*), ногі (им. мн., при ногы), косці (=кости), есць (=есть), тесця (род.), свысцялка, своей Оленкі (род.) [2]).

Говоръ м. Скороднаго («Скородне»), Минской губ., Мозырскаго уѣзда, вѣроятно, очень близокъ къ сосѣднимъ бѣлорусскимъ говорамъ. Отмѣчено: спорадическое (рѣдкое) аканье и спорадическое (частое) дзеканье: начовàць, при мордзъ, окнò и т. п., ходзіць, при молодецъ, стенà, спорадическіе мягкіе согласные передъ *е*: мечъ, молодецъ, бѣлорусскія і и *ы*, дифтонги *уо* и *уы*: нуосъ, луый, при *у*: юй, прывюзъ, рядомъ съ *о*: столъ, голоўка, *і* и *е*, *е* на мѣстѣ *ъ*: лісъ, вітру (зват.), на дорозі, бедà, мешòкъ, чорные (мн.), спорадическое *е*, *е* вмѣсто *я*: повсъ, робецъ (3 мн.), твердое *р*, твердое древнее *и* (но руці), *дж*: ходжў, мьясо, формы: им. ед. на *ы*, дат. мойму, твор. ед. на *ею*: білею (при *ою*), 3 л. на *ть* (*ць*), 2 л. повел. носіть, піте, ліце, неопр. н. пекті; остатки древнихъ формъ двойств. ч.: дві оці, дві руці. [3])

Говоры Пинчуковъ, жителей Пинскаго уѣзда, отличаются нѣкото-

---

[1]) Малорусскій литературный сборникъ, изд. Д. Мордовцевымъ, Саратовъ, 1859, №№ 9, 13, 14, 19, 20, 21, 26 и др.

[2]) Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, XII, статья Брыкчинскаго.—Стецкій указываетъ какъ на полѣсскую черту—на формы дат. мн. на *умъ*: панумъ, и мѣстн. на *ухъ*: у мужыкухъ. Wołyń, I, 256.

[3]) Труды, VII, стр. 595.

Digitized by Google

рымъ разнообразіемъ; къ сожалѣнію, и здѣсь наши свѣдѣнія оставляютъ желать многаго.

Говоръ с. Плотница (къ югу отъ Припети, близь устья Горыни) близокъ къ говорамъ волынскаго Полѣсья. Онъ имѣетъ на мѣстѣ вр. *о*, укр. *і* дифтонгъ *ўы*: мўый, кўыпъ (род. мн.), ўый (дат. женск. р.), даже *рюывный* (*ю* близко къ нѣм. ü?), рядомъ съ *у* и *о*: суль (=соль), голўўка; на мѣстѣ *ъ*—*і* и *е*: тобі, бідный, бедà, мешўкъ (также: прывьізъ, камень); твердое *р*; то твердое, то мягкое *ц* въ исходѣ словъ: хлопецъ и хлопець, хлопцю; мягкіе шипящіе въ исходѣ словъ: держять, *лошя; въя* вм. *вя*: соломъяный, даже: *мнясо*; формы им. ед. на *ый*, род. ёго, дат. ёмў, *мні*, 1 л. ходю, *летю*, пустю, 3 л. на *ть* (даже: ідеть, при іде, знає), неопред. н. пекты. Сверхъ того, встрѣчается *і* на мѣстѣ укр. *и* (по крайней мѣрѣ послѣ *к*) [1]).

Говоръ другой мѣстности Пинскаго уѣзда (неизвѣстно, какой именно) имѣетъ на мѣстѣ вр. *о*, укр. *і*—рядомъ *у*, *ю* (вѣроятно, близкое къ ü), *ы*, *і*, *о*: муй, мюй (=мой), мій, мой, рўдный, рюдный, рыдный, рідный, солўмка, голўўка, гыркый, кінь, нічка, війско, гіркый, голўвка, ножка, горкый; также: прынюсъ, вышнюў (=вишневъ); *і*, *в* и *е* на мѣстѣ *ъ*: білый, въ лісі, вів, мні, другоі (род.), ві, золотые, ходемъ, смешў, секў, также: сімъ, пічъ, постіль, зілле (при печъ, зелле), даже *ы*: пытушўкъ, мàчосы (дат.,=мачехѣ), головы, діўчыны, свекрўўцы (дат.); эпорадическое (частое) *в* вмѣсто *я*: вкъ, конє, королє (род.), стўєчы, звєзалы, прынєты (неопр.), даже: діўче (им. ед.); твердое *р* (но: на горі, орітъ и т. п.); двойные мягкіе согласные: зелле, зілле (но: весельв); твердое *ц* (косцы и т. п.). Формы им. ед. муж. на *ы*, род. на *оі*, *оє* и *єе*: быстрєе рікы, род. смерты, дат. на *ові*, им. мн. на *ове*, твор. ед. женск. твею, другею, твор. мн. моіма плечыма, чорныма бровыма, мѣстн. мн. на воротєхъ, у молодыхъ летєхъ [2]), 1 л. ед. просю, косю, 3 л. на *тъ* и на *ть*, буд. бітіму, неопр. на *ты* (стерегты) и *ть*, возвр. з. на *са*; сверхъ того, формы 3 л. мн. прош. говорелє, розлучелє [3]); буты, буў; *що*. Въ этомъ говорѣ очень много бѣлоруссизмовъ. Согласные въ немъ по преимуществу твердые: «у Пинчуковъ пользуются особенною любовью твердые звуки *ы*, *у*, *э*»; «звуки *л*, *м*, *н*, *р* и зубное *д* Пинчуки произносятъ твердо»; «гортанные *г*, *к*, *х* соединяются съ твердымъ звукомъ *ы* вм. *и*», говоритъ наблюдатель; но кажется, рядомъ съ обычными твердыми встрѣчаются менѣе обычные согласные мягкіе: тебѐ, просіты. Звука *и*, повидимому, здѣсь нѣтъ; его мѣсто занято *ы* (=бѣлорусское *ы* и *и*): маты, сілы=сѣли, коскы=коски. Случаи употребле-

[1]) Труды, VII, стр. 544.
[2]) Записано: воротєхъ, летєхъ.
[3]) Записано: говорелє, разлучелє.

Digitized by Google

нія ё изъ *е* болѣе часты, чѣмъ въ другихъ малорусскихъ говорахъ; случаи аканья встрѣчаются: р*а*мень (=ремень), также какъ и случаи употребленія і (или *ы*) вмѣсто не ударяемаго *е*: пон*і*ділокъ. Формы: повел. н. *бі* (=бей), под*ы*те, позов*ы*те (2 мн.). Наконецъ отмѣчено: *зу*лье=зелье, пере*пу*лочка=перепелочка, ді*та*ті=дитяти, *ю*міраты, *ю*лыца, *ву*ехаў=выѣхалъ, им. ед. *гетей* [1]).

Въ говорѣ окрестностей Пинска мы находимъ на мѣстѣ вр. *о*, укр. *і* — рядомъ *у* и *і* (послѣ *р*—*ы*): св*у*й, м*і*стъ, бер*ы*зенка, даже *е*: з*е*рка (=зорька, звѣзда), при частомъ *о*: вонъ, домъ (также: прыв*ю*зъ, о трет*ю*й годыны, мѣстн., на с*і*мъ світы); на мѣстѣ *ѣ*—*і*, *ы*, *е*, *е*: д*і*ло, т*і*ло, тоб*і*, на св*і*т*ы*, въ город*ы* (мѣстн.), сп*ы*ваты, на нéб*ы*, на дворы̀, д*е*ўчына, дорогы*е*, *ее* (род.), сечé, стенà, венòкъ, рекà (также: п*і*чъ=печь, семъ=семь, спасенье); отсутствіе двойныхъ мягкихъ согласныхъ: *голье* (при здоровечко); твердое *р*; твердое *ц*; изрѣдка *дж*: ход*ж*аты (также *дз*вонъ, при *з*вонъ); формы им. ед. муж. на *ый*, средн. р. на *е*, *ее*, род. ед. муж. р. не только на *ого*, но и на *его*: тых*его*, женск. не только на *ое*, *оі*, *ой*, но и на *ее*, *еі*, *ей*: мил*ее*, одн*ей*, сво*е*, св*еі*, св*ей* (=своей), им. мн. молодѐ (=молодые), дат. мн. хлопц*омъ*, 1 л. ед. ко*тю̀*, про*сю̀*, сечу̀, 3 л. на *тъ* и (чаще) на *ть*, возвр. зал. на *са*; *що*. Согласные, повидимому,—по преимуществу твердые (ничего въ родѣ *ведє*, вес*ті* не отмѣчено). Звука *и* какъ будто нѣтъ (все *ы*). Рядомъ рѣдкіе случаи аканья: ор*а*бейко (=воробейко), б*а*рòмъ (тв. ед.), и бѣлорусскаго ё (*о*): берòза [2]).

Говоръ мѣстностей сѣверной части Пинскаго уѣзда («надъ Пиною, Припетью и Цною») свободенъ отъ дифтонговъ. Въ немъ слышится *у* и *ы*: к*у*нь, др*у*бны, н*у*жка, дор*у*женька, пост*у*й (повелит.), по т*у*й дуброві, вѐс*ю*лъ, по ўс*ю*мъ, н*ы*чка (=ночка), уд*ы*вонька (=вдовонька), г*ы*рке, з*ы*ронька, рядомъ съ частымъ *о*: подворъе, гол*о*ўка, дор*о*женька, повёзъ, съ *і*: зъ в*і*дного (=одного, рѣдко), и даже съ *е*: к*е*ска (=коска, коса); *і*, послѣ *р*—*ы* (подъ удареніемъ), *є*, *е* на мѣстѣ *ѣ*: д*і*ла (=дѣ̀ла, 3 л.), д*і*ду (зват.), полет*і*ла, тоб*і*, забер*ы*мъ (1 л. мн. повелит.), зустр*ы*ў (=встрѣ̀тилъ), на гор*ы*, тоб*є*, в*є*ньчыкъ, д*є*дòкъ, *є*ду, *є*хаў, *ее* (род.), золоты̀*є*, ўс*є*, ратà*є*, тво*є* (им. мн.), венòкъ, св*е*чы; также: пл*і*чъ (род. мн.); спорадическое (рѣ̀дкое) *є*, *і* вмѣсто *я*: дзев*є*ць (=девять), зоўзўл*і* (им. ед.); спорадическое *у* вмѣсто неударяемаго *о*, южно-малорусскаго *о*: к*у*шуля (=кошуля), сл*ю*зонькамі (=укр. слёз-); древнее *л* вмѣсто ў: до*л*го, по*л*ны, то*л*къ (рядомъ: доўго, жоўты, любіў);

---

[1]) Булгаковскій. Пинчуки. Этнографическій Сборникъ. Спб. 1890 (=Записки И. Р. Геогр. Общ. по отд. этногр., XIII, вып. 3). Тексты записаны недостаточно точно.

[2]) Zbiór wiadomósci, II, ст. Быковскаго.

Digitized by Google

твердое *р*: на*р*ажена и т. п.; твердое древнее *и* (не изъ *т*): въ ны*р*ы (=въ норкѣ); твердые шипящіе; отсутствіе двойныхъ мягкихъ согласныхъ (слюбова*н*е, полёва*н*е); *въя* вмѣсто *вя*, рядомъ съ *вя: въяну* при *вяну*. Формы: им. ед. на *ы:* добр*ы*, род. женск. р. молодо*є* и молодо*й*, даже: крынічны*є* воды, род. муж. р. мого, дат. *мнѣ*, дат. мн. на *омъ:* дѣткомъ (рѣдко), твор. плечы*ма*, 1 л. ед. ходю, косю (рядомъ съ хожу), пусту, 3 л. на *тъ:* ході*тъ*, рядомъ на *ть*, *ць:* ходіць, буд. бітім*у*, неопр. н. почти всегда на *ті* (рѣдко на *ть*), возвр. зал. на *са* и *ца* (рѣдко на *ся* и на *се*, *це*): боюс*а*, кланят*ца*, суділо*сь*; также: остатки формъ двойств. ч.: тры дуд*є*; *бу*ті (=быть), *бу*ў, забу*ла*, при бы*ць*, бы*ў*, была; *що*, при *што*.

При этихъ отчасти малорусскихъ чертахъ—длинный рядъ чертъ бѣлорусскихъ. Согласные у Пинчуковъ произносятся передъ *е* часто (не всегда) мягко: несу; ё изъ *е* у нихъ чаще, чѣмъ у Малороссовъ: цёмны (=темный), мецёлка (=метелка), бер*ѣ*за, пойдёмъ, ясёнъ, славёнъ; звука *и*, повидимому, нѣтъ и его мѣсто занято то *ы*, то *і*, по-бѣлорусски: сын*ъ*, мыт*і*, новых*ъ*, п*і*т*і* (пить), заморск*і* (им. ед.), но съ исключеніями: шумілы, дзвонілы; встрѣчаются, и нерѣдко, мягкіе *дз* и *ц*, вмѣсто мягкихъ *д* и *т* и рядомъ съ ними: *дз*евочка и *д*евочка, купіці и купіті, *ц*ебе и *т*ебе (род.); встрѣчаются (рѣдко) *а* вмѣсто неударяемаго *о* и *і* вмѣсто неударяемаго *е*: прова*а*ділa, пра*а*вог*а* (род.), *ла*жу*ъ*са, *ба*юса, с*і*ло (=село), п*і*родъ (=перёдъ), пов*і*рталі, ры*а*берце (=ребро); встрѣчаются (рѣдко) глухіе (=отзвучные) согласные вмѣсто звонкихъ: об*і*т*ъ* (=обѣдъ). Сверхъ того: спорадическое твердое *л* вмѣсто мягкаго: сил*л*но, стрел*л*цы, крыл*л*ца, формы им. ед. цёмно*й* лесъ, мілень-ко*й* (?, рѣдко), 1 л. мн. напи*м*оса, возьмомо, поедомъ, сядомо [1]).

Наконецъ, мы имѣемъ нѣсколько данныхъ изъ села Старая (или Святая?) Воля (на Огинскомъ каналѣ, въ сѣверо-западной части Пинскаго уѣзда). Это: бол*ы*тъ (=болотъ, род. мн.), сыль (=соль), ревный [2]) (=ровный), кепъ (=копъ, род. мн.), хліў (=хлѣвъ), на дорозі, вєтру (зват.), бед*а*, мешдкъ, *єє* (род.), чорны*є* (им.); твердое *р*; твердое *и*; м*ъ*ясо, прыв*ъ*зъ (=привезъ); формы им. сд. на *ый*, дат. мо*ѣ*му, 1 л. ход*ю*, л*ст*ю, 3 л. на *тъ*, повел. купєте, пєте (?=пейте), неопр. н. пе*ѧ*ті, двойств. ч. две слов*і*. Рядомъ: стяна (=стѣна); ход*і*тъ, молод*і*ца, роб*і*тъ; оролъ, коном*ъ* (твор. отъ к о н ь). Случаевъ аканья (кромѣ вышеприведеннаго) и дзеканья не отмѣчено [3]).

[1]) Zieńkiewicz, Piosenki gminne ludu pińskiego; К а р п и н с к і й, Говоръ Пинчуковъ (Р. Ф и л о л. В ѣ с т н. 1888 г. № 1).—Вѣроятно, также изъ сѣверной части Пинскаго у. пѣсни №№ 296—300 въ С б о р н и к ѣ пам. нар. т в о р ч. въ с ѣ в е р о - з а п а д н о м ъ к р., о языкѣ которыхъ см. у П о т е б н и, Замѣтки, стр. 105. Въ нихъ между прочимъ: нявістонька, гнездо, зацвяла.

[2]) Записано: ревный; опечатка?

[3]) Т р у д ы, VII, стр. 548. Матеріалъ здѣсь, какъ и вездѣ, записанъ неудовлетворительно.

Digitized by Google

Говоры малорусской части Гродненской губ. составляютъ двѣ группы, изъ которыхъ одна, занимающая южную (бо̀льшую) половину этой части, можетъ быть названа вполнѣ малорусскою, а другая, въ сѣверо-западномъ углу губерніи, представляется переходною отъ малорусскаго нарѣчія къ бѣлорусскому.

Передъ нами первая группа.

Изъ говоровъ южной части Гродненской губ., сосѣдней съ Пинскимъ уѣздомъ (гродненскаго Полѣсья), одинъ (Кобринскаго уѣзда) имѣетъ на мѣстѣ вр. *о*, укр. *і*—*у* рядомъ съ болѣе рѣдкимъ *ы*: в*у*нъ, в*у*зъ, жыдỳў, жỳнка и жы̀нка; на мѣстѣ *ѣ*—*і*, *ы* рядомъ съ *е*: *і*жъ (=ѣшь), в*і*къ, л*і*то, соб*і*, у сел*і*, є*і* (род.), б*ы*дà, ды̀ткі, т*ы*сто, ў хàт*ы*, у пѐкл*ы*, сѐяты; спорадическое *і* на мѣсто украинскаго *и*: т*і*хо, особенно послѣ гортанныхъ: вік*і*, дытк*і*; по преимуществу твердые согласные. «Полѣшуки, говоритъ наблюдатель, всякое слово произносятъ твердо, рѣшительно и отрывисто: хо*дыты*, *сэяты*»; у нихъ «*ѣ*, *е*—грубо, какъ *э*; *и*—какъ *ы*: т*ы*сто, *тэпэ*ръ». Формы им. ед. на *ый*, дат. на *ові*, 3 л. на *тъ* и на *ть*, неопред. н. на *ты* (запрякчы), возвр. з. женыты*ся* и *ся* женыты; *що*. Еще: вітёръ, зват. бра*це* (=бра*це*?), б*ы*ваты при б*у*ваты [1]).

Въ другомъ говорѣ того же Полѣсья (Брестскаго уѣзда) отмѣчены: *у* и *ю* (близкое къ нѣмецкому ü?): снопỳў (род.), вѐч*у*ръ, на *ю*мъ, др*ю*бный; *і* и *ы*: р*і*дко, тоб*і*, въ долын*ы*, л*ы*нывый, также: п*і*чъ; мягкое *ц* въ исходѣ словъ; формы род. ёго, 3 л. на *тъ* и на *ть*. Еще: н*ы*=не (н*ы* загнала и т. п.); с*а*чевыця (?) [2]).

Говоръ м. Дрогичинъ, Кобринскаго у., имѣетъ на мѣстѣ ударяемаго вр. *о* (*е*), укр. *і*—дифтонгъ *уы* или (рѣже) дифтонгъ *юы* (съ *ю*=ü?): м*уы*й, в*уы*нъ, н*уы*чъ (также: н*юы*съ=несъ, л*юы*гъ=легъ) и н*юы*чъ (=ночь), р*юы*съ (=росъ), а на мѣстѣ неударяемаго вр. *о*, укр. *і*—*у*: п*у*дыймỳ (также: перст*ю*нòкъ), рядомъ съ *ы*, *і* и *о*: н*ы*съ (=носъ), н*і*чъ (=ночь), к*і*нь, к*і*тъ (=котъ), сват*і*ў, сын*і*ў (род.), также: сво*і*й (дат.), с*о*ль. Употребленіе въ однихъ и тѣхъ же словахъ и окончаніяхъ то дифтонга, то *і* привело къ появленію дифтонга на мѣстѣ *ѣ*: л*юы*зъ (=лѣзъ), при л*і*зъ, б*юы*гъ (бѣгъ, бѣжалъ, вр. бёгъ). Мѣсто *ѣ* въ этомъ говорѣ занято или *і*, или (безъ ударенія?) *е*, *є*: соб*і*, зв*і*ръ, бедà, стенà (также: с*і*мъ=семь, ш*і*сть, кам*е*нь, шесьсòтъ). Затѣмъ въ немъ слышатся: твердое *р*: ца*р*ъ, ца*р*à, па*р*ỳыўна (рядомъ: ца*рю*ыўна), мягкое *ц* въ исходѣ словъ: хлопе*ц*ь, хлоп*ц*я, мягкіе

---

[1]) Матеріалы для геогр. и статист. Россіи. Гродн. губ. I, стр. 635—638.

[2]) Сб. пам. нар. творч., №№ 159, 162—166.

Digitized by Google

шипящіе въ формахъ 3 л. мн.: дер*жя*ть, *мня* вмѣсто *мя: мня*со, *мня*ты (но: здоро*въя*, пры*въ*юзъ=привезъ), двойные мягкіе согласные: сніда̀*нне*, весі*лле* (им. ед.), даже: *ззі*сты (=съѣсть), при тре*тя* (=третья), одынатця*тю* (твор.), *зъі*ў (=съѣлъ), *дж* въ хо*дж*у и т. п., изрѣдка *у* вмѣсто неударяемаго *о:* к*у*жемяка, и *і* вмѣсто *я*: ўзі*ў* (взялъ). Формы им. ед. ср. р. записаны то съ *є*, то съ *я:* вес*і*ллє и вес*і*лля, сн*і*даннє и кам*і*ння. Изъ формъ замѣчательны формы им. ед. муж. р. на *ый* и на *ы*, род. ед. женск. *сюеі*, мо*і*, твор. ед. ж. р. т*ею*, м*ею* (=моею), дат. сніго*вы* (=снѣгу), мо*й*му и м*е*му, т*еі* дытыні, им. мн. гост*і*, зят*і*, 3 л. на *ть* (здає*ця* и т. п., съ однимъ *ц*), буд. вр. быты*му*, 1 л. мн. повелит. возьм*і*мъ, вед*і*мъ, ход*і*мъ, неопр. н. на *ть* (при *-ты*, бере*гчы*), возвр. з. на *ся* (*ця*) и *сь*; *що* и (рѣже) *шо*. Звука *и*, повидимому, нѣтъ и его мѣсто занято звукомъ *ы* [1]).

Въ говорѣ неизвѣстной мѣстности Дорогичинской волости, не смотря на близость ея къ м. Дорогичину, много особеннаго. Дифтонговъ въ немъ не отмѣчено [2]), и на мѣстѣ вр. *о* (*е*), укр. *і* являются *у*, *і*, *о*: молоденьк*уй*, сво*юй* (дат.), ма̀т*ю*нка, в*і*нъ, в*і*йско, н*і*чка (даже б*і*йный = буйный), доро*ж*енька; на мѣстѣ *ѣ*—*і* и (безъ ударенія) *ы*: в*і*нъ, св*і*тъ, д*і*вушка, стары*і* (им. мн.), і*і* (род.), также: с*і*мъ=семь, быр*і*зка=березка, вы*н*о̀къ, ў св*і*ты, ў мо̀ры, ў долы̀ны, ў по̀лы (мѣстн.), долы (род., при дол*і*); твердое *р* (но: р*і*чка); мягкое *ц* въ исходѣ словъ (но: сон*це*, хлоп*цы*, им., и т. п.); двойные мягкіе согласные: гуля*нне* (им. ед.), при *лье* (3 л.), тре*тя*; на Пры*пьеті*; формы им. ед. на *ый* и даже на *ой*: молодо̀*й*, полково̀*й* (?, очень рѣдко), род. женск. р. на *еі* (м*еі*) и *ей* (добр*ей*), дат. на *овы*, мѣстн. женск. р. на *ей*: добр*ей*, мѣстн. мн. въ гост*юхъ*, 3 л. на *ть*, повелит. нап*и*мося, розойд*і*теся, не свар*і*теся; *що*. Сверхъ того: *є* вмѣсто *я*: наговорєцця, 3 л. мн., случаи аканья (рѣдкіе): с*а*ловѐйко, частое *ы* вмѣсто неударяемыхъ *е*, даже *а*: убы*р*уся, жы*н*а̀, сы*стр*а̀, вы*д*ѐ (=ведетъ), н*ы*, доны*сл*а̀, но̀чы*н*ька, ны*шл*а̀ (=нашла); *ѐ* (*о*) вмѣсто *е*: чытвёрта, высёла (=весела), зылёного, пры бырожку̀, горолъ (=орелъ), перо*д*ъ [3]).

Данныя изъ м. Бездежъ: *у* на мѣстѣ вр. *о*, укр. *і*: в*у*нъ, м*уй*, п*уй*ду̀, молоденьк*уй* (дат.), ў чы̀ст*у*мъ полі (также: запр*ю*гши=запрегши); *і* и (безъ ударенія) *ы* и *є* на мѣстѣ *ѣ*: в*і*ра, тоб*і*, ў мор*і*, вы*н*о́чокъ, на помо́сты, молоды*є* (также: с*і*мъ); твердое *р*; мягкое *ц* въ исходѣ словъ (даже: пер*ц*ёмъ, твор.); двойные мягкіе согласные: гуля*нне* (им.); формы им. ед. на *ый*, род. ёго, шырок*еі* и *-ей*, дат. молодцё*вы* (=молодцу), *мні*, им. мн. гост*ы*, сін*ы*,

---

[1]) Труды, II, стр 7, 59, 83, 87, 113, 129, 179, 229 и др.; VII, стр. 547.

[2]) По неумѣнію передать ихъ буквами, а не потому, что ихъ не слышится?

[3]) Сборникъ памятниковъ народнаго творчества въ сѣверо-западномъ краѣ, №№ 10—14, 53—65, 117.

Digitized by Google

сусіде, 3 л. на *ть*, возвр. з. на *ся*; *що*. Еще: *ы* вм. *е* безъ ударенія: ны дàў, сыстрà, лытіў; *ё* (*о*) вм. *е*: зелёного, далёкая, поёны (им. мн.), оролъ; изрѣдка *ц* вм. *т*: *єсць* (=есть), щасця (род.) [1]).

Данныя изъ мѣстности близь Бездежа почти тѣ же; отмѣтимъ: *у*, *і*, *о* на мѣстѣ вр. *о*, укр. *і*: *у*нъ (в*у*нъ?=онъ) и т. п. и в*і*нъ; *і* и *ы* на мѣстѣ *ѣ*: д*і*дъ, на нéбы; формы им. на *ый* и *ы* (велік*і* стукотъ), род. до св*і*й хаты; бѣлоруссизмы: вел*і*к*і*, им. ед., мол*і*тыся, переймая, 3 л. ед. [2]).

Данныя изъ с. Молодово, Кобринскаго у.: *у*, *ы*, *і*, *о* на мѣстѣ вр. *о*, укр. *і*: п*у*зьно (=поздно), ў т*у*й траві, ў чы̀ст*у*мъ полі, м*ы*й, ст*ы*й (=стой, пов.), пл*ы*тъ, н*ы*ченька, ворог*ы*ў (род.), даже: мн*ы*го (=много), м*і*й, н*і*чъ, г*і*ркый, р*і*дный, козак*і*ў (род.), дорожка, ножка (также: мо*і*й, дат., пч*и*лочка, бер*и*зка=пч*і*лочка, бер*і*зка?); *і* и (безъ ударенія) *е*, *є* на мѣстѣ *ѣ*: св*і*тъ, тоб*і*, д*е*ўчà, спевàты, лены̀ва, беда, половы*є* (им. мн.; также: пост*і*лечка, камень); твердое *р*; то мягкое, то твердое *ц* въ исходѣ словъ: хлоп*ця*, улы*цю* и ў церкоў*цы*, молоды*ца*, седел*це*; двойные мягкіе согласные: кохàнне, жы*тте* (им. ед.), при безголо*въ*ечко; формы им. ед. на *ый*, им. ср. р. на *е*, *ее*, род. женск. р. темн*еі*, т*еі*, твор. темн*ею*, дат. *мні*, им. мн. кон*ы*, колодяз*ы*, гост*ы*, сін*ы*, улан*е*, тв. мн. очы*ма*, 3 л. на *ть* и *тъ*,, возвр. з. на *са* и *съ*; *що*. Еще: в*і*но (=вино; кажется, *і* вмѣсто *ы*—послѣ гортанныхъ: солодк*і*й и т. п.), пом*е*нулы (=помянули), пры бер*о*жкỳ, сы*лно*, сыде*лце* [3])

Данныя изъ с. Озяты, въ западной части Кобринскаго у.: *у* (часто), *ы*, *і*, *о* на мѣстѣ вр. *о*, укр. *і*: м*у*й, т*у*й (дат.), післỳў (род.), п*у*дъ вербою, также: веч*у*ръ, къ н*ю*й, п*ы*рцè (перо), р*ы*дны̀й, в*і*нъ, зл*і*сть, также: пры*н*і*с*ъ, прыв*і*зъ, *і*й (дат.), ноченька, дороженька; *і* и (безъ ударенія) *ы*, *е* на мѣстѣ *ѣ*: л*і*съ, соб*і*, добры*г*, также: пост*і*ль, з*і*лле, д*ы*ўчя̀, в*ы*нокъ, б*ы*жы̀ (повел.), на мòр*ы*, пры дорòз*ы*, ў хат*ы*, на Вкраін*ы* (мѣстн.), у Марус*ы* (род.), также: пост*ы*лѐнька (=постель), исц*е*ліў, молоды*є*; твердое *р* (не всегда?); мягкое *ц* въ исходѣ словъ (но хлòп*цы*, им., гребень*цем*ъ, твор.); мягкое *ч* (и вообще шипящіе?): вынчя̀ты, пле*чя̀* (род.), не*щя̀*сный (рядомъ съ твердымъ?); двойные мягкіе согласные: зі*лля* (род.), коха*нне* (им.), коха*нне*чко, при сніда*не*чко, тре*тя*я; формы им. ед. на *ый*, им. ср. р. на *е*, род. т*еі*, м*еі* мяткы, мыл*еі*, твор. т*ею*, мыл*ею*, так*ею*, дат. на *овы* (коне*вы*), *мні*, ёму, им. мн. гус*ы*, гост*ы*, рекрут*е*, мѣстн. мн. въ ворот*ёхъ*, ў сін*ёхъ*, 3 л. на *тъ* (?), 1 мн. повел. одошл*і*мо; *що*. Еще: у зел*ё*нуй дубровы, невес*ё*лая, чер*о*тъ (=очеретъ), ѝс-пудъ кр*а*меню (=кремня) [4]).

---

[1]) Тамъ же, №№ 35, 121, 138—143, 157—158.

[2]) Матер. для геогр. и стат. Россіи. Гр. губ. I, стр. 631—632.

[3]) Живая Старина 1890 г., вып. 1 и 2. Тексты записаны не вполнѣ точно.

[4]) Сборникъ пам. нар. тв. №№ 15—30, 66—95, 205. Труды Чубинскаго, VII, стр. 550; Потебня, Замѣтки, стр. 126—134.

Digitized by Google

Данныя изъ мѣстъ близь г. Кобрина: свгй, дгмъ, мàтюнка, слёзка, коска (=коса); зелгзны ворота, вгтёръ, слыдкы (=слѣдки); землыцю (вин.); твор. свею; «е вездѣ какъ э» [1]).

Данныя изъ Козицкаго прихода: вуозъ (=возъ), муой батько; угхаў; формы: род. ёго, возвр. зал. на сє [2]).

Данныя изъ с. Череватицы: муй; цвгтъ, вгкъ; птыця, молодыця; поседіннячко; ны буде, лгтіла (=летѣла); красéнця (крòсна); на свы крыльця [3]).

Говоръ Каменецко-литовской волости, въ сѣверной части Брестскаго уѣзда, имѣетъ: на мѣстѣ вр. о, укр. і—у и ю: муй, стулъ, нюсъ (=несъ), юй (дат.), хвюстъ (=хвостъ), при о въ дорожка; на мѣстѣ ѣ—і и ы: лгсъ, тобі, по болоті, въ хаты (мѣстн.), при сімъ (=семь), весілье, пічъ; твердое р; то твердое, то мягкое ц въ исходѣ словъ; формы: им. ед. на ый и ы (маленькі), всéй садъ (=весь), род. велыкеі, меі, дат. ёму, мні и мені, молодеі, твор. чорныма очыма, 3 л. на тъ и на ть. Еще: ныділя, лытіла, выдé (=веде); діўче (им.); зелёный; дь ёму (=къ нему).

Данныя изъ села Косичи, того же уѣзда: муй, вунъ, буйся, своюй (даже: мнуго), дрюбный, при вгзъ (=везъ); бгілый, пры мгсяцгі, спевàю, жòўтыє (мн.), на долыны, по дубрòвы; твердое р; мягкое ц въ исходѣ словъ; дж; мягкіе шипящіе: дожялы (спорадически?); отсутствіе двойныхъ мягкихъ согласныхъ: снідàнье, корыньечко (но: розмоўлянне, о мему жыттi); формы им. ед на ый (соловгй), род. ёго, теі и тей, темнеі, дат. ёму, мні, удоўцéвы, мему (=моему), им. мн. кỳре, каваліре, мѣстн. по сінéхъ, 3 л. на ть; повел. печы; польскія формы прош. вр. еще-мъ я не здрадыў, єсь перебрала; що. Еще: нывіста, поныділокъ, лытячы; 3 л. єсць [4]).

Данныя изъ м. Великая Рыта, въ восточной части Брестскаго уѣзда: нуысъ, туылько, чорнуый (дат. ж. р.), люыгъ (=легъ), прывгзъ (=привезъ), мгдъ (=медъ); дгдъ, бгдный, стгны (мн.), корóвгі (дат.), на голòўцы, и бедà, стенà; твердое р; мягкое ц въ исходѣ словъ (но: -цы); мягкіе шипящіе въ формахъ 3 л. мн.: лежять, ускочять; мнясо, мняты (=мять); дж; формы им. ед. на ый, род. єгò, меі, готовей, дат. мні, сынові, коневі, твор. чорнею, 3 л. на ть, 2 л. повел. пгте, лгте (=пейте), неопред. н. на ты (берегчы); польскія формы 2 л. прошедш. вр. казавесь (ты сказалъ) [5]).

---

[1]) Матер. для геогр. и стат. Россіи. Гродн. губ., I, стр. 630—631.

[2]) Тамъ же, стр. 633 (здѣсь невѣрно напечатано: воузъ, моуй).

[3]) Сб. пам. нар. тв. №№ 31, 152.

[4]) Сб. пам. н. тв. №№ 181—203, стр. 288 (Каменецъ); №№ 34, 123, 144—148, 150, 151, 155, 156 (Косичи).—Потебня, Замѣтки, стр. 118—126.

[5]) Труды, VII, стр. 552; Матер. для геогр. и стат. Россіи. Гродн. губ., I, 633.

Digitized by Google

Данныя изъ м. Пожежинъ, того же уѣзда: *муый*, *вуынъ*, прын*юы*съ, даже: мн*уы*го, п*у*тъ тòполемъ, розбуыйнык*у*ў (род.), трѐт*ю*й (дат.), рядомъ съ *бі*льше, п*і*йдѐшъ, розбуыйнык*і*ў (род.), *жі*нка, пч*і*лмы (твор.), розв*і*ў; *бі*дный, соб*і*, жінц*і*, с*і*мъ (=семь); твердое *р*; мягкое *ц* въ исходѣ словъ; мягкіе шипящіе (спорадически?): *жя*ба; *въяжу̀*; щà*сте* (им.), і*зз*ілы (съѣли); формы им. ед. на *ый*, род. св*оі* и св*еі*, т*еі*, добр*ой*, одн*ей*, дат. на *ові*, *мені*, твор. т*ею*, род. мн. кон*ый*, грош*ый*, 3 л. на *тъ* и на *ть*, неопр. н. на *ты*; *що* и *шо* [1]).

Данныя изъ Влодавскаго благочинія, въ юго-западной части того же уѣзда (по Бугу): мат*ю*нка, с-п*у*дъ кореня; в*і*рно, на мòст*ы*, на крыныц*ы*; твердое *р*; формы род. м*еі*, им.-вин. мн. запрагу̀ кон*ы* вороныі, 3 л. на *тъ*; польская форма 2 л. мн. прош. вр.: вмілы-*сьте*; *що* [2]).

О говорахъ Пружанскаго уѣзда мы знаемъ мало.

Въ говорѣ с. Картузъ-Береза (къ юго-востоку отъ г. Пружанъ) дифтонги *уы* и *уо* на мѣстѣ вр. *о*, *е*, укр. *і*: л*уы*й, с*уо*ль, р*уо*вный, рядомъ съ *о*: н*о*съ; *і* и *е* на мѣстѣ *ѣ*: по дорозі, бедà, стенà, *єв* (род.), чорны*є* (также: кам*е*нь); твердое *р*; твердое *ц* въ исходѣ словъ; *мня*со (=мясо), пры*вьё*зъ (=привезъ); здоровь*є* (им.); формы им. ед. на *ый*, род. жен. р. мо*є*, дат. на *ові* (кон*еві*), 1 л. хо*д*ю, ло*мь*ю, лю*бь*ю, 3 л. на *тъ*, будущ. вр. ходыты*му*, неопред. н. бере*гчы*; двойств. ч. дв*і* хат*і*, дві слов*і*; *що*. Сверхъ того: случаи аканья: н*а*ч*а*ваты; ор*о*лъ (=орелъ) [3]).

Въ говорѣ деревни Чахецъ (Михайловской волости) рядомъ: к*у*нь, в*і*нъ, копъ (род.), женчык*о*ў (род.): хл*і*бъ, добры*г*, гор*ы*лка, выб*є*гàты, также: с*і*мъ копъ; то твердое, то мягкое (?) *р*; мягкое *ц* въ исходѣ словъ: яй*ця*; двойные мягкіе согласные: гуля*ннє* (им.); формы им. ед. на *ый*, дат. на *овы*, 3 л. на *ть* и *тъ*, повел. жн*і*те; *що*. Еще: дал*ё*кый [4]).

Говоръ м. Селецъ, если можно о немъ вѣрно судить по имѣющемуся у насъ матеріалу, обыкновенно на мѣстѣ вр. *о*, укр. *і*, имѣетъ *о*: Б*о*гъ, а на мѣстѣ *ѣ*—*є* и *е*: л*є*нь, мн*є* (дат.), *є*жте (повел.), годн*о*є (=одной, род.), бедà; затѣмъ, въ немъ твердое *р*, формы род. моёго, дат. ёму, мѣстн. у ноч*ѐ* (въ ночи), 3 л. на *тъ*, возвр. з. на *са* и *съ*. Еще: дес*е*ть, тр*е*сы (=десять, тряси); б*і*т*і* (=бити); н*а*човало [5]).

Близь м. Сельца слышно: т*у*лько, б*о*гъ, вывёў (=вывелъ); гор*і*ты, д*і*ду (зв.), зъ*і*ў (=съѣлъ), дорозі (дат.), соб*і*; то твердое, то мягкое *р*: пові*р*ъ

---

[1]) Труды, II, стр. 50, 336, 608.

[2]) Мат. для геогр. и ст. Россіи. Гр. г., I, стр. 634. Напечатано: мат*і*онка.

[3]) Труды Чубинскаго, VII, стр. 549. Здѣсь трудно догадаться, какіе звуки обозначаются буквами *ѣ* и *и*.

[4]) Сб. пам. нар. тв., №№ 96—100; Потебня, Замѣтки, стр. 101—103.

[5]) Сб., стр. 289 сл; Потебня, стр. 102—103.

Digitized by Google

(=повѣрь), рѣдко; форма им. ед. поломѣ; ф. род. ёго, дат. *мнѣ*; *що*. Повидимому, нерѣдко *і* вмѣсто *ы*: водѣты (неопр.) [1]).

Данныя изъ м. Шерешево (близь г. Пружанъ): т*у*лько, м*о*й; л*і*съ, м*і*сто, рущ*ы* (дат.); ф. им. ед. на *ы* (послѣ *к*—на *і*: велік*і* лісъ). Повидимому, нерѣдко *і* вм. *ы*: заводыл*і*; дѣготь [2]).

Передъ нами вторая группа гродненскихъ малорусскихъ говоровъ.

Эти говоры, слышимые въ сѣверо-западной части Гродненской губ., въ Бѣлостокскомъ и отчасти Бѣльскомъ уѣздахъ, и обыкновенно называемые (по м. Заблудову) заблудовскимъ говоромъ,—богаты дифтонгами. Они имѣютъ: на мѣстѣ вр. *о* (*е*), укр. *і*, подъ ударѣніемъ,—дифтонгъ *уо* (съ преобладаніемъ *о*), безъ ударѣнія (а иногда и подъ ударѣніемъ), — *у*: м*уой*, к*уо*нь, дв*уо*ръ, пщ*уо*лъ (=пчолъ, род.), на *юом*ъ (=на немъ), на *юой*, лебъ*юо*дка (=лебедка), пъ*юо*рце (=перце, перышко), п*у*дъ д*у*момъ, ў гѣт*у*мъ домі (=въ этомъ), лебъюдка (=лебедка), даже к*у*дсонька (=косонька); на мѣстѣ *ъ*, подъ ударѣніемъ,—дифтонгъ *іе* (съ преобладаніемъ *е*), послѣ *р*, *ц* и шипящихъ—*ые*, безъ ударѣнія (а иногда и подъ ударѣніемъ),—*е*, послѣ *р*, *ц*, шипящихъ—*е*, въ концѣ формъ мѣстн. п.—*і*: л*і*ето, на св*і*ц*і* (=на свѣтѣ), соб*і*е (дат.), волы мо*і*е половы*е*, е*і*е (род.), р*ы*ѣчка (откуда р*і*ѣчка=рѣчка), стрыѣлка, цыѣлы, ў ночыѣ (въ ночи), бѣлюсенькі (им. ед.), на дорож*і*, на ціел*і* (=на тѣлѣ), также: с*і*ем (=семь), шыѣсць (=шесть) и т. п.; твердое *р*; твердые *ц* (не изъ *т*) и шипящіе (*жже*, *че*, *ще*); изрѣдка *дж*; *вя* вм. *вя* и т. п.: въяжў (=вяжу), лебъюдка, пъюдрце, прівъюдзъ (=привезъ); полёва*не* (им. ед.); формы им. ед. на *ы*, род. ёгò, дат. ёмў, род. до мо*і*е Кас*і*, Марыс*і*, здорово*і* водзицы, нашеі памяці, дат. конев*і*, вѣтрев*і*, мн*і*е, тв. гор*е*ю (=горою), зв. лебѣдзю, 3 л. дѣйств. з. на *ть*, возвр. з. на *еце*, *іце*: боі*це*, неопр. н. на *ці* (=*ти*).

Рядомъ бѣлорусизмы: мягкіе согласные передъ *е*: бѣрў, цебѣ, вѣрба, мѣнѣ (род.), нѣсу, сѣстрà (но: перестáну); строго различающіяся другъ отъ друга *і* и *ы* (послѣ гортанныхъ *і*: ціх*і*, велік*і*, им. ед.); частое *ё* (*о*) изъ *е*: дзенёкъ (=денекъ), сосёнъ (род.), полётъ, озёра (мн. ч.), зелёны (но: ўсе=все, далеко и т. п.); мягкія *дз* и *ц* вмѣсто *д* и *т*: водзіца, дзве, цебе, ціхо: сóўнычко (=солнечко); формы твор. ед. усім*ъ* (=всѣмъ), род. мн. ўсіхъ и т. д.; быў, былò, бывáці; *што*. Сверхъ того, встрѣчается, безъ ударенія, изрѣдка *є*, *е* изъ *я*: боюсѣ, боіце (=боится), двáцець, пѣса (род.), памяць [3]).

Конечно, эти говоры въ разныхъ мѣстахъ своего употребленія имѣютъ

---

[1]) Мат. для геогр. и стат: Р. Гродн. губ., I, стр. 629—630.

[2]) Тамъ же, стр. 628—629.

[3]) Этнографическій Сборникъ, вып. III (1858 г.). Потебня, Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка, Воронежъ, 1866, стр. 141—143; Замѣтки, стр. 91—94.

Digitized by Google

свои мелкія особенности. Такъ, близь Заблудова дифтонгъ *уо* слышится, и довольно часто, на мѣстѣ какъ ударяемаго, такъ и не ударяемаго украинскаго *о*: ск*уо*ро, в*уо*лы̀, в*уо*да̀, гѐт*уо*й (=этотъ, им. ед.), час*уо̀*къ (им. ед.); здѣсь же изрѣдка встрѣчаются случаи аканья: *а*дзінъ, *а*дна̀, Турѐцк*а*і земі (род.); здѣсь же: с*ё*стра̀, воёва̀ці, понёссе, при м*є*дъ; вес*е*лл*е* (им. ед.), з*е*лл*е*, при за пе*ч*у (печью); ц*є* (=тя, вин.); стаўокъ (=ставокъ) [1]). Или, въ другой (неизвѣстной) мѣстности, Бѣльскаго уѣзда *і* часто слышится на мѣстѣ *ѣ* безъ ударенія: вінòчокъ; согласные передъ *е* часто (или всегда) тверды: і*де* (=ѣдетъ), *лебе*де (им. мн.); *дз* и *ц* рядомъ съ *д* и *т*: *дз*івỳля и лебе*де*, потра̀*ц*іла и ру*т*яный; коха̀*нне* (им. ед.); ф. им. мн. лебеде [2]).

Южные сосѣди заблудовскаго говора должны быть отнесены къ первой группѣ гродненскихъ малорусскихъ говоровъ. Ближайшій къ нему—говоръ, называемый у Заблудовцевъ королёвскимъ и слышащійся около мѣстечка Нарева, доходя подъ г. Бѣльскъ. Онъ отличается отъ заблудовскаго отсутствіемъ бѣлорусскихъ особенностей: мягкихъ согласныхъ передъ *е*, *дз* и *ц* (и другихъ ?): пуой*де*, бу*де* [3]). Въ немъ еще указываютъ на дифтонгъ *оо* (съ первымъ сильно закрытымъ *о*?) на мѣстѣ вр. *о*, укр. *і* (рядомъ съ *уо*), на болѣе частое *і* на мѣстѣ *ѣ*: білый, віє (рядомъ съ *іє* ?), на болѣе частое *є* изъ *я*: пъеть (=пять), даже ўзіў (=взялъ), на формы 1 л. ходю̀ (при ходжỳ) и 2 л. повелит. на *тъ*, на *што*. [4])

О говорѣ с. Чижи, Бѣльскаго у., мы знаемъ мало. Данныя таковы: м*у*й, к*у*нь, вор*у*тъ (род. мн.), на чуж*у*й стороні, н*ю*съ (=несъ), также: р*ю*дный (съ *ю* близкимъ къ нѣмецкому ü ?), *о*ўця̀ (=овца); білый, мідяный, собі; твердое*р* (но: на морі); мягкое *ц*: оў*ця̀*, сѐр*цю*; тре*тя*я; формы им. ед. на *ый*, род. ёгò, дат. *мні*; б*у*ла̀. Рядомъ: ден*ё*къ, зел*ё*ный; *што*. Наконецъ: п*іє*, біє (=пьетъ, бьетъ; полонизмы?) [5]).

Говоры другихъ мѣстностей Бѣльскаго уѣзда, тѣхъ, которыя граничатъ съ польскими (мазурскими) поселеніями, повидимому, уже вполнѣ малорусскіе. Кажется, они отличаются отъ говоровъ первой группы только употребленіемъ или свистящихъ согласныхъ вмѣсто шипящихъ (по-мазурски): лез*а̀*ла, в*з*е (=вже, уже), вы*с*ла, *ц*ȍрный, *сц*е (=ще, еще), пу*сц*у (Малешевскій и со-

---

[1]) Сборникъ пам. нар. тв., №№ 100—115; Потебня, Замѣтки, стр. 95.

[2]) Сб. пам. н. тв., № 149.—Авенаріусъ приводитъ изъ говора Бѣлостокскаго у. такія данныя: не ѣздымо (1 л.), вероука, воукé (им. мн.), пне стояць (*е*=*є*?). Зап. Ак. Н., т. 60.

[3]) Этногр. Сборникъ, III, стр. 104.

[4]) Труды Чубинскаго, VII, стр. 496.

[5]) Сборн. пам. нар. тв., №№ 32, 33, 125; Потебня, Зам., стр. 117. Черезъ *у* передается иногда дифтонгъ?

Digitized by Google

сѣдніе приходы, къ сѣверо-западу отъ г. Бѣльска [1]), или свистящихъ вмѣсто шипящихъ и на оборотъ—шипящихъ вм. свистящихъ: *зыў* (=жилъ), прысо̀ў (пришолъ), ў вітхуй *жемля̀нкы*, у *шы̀*него мо̀ра, трыйчать літъ [2]).

Сѣверно-малорусскіе говоры Сѣдлецкой г., при всемъ своемъ разнообразіи, также представляютъ двѣ группы, изъ которыхъ первая находится въ ближайшей связи съ говорами полѣсскими и южными гродненскими, а другая—съ говоромъ заблудовскимъ.

Первая—чисто-малорусская, не только съ твердыми согласными передъ *е*, но и съ *ы* на мѣстѣ великорусскихъ *и* и *ы* (мыты=мыти), съ *і* на мѣстѣ *ѣ* и съ мягкимъ *ц* въ исходѣ словъ.

Одинъ изъ говоровъ этой группы слышится въ д. Желевше, Бѣльскаго уѣзда. По имѣющимся скуднымъ даннымъ, въ немъ ударяемымъ вр. *о* (*е*), укр. *і* соотвѣтствуютъ дифтонги *уі* (?) и *юі* (съ преобладаніемъ первой части звука): р*юі*дный, неударяемымъ—*у* и *ю*: по стюдя̀н*у*й росі, ма̀т*ю*нка; рядомъ съ *і*, на мѣстѣ *ѣ*, безъ ударенія, является *ы*: бы*лы̀*ты (но: біль, до̀брыі, іі, род.); послѣ *к*—*ы*: матюнк*ы*.

Другой говоръ принадлежитъ д. Кульчину. По нашимъ скуднымъ даннымъ, онъ имѣетъ: на мѣстѣ вр. *о*, укр. *і*, подъ удареніемъ—дифтонгъ *ыі* (или *иі*, съ преобладаніемъ первой части звука) и *ы*: ты̀ілько, сты̀ілъ (=столъ), ст*ы*йте (повелит.), а иногда *і*: піде (=пойдетъ), безъ ударенія—*у*: нылю̀б*у*ў (=нелюбовъ, род. мн.), д*у*пчіте (=топчите), ма̀т*ю*нка; на мѣстѣ *ѣ*—*і*; неударяемое *о* можетъ замѣняться черезъ *у*: р*у*счѐше (3 л.), г*у*ло̀ўка (=головка), а неударяемое *е*—черезъ *ы*: н*ы*лю̀бъ, н*ы*ха̀й, выпл*ы*та̀ты (здѣсь *ы* можетъ быть и на мѣстѣ *ѣ*); формы род. *ѐ*го, дат. *ті*, вин. *тя*, им. мн. сватк*ове*, 3 л. на *ть*; *бу*ло̀; *що*. Еще: шепунь*кі* (=шапоньки, им. мн.; при ручк*ы*).

Третій говоръ—въ с. Полоски, Бѣльскаго уѣзда (къ югу отъ Бѣлой). Данныя: в*уы*нъ, н*уы*съ, ж*уы*нка, п*у*дходыть (3 л.), в*ы*нъ (=онъ), вінъ, жінка, прывізъ; істы, тубі, єі (род.), гурі (=горѣ), хл*ы*бъ, св*ы*тлыця, сл*ы*пы̀й, бе*да̀*, сте*на̀*, ка̀м*е*нь; твердое *р*; мягкое *ц* въ исходѣ словъ; хо*джу̀*, сы*джу̀*; полюва*не*, убра*ня* (им.); *пъ*еть (=пять), *мъ*ісо, ро*бля*тъ, *мн*іты (мять); *дъ*екуе (=дякуе). Неударяемое *о* (=укр. *о*) можетъ замѣняться черезъ *у*: т*у*бі, т*у*бо̀ю, на г*у*рі, ч*у*л*у*вікъ, а неударяемое *е*—черезъ *ы*: л*ы*гла̀,

[1]) Мат. для географіи и стат. Р. Гродн. губ., I, стр. 647—648. Авторъ о Малоруссахъ Гродн. губ. (кромѣ Полѣшуковъ) замѣчаетъ: «Черноруссъ, подобно Бѣлоруссу, растягиваетъ, чуть не мямлитъ» (стр. 638).

[2]) Зап. Ак. Н., т. 60, ст. Авенаріуса. Еще отмѣчено: зунъ, что даетъ намъ право читать, вм. напечатаннаго вітхой,—вітхуй.

Digitized by Google

нысѐ, хлòпыць, ны дывы̀ся; мѣсто *я* можетъ быть занято черезъ *є* или даже *і*: седь (=сядь), пъеть, роздывлеўсе, лежеть (3 л.), почела, ўзіў (=взялъ), сіде (=сядетъ), при пòясъ. Формы: им. ед. на *ый*, род. злоі, меі, теі, однеі и *мей*, єго и *ёго*, дат. на *овы* (конёвы), *мні* и *мені*, єму, *єі*, однему, вин. на ню, те (=тя), твор. тею, малею, мѣстн. мн. на конюхъ, по містюхъ-ў меі халупі, ў твоі—, 3 л. на *ть*, буд. ты *мешъ* ходыты, неопр. н. только на *ты* (берехчы), возвр. з. *ся* родыть; польскія формы прош. вр. казаве-*сь*, казалы, *сте*; быў и буў (?). Еще: пшаны̀ця, змѐляна; зелёный; зімный (при зымный), але, слезы.

О четвертомъ говорѣ, д. Пещацъ, Бѣльскаго у., мы знаемъ лишь то, что; онъ имѣетъ дифтонгъ ỳі, что въ немъ мѣсто *ѣ* занято не только *і*: вішаты, но и *ы*, *е* (безъ ударенія): дывòнька, ведрò, и что вмѣсто *я* въ немъ можетъ быть (какъ часто?) *і*: жіты (=жать), чісто (=часто), телі (=теля). Еще: дывòнькі, им. мн.

Пятый говоръ—въ Кленовицѣ, Константиновскаго уѣзда. Данныя: вỳыйсько (или вỳийсько), кỳынь, жỳынка, обрю̀окъ (=оброкъ), муй, пудъ гòру, рекрỳтуў (род.), мій; неділя, свытёлка; спорадическіе мягкіе шипящіе: *жяба*, мчяты; ходжỳ, саджỳ; *въяжу*, собъі (дат.), становъітеся (повел.); *дыіўка* (=дѣвка), *дыіткы*; формы дат. *мні*, 3 л. на *тъ*: коныкы и т. п.

Вторая группа, при твердыхъ согласныхъ передъ *е*, при твердомъ *р* (но: *рі* изъ *рѣ*), при мягкомъ въ исходѣ словъ *ц* (но: хлопецъ), —различаетъ, по-великорусски и бѣлорусски, *ы* и *і*, и богата дифтонгами.

Говоръ с. Кошолы, Бѣльскаго уѣзда, имѣетъ: на мѣстѣ вр. *о* (*е*), укр. *і*, подъ удареніемъ—дифтонгъ *уо* (съ преобладаніемъ второй его части), безъ ударенія—*у*: вуóйсько, пудъ водою; на мѣстѣ *ѣ*, подъ удареніемъ—дифтонгъ *іє* (съ преобладаніемъ второй части), безъ ударенія—*є* и (особенно послѣ *j*) *і*: діéўка, на нозіé, деўчіна, доброі (род. женск. р.), сліпы̀; мягкіе шипящіе передъ *і*: *ші*нокъ, деўчіна, *жі*то; *дъ*еўчіна (при *дє*-); формы им. ед. на *ы* (молоденькі), род. ёго, доброі, твеі (и твей), дат. ёму, *мніє*, им.-вин. мн. москаліє, сухаріє, усіє (=всѣ), 3 л. на *тъ*, 1 л. мн. позбудюмся, 3 л. мн. люблятъ, 1 л. мн. повел. поберіємося, неопред. н., кажется, только на *ті*, возвратн. з. *ся* дівує. Еще случаи аканья: чабуткі, каханокъ; едéнъ (=одинъ), ковалёва, гай зелёненькі; ф. дат. себіє (?); бываті. Сверхъ того, въ кошольскомъ говорѣ на мѣстѣ ударяемаго *а* послѣ мягкихъ согласныхъ (и *р*) слышится дифтонгъ *іє* (съ преобладаніемъ въ немъ второй части): пріесті (=прясти).

Говоръ с. Хотычи, Константиновскаго уѣзда: муой (съ преобладаніемъ въ дифтонгѣ первой части), завюолъ (или завьюолъ?), юой (дат.), кунця̀ (=конца); лієсъ (съ преобладаніемъ въ дифтонгѣ первой части), прілетієла

Digitized by Google

сіємъ (=семь), дієўчінóнька, на дорозі, зазулі (род.), стреляті, въ лютуомъ горе; щастя (род.); дієўчіна; формы прошедш. врем. на *лъ* (съ сохраненіемъ *л*: ўзялъ); формы: им. на *ый*, дат. *мні*, вин. ед. *єй* (=ее), *тя*, им. мн. калінові лугі, 3 л. на *тъ*, неопред. н., кажется, только на *ті*, возвр. з. *ся* розлягаю, 2 л. ед. єслі-*сь* сестра моя (=если ты моя сестра); былъ; *што*. Еще: єдёнъ; спорадическое *є* вмѣсто *я*.

О говорѣ Корницкаго прихода, того же уѣзда, мы имѣемъ болѣе свѣдѣній. Онъ имѣетъ: дифтонгъ ỳо (подъ удареніемъ): нỳосъ, нюосъ (=несъ), колюосъ (род. мн.), на *юомъ*, при *у* (безъ ударенія): на дòбрумъ, пудъ водòю; дифтонгъ *іе* (подъ удареніемъ, съ преобладаніемъ въ немъ первой части и съ твердымъ *е*): свіетъ, ріезаті, въ руціе, сіемъ (=семь), міедъ, весіеле, въ огніе, при *і* и *є* (безъ ударенія): діліті, відрò, крàсныє (им. мн.); простые мягкіе согласные вмѣсто двойныхъ: весіелє, коханє, при зубъє или зубьє; вообще твердые шипящіе (даже: *шы*есць = шесть); *въя* вм. *вя* и т. п.: *въя*ну (но: робятъ, 3 л., *мня*со); частое *дж* (но: чужі); звуонъ, звоніті (не *дзв*—); формы: им. ед. на *ы*, дат. на *ові*, ёму, *мніе*, твор. горою и горею, доброю и добрею, мѣстн. на печіе, им. мн. пніе (=пни), огніе, овтаріе, столяріе (муж. р.), вішніе, клуніе (ж. р.), усіе, моіе, род. мн. ўсіехъ (=всѣхъ), дат. мн. кòнюмъ, лю̀дюмъ, гỳсюмъ (при гỳсёмъ), мѣстн. мн. на конёхъ, по сіенёхъ, у чоботёхъ, 1 л. любъю, печỳ (при пеку), 3 л. на *тъ*, повел. ідіемъ и ідіемо, ідіете, ходіете, біете (=бейте), неопред. н. только на *ті* (помогчі), возвр. з. *ся* бере, прош. вр. вже-*мъ* взяла, даве-*сь* (=ты далъ), мы-*сьмо* взялі; *що*. Еще: спорадическіе мягкіе согласные передъ *е*: лєжỳ, стéлє (*лє* постоянно, не *ле*), сінєю (твор.), конєві (дат.), сємі (род.), кієлю̀; ё (*о*): зелёны, весёлы, віетёръ, берòза; спорадическое *е* вмѣсто неударяемаго *я*: помéне, міесецю (дат.); мягкія *дз* и *ц* вмѣсто мягкихъ *д* и *т*, если передъ ними *з* и *с*: роздзіліті, сціна, куосць, несці; *а* въ сачевіця; быў.

Наконецъ, корницкій говоръ имѣетъ на мѣстѣ ударяемаго *а* послѣ мягкихъ согласныхъ, послѣ шипящихъ и *р* (но не послѣ *j*) дифтонгъ *іа* (съ преобладаніемъ въ немъ первой части): сіадь (=сядь), жіаръ, душіа, чіасъ, ріама, и изрѣдка мягкія *г* и *к* на мѣстѣ мягкихъ *д* и *т*: сігіатъ=сидятъ), скіаті (=стяти).

Данныя говоровъ Радинскаго уѣзда: подъ удареніемъ дифтонги ỳо (д. Воинъ и др.), или *уò*, или ỳе (Пашенки), и дифтонгъ *іє* (Воинъ, Безволя и др., съ преобладаніемъ первой части), *є* (Воинъ) и *і* (Воинъ, Пашенки), рядомъ съ *о*: мостъ, безъ ударенія *у* и *і* (на небі, убогоі Марусі, род.; Воинъ); весієле, зієле (Воинъ), свіня; трі, бері, жілъ, розлучілъ [1]) (прош. вр.; Воинъ, Рудня и

[1]) Послѣ шипящихъ и *р*—*і* произносится «нѣсколько шире», чѣмъ послѣ другихъ согласныхъ.

Digitized by Google

др.; но: жіў Радча и др.); формы им. ед. на *ый* и *ы* (Воинъ), род. ж. р. на *оі* и на *ой* (так*еі*), дат. *мніє* (*мні*), *ті*, тв*ему*, дяк*ові*, им. мн. учител*іє* (Безволя), 1 л. с*пю*, 3 л. на *тъ* (Воинъ, Рудня) и на *ть* (Безволя), возвр. з. *ся* несў, прошедш. вр. бачіла-*мъ* и т. п.; *быті*, *былъ*; *што* (Воинъ, Рудня и др.) и *що* (Радча и др.).

Сверхъ того: спорадическіе *є*, *е* изъ *я*, *а* послѣ мягкихъ согласныхъ и шипящихъ: коне (род.), ше́пка (Радча), ізъ весіеле (Воинъ; въ Руднѣ и др.: кон*я*, ш*а*пка); спорадическіе мягкіе согласные: *лє*тіла, *лє*гко, люд*є*й (род.), іе*дє*мъ (1 л.); мягкіе *сц* вм. *ст*: на помо*сц*і, го*сц*і (Воинъ). Еще: ве*сь* (=везь, польск. weź, повелит.), голу*п*ка (Воинъ); перекінулася рабо*й* зазуленько*й* (твор., Пашенки) [1]).

Наши свѣдѣнія о сѣверно-малорусскихъ говорахъ Угріи скудны и мало опредѣленны. Мы знаемъ, что на мѣстѣ вр. *о (е)*, укр. *і* въ нихъ слышатся *уі*, *у* и *ю*: в*уі*нъ, в*у*нъ, в*ю*нъ [2]), рядомъ съ *і*: вінъ, что въ однихъ изъ нихъ (въ Сатмарскомъ и Бережско-Угочскомъ комитатахъ) *у* и *ю* преобладаютъ надъ *і*, въ другихъ—на оборотъ [3]), что *ю* начинаетъ слышаться къ западу отъ Хуста (въ Марамарошѣ) и простирается на юго-западную часть Марамарошскаго комитата и на сосѣднюю часть Бережско-Угочскаго комитата, съ долиною р. Латорицы включительно (кромѣ ея верховьевъ [4]). Также мы знаемъ, что въ этихъ говорахъ много заимствованныхъ словъ (словацкихъ [5]), мадьярскихъ, румынскихъ) и что они имѣютъ нѣкоторыя изъ тѣхъ особенностей, которыя свойственны сосѣднимъ (галицкимъ и карпатскимъ) южно-малорусскимъ говорамъ.

Наибольшее количество свѣдѣній мы имѣемъ о говорѣ жителей южной части Марамароша, сосѣдящихъ съ Гуцулàми. Здѣсь слышно *у*: м*у*й, дв*у*ръ, д*у*мъ, ве́ч*у*ръ, жу̀нка, м*ю*дъ, в*ю*зъ, *ю*й (дат.), при нѣсколькихъ словахъ съ *і*;

---

[1]) Матеріалы для знакомства съ сѣдлецкими говорами: у Житецкаго, Очеркъ, стр. 297 сл.; у Янчука, Малорусская свадьба въ Корницкомъ приходѣ, Конст. у., Сѣдл. г. (Извѣстія И. Общ. любит. естеств. при Моск. Унив., т. 48, в. 1), въ Трудахъ II, VII (стр. 552), и въ Русск. Филол. Вѣстникѣ 1884 г. № 2.—«Въ Сѣдлецкой губ. способъ произношенія словъ напоминаетъ произношеніе въ такъ называемыхъ полѣсскихъ уѣздахъ на Волыни, напримѣръ, въ Ковельскомъ, Ровенскомъ и друг. и вообще подходитъ къ произношенію словъ на сѣверо-востокѣ Волыни». Памятники русской старины въ западныхъ губ., изд. Батюшковымъ, вып. 8-й, стр. 494. Рѣчь идетъ, конечно, не о всей малорусской части Сѣдл. губ.

[2]) Дешко говоритъ, что это *ю*—«венгерскій звукъ ü (франц. u)». Кіевлянинъ Максимовича, кн. 3, стр. 27.

[3]) Семеновичъ въ Сборникѣ статей по славяновѣдѣнію, сост. учениками В. И. Ламанскаго, Спб. 1883.

[4]) Петровъ въ Журн. Мин. Н. Пр. 1892 г. № 2. Мы слѣдуемъ въ передачѣ угорско-русскихъ названій картѣ Головацкаго.

[5]) Между прочимъ, такихъ, которыя по звукамъ совпадаютъ съ словами церковнославянскими: гладъ, главка, злато, хлапъ.

Digitized by Google

і на мѣстѣ *ѣ* (также: ячмінь, осінь и т. п.), *ы* на мѣстѣ вр. *ы* и *и*: ходыты (но иногда на мѣстѣ вр. *и* является среднее *и*, такъ что быў =былъ и биў =билъ различаются), рѣзко звучащее послѣ гортанныхъ, особенно *к*: рўкы; ў, *в* изъ *л* менѣе часто, чѣмъ въ говорахъ галицкихъ и карпатскихъ: стулъ (=столъ, галицк. стіў), вулъ, орелъ, дыхалка; *л* въ білый, былы, волочыты и т. п. мягче великорусскаго и польскаго твердаго *л*, но нѣсколько тверже чешскаго средняго *l*; мягкое *р*: тепе́рь, рыба́рь, рыбаря̀, дверьмы (твор.), даже: верьхъ, де́рьгаты, це́рькоў (но беръ=берь, бери); мягкое *ц* въ исходѣ словъ: двана̀тцять, молоды̀ця, молодыць (род. мн.), молодыцю (рядомъ: молодыцъ, молодыцу, дат.-мѣстн. молодыцы); твердые шипящіе (но вечіря, вечеряты); рѣдкое *дж* (хо̀жу, блу̀жу); *дз* въ *дз*вунъ, *дз*ерно́, *дз*еле́ный; двойные мягкіе согласные: здыханнічко, *лляты* (=льяти), *ззісты* (=съѣсть), при волося (=волосье), каміня (им. ед.), третій, третя, трете; *мня* вм. *мя*: мнясо, сімня, імня, деревняный (при деревляный), роблятъ, здоровля (здоровье). Формы: им. ед. на *ый*, род. *ю*, єго́ и ёго́, *єі*, сме́рты, землі, доброі и доброй, дат. *му*, єму̀ и ёму̀, мы̀ні и мені, землы, вин. *ня* (изъ *мня*) и *мя*, *тя*, твор. мноў, водо́ў, им. мн. добрі, дат. мн. дверёмъ, грудёмъ, мѣстн. въ двере́хъ, въ грудёхъ, 1 л. люблю̀, сплю и т. п., печу̀, мо́жу (при могу̀) и т. п., 3 л. на *тъ* (дастъ), 1 мн. на *ме*, неопред. н. только на *ты*, возвр. з. *ся* быты и бытыся; глаголы на *аты* могутъ имѣть формы наст. вр. на *амъ*, *ашъ*, *атъ*, *аме*, *ате*, *аютъ*; формы прош. вр. и сослагат. накл. даве-*мъ*, даве-*сь*, далы-*сме* и т. д., бы-*мъ* даў и т. д. Еще: глухіе гласные при плавныхъ: кърва́вый, чърствый, дръва̀ (также: цркоў, съ гласнымъ *р*?); *и* вм. *е* въ оти̇ць (=отецъ), одови̇ць (=вдовецъ), ови̇ць (род. мн.), хло́пиць, тисть (=тесть), журавиль, смирть (=смерть), вись (=весь, мѣст.); начальное *о* безъ придыхательнаго *г*: острый, ора́ты, оріхъ и т. п. Наконецъ: быты (нѣтъ буты), быў; *што* (нѣтъ *що*), *ничъ* (=ничего) и *нічого*; *ідъ*, *дъ* съ дат. (*ідъ* нему) =къ; *лышъ* (нѣтъ *лемъ*) [1]).

Данныя о говорѣ села Росушка, Марамарошскаго комитата: *у* (чаще) и *і* въ руздво (=рожество), вукнови (=окну, дат.), вуса̀ (=овса̀, род.), своюй (дат.), гірка (=горка), рісъ (=росъ), пішлітъ (2 л. мн. повел.); *і* на мѣстѣ *ѣ* (зіля, весіля), мягкое *р*, твердое *ц* въ исходѣ словъ: хлопецъ, твердое *л* въ мочална труба, род. ед. *єй*, тв. на *оў*, им. мн. прилагательныхъ на *і* (съ предъидущимъ мягкимъ согласнымъ): білі, чесні, 3 л. на *тъ*, 3 л. ед. возвр. з. на *еся*, 1 л. мн. на *мо* и на *ме*, 2 л. мн. повел. на *тъ*; формы прош. вр. *ємъ* казаў; *ідъ*=къ.

[1]) Werchratskij, Ueber die Mundart der Marmaroscher Ruthenen. Stanislau, 1883.

[2]) «Додатокъ» къ 2-му нумеру (угро-русскаго) Листка 1891 г., ст. «Якъ колядуютъ въ Росушцѣ».

Digitized by Google

Данныя о говорѣ окрестностей городка Хуста, Марамарошскаго комитата: *бу̂йся*, в*у*йна, п*у*дъ ны̀мъ; олу̀у̂*кы*; 3 л. стоі*тъ*; *што* [1]).

Данныя изъ с. Лучки, близь Мукачева: зб*у*йныкъ, п*у*дъ яворомъ, к*і*нь, в*і*у̂ц*ы* (им. мн.), доу̂*гы*й, ручеч*кы*, формы дат. на *овы*, вин. *тя*, твор. мн*о*у̂, т*о*у̂, рі́чк*о*у̂, 1 л. ед. зна*мъ*; *лемъ* [2]).

Данныя изъ неизвѣстной мѣстности Бережско-Угочскаго комитата: п*у*пъ, п*у*шо̀у̂, *ей* (дат.), вын*ця̀*, вын*цёмъ*, тре*ту* лыжку (=третью ложку), род. *ю*, дат. *му*, вин. *ма* (=*мя*), дат. мн. пс*ома*, 3 л. болы*тъ*, прывык*атъ*, 2 л. повел. клад*і*тъ, прош. вр. іще-*мъ* не нау̂чыла; *бы*ты; *дъ* съ формою дат. =къ; *лышъ* [3]).

Б. Южно-малорусское поднарѣчіе.

Главная черта южно-малорусскихъ говоровъ—употребленіе *і* въ большей ихъ части и *і* рядомъ съ *и* (даже иногда *ы*) въ меньшей, на мѣстѣ великорусскаго *о*, сѣверно-малорусскихъ *уо*, *уы*, *у* и проч., съ предъидущимъ согласнымъ или мягкимъ, или до нѣкоторой степени твердымъ (исключеніе: укр. пар*у*бокъ, вмѣсто ожидаемаго пар*і*бокъ); она сопровождается другою чертою—постояннымъ употребленіемъ *і* на мѣстѣ древняго *ѣ*, съ предъидущимъ мягкимъ согласнымъ (исключеніе: стр*е*ляти, при стр*і*ляти). Изъ мелкихъ чертъ можно отмѣтить лишь мѣстоименіе *цей* съ родственными=*сей*.

Самый крупный изъ южно-малорусскихъ говоровъ—говоръ украинскій, употребляющійся у Малоруссовъ Земли Войска Донскаго, губерній Воронежской, Екатеринославской, Харьковской, Курской, значительной части Полтавской, небольшой части Черниговской, южной (къ югу отъ рѣки Роси) части Кіевской, части Волынской и восточной части Подольской, а сверхъ того, у всѣхъ Малоруссовъ, живущихъ въ Новороссіи (кромѣ западной части), въ Поволжьѣ и на Кубани, и не смотря на всю обширность своей территоріи, составляющій одно діалектическое цѣлое, которое болѣе или менѣе своеобразно окрашивается лишь на окраинахъ, въ сосѣдствѣ съ поднарѣчіемъ южно-великорусскимъ или съ говорами сѣверно-малорусскими и подольскимъ.

---

[1]) Головацкій, Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, I, 151, II, 97. «Марамарошскіе русскіе жители Угорщины во многихъ отношеніяхъ отличаются отъ прочихъ русскихъ жителей нашего отечества (Австріи). У нихъ другой ростъ, другое нарѣчіе, другое одѣяніе, другіе обычаи. Русскіе, живущіе въ Марамарошѣ, въ обычаяхъ, одѣяніи, домохозяйствѣ и по-днесь очень походятъ на Румынъ». Слово (львовская газета) 1887 г. № 52.

[2]) Головацкій, Пѣсни, III, 8, 67, 116.

[3]) Тамъ же, I, 209, 211.

Digitized by Google

Этотъ говоръ, сдѣлавшійся литературнымъ языкомъ живущихъ въ Россіи Малоруссовъ (благодаря Котляревскому, Квиткѣ, Шевченку и др.), изъ всѣхъ малорусскихъ говоровъ считается самымъ пріятнымъ для слуха по мягкости своихъ звуковъ (особенно въ устахъ уроженцевъ Полтавы, Чигирина и ближайшихъ къ нимъ мѣстъ) [1]).

Особенности украинскаго говора: *і*, на мѣстѣ великорусскаго *о*, иногда смягчаетъ предъидущій согласный менѣе, чѣмъ *і*, соотвѣтствующее великорусскому *е* или восходящее къ *ѣ*, такъ что согласные въ *ні*съ = носъ и *ні*съ = нёсъ, въ пере*лі*гъ = перелогъ и *лі*гъ = лёгъ—различны (но согласные въ *сі*ль = соль и *сі*но = сѣно, въ *бі*гъ = богъ и *бі*гъ = бѣгъ и пр. могутъ быть одинаковы) [2]); неударяемыя *и* и *е* послѣ твердыхъ согласныхъ близки другъ къ другу и людьми, не обладающими тонкимъ слухомъ, не всегда различаются; *у* въ формахъ неопред. накл. куп*у*вати и т. п.; мягкое *є* (на мѣстѣ древняго *ье*) въ им.-вин. ед. именъ средн. р. всегда замѣняется черезъ *я*: зілл*я*, насінн*я*; звучные согласные сохраняются въ исходѣ и серединѣ словъ: ні*ж*ъ, ні*ж*ка; *р* мягкое (по-великорусски): зор*я* (но зві*ръ*, зві*ру*, тепе*ръ*, маті*ръ*, вече*ра*); *ц* мягко въ исходѣ словъ: хлоп*ця*, хлоп*цю*, хлопе*ць*, хлоп*ці*, бъєц*ця*; шипящіе мягки передъ *а* въ формахъ 3 л. мн.: дер*жя*ть; *бъя* и т. п. вмѣсто *бя* (съ твердыми губными): *пъя*ть, *въя*жу (но *свя*тий), *мня*со, ро*бля*ть (3 л.); двойные мягкіе согласные: зі*лля*, *ллю* (= лью), жи*ття̀*, сви*ння̀*, подві*рря*, при щас*тя*, ра̀дос*тю*; изрѣдка *дж*: ход*жу̀*; *дз* въ *дз*вінъ и родственныхъ; формы: им. ед. на *ий*, род. *ёго*, печ*і*, добр*оі*, мо*єі*, т*оі*, т*еі*, т*оєі*, т*иєі*, т*ієі*, ц*ієі* (= сей), род.-вин. *мене*, *тебе* (*мя*, *тя* малоупотребительны), дат. *ёму*, мо*єму̀* и мо*му̀*, козак*ові*, дат.-мѣстн. ноч*і*, печ*і*, твор. т*ою*, т*ею*, т*оєю*, т*иєю*, ц*ією* (= сею), им. мн. мил*і*, мил*іі* (съ не вполнѣ мягкимъ *л*, съ тѣмъ *л*, что въ пере*лі*гъ), миленьк*і*, мног*і* (съ мягкими *к* и *г*), при мил*иі*, гост*і*, кост*і*, плеч*і*, дат. мн. гост*і*мъ, люд*і*мъ (при гостямъ), мѣстн. гост*і*хъ (при гостяхъ), твор. мн. (отъ нѣкоторыхъ словъ) на *ма*: очи*ма*, двери*ма*, плечи*ма*, трё*ма̀*, шість*ма̀* (= шестью) и др., 1 л. ед. хо*дю*, пу*стю*, во*зю*, про*сю*, рядомъ съ хо*жу* или хо*джу*, пу*щу* и т. д., 3 л. на *ть* (мѣстами, особенно въ восточной, заднѣпровской половинѣ украинскаго говора, рядомъ съ ход*ить*, нос*ить*, также ход*е*, нос*е*), 3 л. возвратн. зал. иногда съ однимъ *ц*: питає*ця* (рядомъ на *ецця* или *етця*), 3 л. ед. рядомъ на *ає* и на *а*: пит*а̀є* и пит*а̀*, неопред. безразлично на *ти* и на *ть*, съ гортаннымъ передъ *т*: пе*к*ти, воло*к*ти. Сверхъ

---

[1]) «Нынѣ полтавское нарѣчіе кіевскому предпочитается». Павловскій, Прибавленіе къ грамматикѣ малорусскаго нарѣчія, стр. 15 (Спб. 1822).

[2]) Рѣже въ восточной, заднѣпровской половинѣ украинскаго говора, чѣмъ въ западной. «Иные и здѣсь (за Днѣпромъ) различаютъ *і* въ *ні*съ (=носъ) отъ *і* въ *ні*съ (=несъ)». Потебня, Замѣтки, 29.

Digitized by Google

того, въ украинскомъ говорѣ (особенно въ нѣкоторыхъ его частяхъ) мягкіе согласные передъ *а*, *і*, *є*, т. е. въ слогахъ *дя*, *тя*, *ся*, *ді* и т. д., болѣе мягки, чѣмъ въ другихъ малорусскихъ говорахъ и въ великорусскомъ нарѣчіи (что и сообщаетъ этому говору особую мягкость и какъ-бы нѣжность); *л* въ *л*ихо ясно отличается отъ *л* въ *л*исий (=лысый) и отъ *л* въ *л*іто; *л* твердое въ си*лн*о, бі*лш*ий, сті*лк*о (при си*льн*о и т. д.); послѣднее передъ *к* можетъ быть опускаемо: стіко, тіко.

Украинскій говоръ въ Воронежской губ., гдѣ Малоруссы и Великоруссы «живутъ смѣшанно», то болѣе, то менѣе богатъ великоруссизмами [1]). Отмѣчено: к*а*лачі, к*і*сіль, п*і*рігъ, гуля*і*шъ, на в*і*ні, робит*і*, розв*і*ртіли, на в*і*сні (=веснѣ), ў п*і*чі (=въ печи), пост*ой* (повел.), формы 3 л. мн. нос*ю*ть, им.-вин. мн. усі город*а̀* (Богучарскій уѣздъ), зват. мі*лой* бат*і*ньку (Острогожскій у.) [2]).

То же, кажется, можно сказать объ украинскомъ говорѣ въ Екатеринославской и Харьковской губ. Въ м. Никополь, Екатеринославскаго уѣзда, отмѣчено: зн*і*мў, формы 2 л. бо*і*ся, 3 л. держы*тъ* (при *ть*) [3]). Въ Лебединскомъ уѣздѣ: цепъ=цѣпь, подн*і*му, к*і*ну, колиск*і* (род.), печ*ё* (3 ед.), вер*ё*ўка, зоста̀ўсє, *в*пъять рядомъ съ *у*пъять (=опять), формы род. ед. мое*й*, до т*ий* пори, при т*е*і, т*іє*і, одн*е*і, ц*іі*, твор. т*оєю*, т*иєю*, ц*ією*, 3 л. на *тъ*. Въ Купянскомъ уѣздѣ: напад*ё* (3 л.), *пять* [4]).

Украинскій говоръ въ западной части Кіевской, въ Волынской и Подольской губ. въ разныхъ мѣстахъ своей территоріи отличается нѣкоторымъ разнообразіемъ. Онъ здѣсь имѣетъ: *и* на мѣстѣ великорусскаго *о*, иногда даже *ы*, рядомъ съ *і*; *и* болѣе близкое къ *ы*, чѣмъ въ Приднѣпровьѣ, иногда даже тожественное съ *ы*; неударяемое *е*, приближающееся къ *и* или даже переходящее въ *и*; болѣе частое твердое *р* вмѣсто мягкаго; болѣе частые одиночные мягкіе согласные вмѣсто двойныхъ: зі*л*я, рядомъ съ двойными: зі*лл*я; мягкіе гортанные передъ *и*: ру*кі*, вер*хі* и т. п.; спорадическое придыхательное *г* передъ начальнымъ *о*: *г*орати; формы 3 л. на *тъ* (рядомъ съ формами на *ть*) и

---

1) Въ Богучарскомъ у. «языкъ очень искаженъ. Малороссы, особенно молодежь, такъ коверкаютъ свой языкъ, что иногда бываетъ даже невозможно понять, о чемъ говорится. У Богучарцевъ горожанъ полнѣйшее смѣшеніе языковъ». Пам. книжка Воронежской губ. на 1865—66 г., стр. 217. Объ «обрусѣніи» воронежскихъ Малоруссовъ см. также въ ст. «Воронежскіе Хохлы», Кіевск. Старина 1885 г. № 4, стр. 632—633.

2) Пам. книжка Ворон. губ. на 1865—1866 г. (Богучарскій у.); Веселовскій, Городъ Острогожскъ (Воронежской губ.) и его уѣздъ, Воронежъ, 1867; Воронежская Бесѣда (Павловск. у.); Сказки Аѳанасьева, вып. 5 (Бирюченскій у.).

3) Труды Чубинскаго, II.

4) Тамъ же, II (Лебед. у.) и VII; Харьковскій Сборникъ, историко-литературное приложеніе къ «Харьковскому Календарю», вып. 2, 3, 4, Харьковъ, 1888—1890 (Купянск. у.); Драгомановъ, Малорусскія нар. преданія.

Digitized by Google

2 л. мн. повелит. на *тъ* (рядомъ, чаще, формы на *ть*), остатки формъ двойств. ч.: дві ру*ці*, три коров*і*; наконецъ, польскія глагольныя образованія прошедш. вр., увеличивающіяся въ своемъ количествѣ по мѣрѣ приближенія къ западу: казав*е-мъ*, казав*е-сь*, казал*и-сьмо* и т. п., ўже-*мъ* казаў. Онъ здѣсь, на западѣ, звучитъ болѣе твердо и грубо, чѣмъ въ Приднѣпровьѣ.

Наши свѣдѣнія объ украинскомъ говорѣ на западѣ вообще очень скудны и неясны.

М. Старый Мирополь, Новоградволынскаго уѣзда: по-сѣверномалорусски, спорадически *е* на мѣстѣ неударяемаго *ъ*: мешо̀къ; *е* безъ ударенія здѣсь часто замѣняется черезъ *и* [1]).

Деревня Юрковщизна, того уѣзда: *е* на мѣстѣ неударяемаго *ъ*: стен*а̀* (рѣдко), *и* на мѣстѣ неударяемаго *е* (рѣдко), очень частое твердое *р*: г*о*р*и*лка (или горылка), гор*и*хъ (=орѣхъ), мягкіе гортанные не только передъ *и*, но и передъ *е*: таке горе, *ся* вмѣсто *съя*: *п*ять, *м*ясо, і*м*я; твердые шипящіе: *жи*нка, паничи (им. мн.); также: зі*л*ье, им.-вин., рядомъ съ свин*я*, формы им. ед. на *ий* и на *и*, дат.-мѣстн. женск. р. на *ой*: добр*оï*; польскія формы будущ. вр.: буду казаў [2]).

Варваровская волость, Заславскаго уѣзда: спорадическое *и* вмѣсто неударяемаго *е*, даже въ концѣ словъ: пийт*и* (повел.), спорадическое *у* вм. неударяемаго *о*: г*у*дувати, *є* въ им.-вин. ср. р.: угі*лл*є, здоров*ь*є, твердые шипящіе въ л*ежа*ть и т. п., формы род. ед. м*еї*, дат. т*и*бі (=тебѣ), дат.-мѣстн. м*ої* [3]).

Литинскій уѣздъ: спорадическое *и* вмѣсто неударяемаго *е* (очень часто), спорадическое *у* вм. неударяемаго *о* (изрѣдка), очень частое твердое *р* [4]).

Окрестности г. Немирова: спорадическое *и* вмѣсто неударяемаго *е* (часто), спорадическое *у* вм. неударяемаго *о:* т*у*бі, очень частое твердое *р*, твердые шипящіе въ л*ежа*ть и т. п., формы род. мн. гус*ий*, люд*ий*, формы 3 л. на *тъ*, 2 л. мн. повел. на *тъ*, неопр. н. пе*кчи* [5]).

Наибольшее количество свѣдѣній мы имѣемъ объ украинскомъ говорѣ въ Липовецкомъ уѣздѣ, Кіевской губ. (окрестности м. Плискова). Здѣсь неударяемое *е* въ серединѣ «нѣкоторыхъ» словъ, склоняющееся къ *и* и звучащее какъ звукъ средній между *е* и *и: лид*а̀*що*, прин*и*сіте и др.; одиночные мягкіе согласные вмѣсто двойныхъ: жи*т*я, сні*д*ання и т. п. (постоянно); всегда

---

[1]) Труды, II.

[2]) Zbiór wiadomości, томы VII и XI.

[3]) Труды, VII, стр. 585.

[4]) Труды, II (с. Дашковцы); Данильченко, Этнографическія свѣдѣнія о Подольской губ. Вып. I. Кам.-Под., 1869.

[5]) Труды, II; Zbiór, XII.

Digitized by Google

твердое *р* передъ *а:* зо*ра*; формы род. *меі*, рядомъ съ мо*єі*, вип. *мня* и *тя*, рядомъ съ *мене*, *тебе*, 3 л. на *тъ*, 3 л. возвр. з. по преимуществу на *еця:* несе*ця*, возвр. з. съ *ся* не только послѣ глагола, но также и передъ глаголомъ: ми *ся* умивали (часто); польскія формы прош. вр. [1]).

Украинскій говоръ опоясанъ съ сѣвера нѣсколькими очень близкими къ нему говорами, которые отъ него отличаются большею твердостью гласныхъ и согласныхъ (*и* или *ы* на мѣстѣ укр. *і*, вр. *о*, очень близкій къ *ы* или съ нимъ тожественный звукъ на мѣстѣ укр. *и*, почти постоянно твердое *р*) и присутствіемъ въ нихъ болѣе или менѣе значительнаго количества мелкихъ сѣверно-малорусскихъ чертъ. Они начинаются въ Курской губ., занимаютъ среднюю часть Кіевской губ. и тянутся полосою между сѣверно-малорусскими и украинскимъ говорами въ Волынской, пока не сливаются съ западно-волынскимъ говоромъ.

Наши свѣдѣнія объ этихъ переходныхъ, а иногда и смѣшанныхъ говорахъ чрезвычайно скудны и неясны.

Говоръ нѣкоторыхъ изъ малорусскихъ поселеній Курской губ. довольно своеобразенъ. Онъ въ Суджанскомъ уѣздѣ имѣетъ: пійдємъ, вы̀відь (повел. = выведи), відвіртàє, чахòлъ, узілà (=взяла), третию (вип. ж. р.), могіла, мілой, гуляньє, зільє, формы 3 л. ідеть, гудеть, при іде, пита, ходе, повел. шей (но пий), дв. ч. два синà, три козаченька. Рядомъ: *і* и *и* (или даже *ы*?), *е* на мѣстѣ *ѣ*: ріці (=рѣкѣ), гляділа, невіска (также зільє, зільячко), диўка, дивочка, на вики, невиста, зативàть, звинчàли, песóчокъ, дети (также корень, матенька); *і* на мѣстѣ великорусскаго *о* даже въ двіра (=двора), по піўній чарці (=полной), при *и* и *о*: викóньце, видкіль, сириточка, вини (=они), на вороном коню, водъ вынцѝ (=отъ вѣнца). Еще: при *хв* на мѣстѣ *ф*,— наоборотъ, *ф* вмѣсто *хв:* фостъ (=хвостъ), форостъ, фатить; формы: род. ёго, дат. своёму, козакови, дат.-мѣстн. одней могільці, нелюбей невискі, неопред. накл. всегда на *ть*. Наконецъ: заміжъ, *пъять*, булò, *що* [2]).

Говоръ той части Лохвицкаго уѣзда, Полтавской губ., которая соприкасается съ уѣздами Пирятинскимъ и Прилуцкимъ (с. Свѣтличное и др.), имѣетъ не *і* на мѣстѣ вр. *о*, а звукъ болѣе твердый, средній между *і* и *и*, *р* всегда твердое въ концѣ словъ и передъ согласными: царъ, Харко, формы

---

[1]) Zbiór, VII, стр. 119.

[2]) Москвитянинъ, 1854 г., №№ 7 и 8, ст. Николаева. Находящіеся здѣсь матеріалы записаны не вполнѣ удовлетворительно (между прочимъ остается неяснымъ, какой здѣсь звукъ, *и* или *ы*). Сверхъ того: Труды Чубинскаго, II (не указанъ уѣздъ; здѣсь формы род. тиєй води, однієі, тв. цією, род. мн. старостівъ); Сказки Аѳанасьева, вып. 3 (не указанъ уѣздъ); Этнографическое Обозрѣніе 1892 г. № 1, стр. 189 (Корочанскій у.).

Digitized by Google

3 л. только на *ить:* носить (на *е:* носе и т. п., нѣтъ), неопред. н. только на *ть* (но: пекти) [1]).

Говоръ въ тѣхъ селахъ Переяславскаго уѣзда, той же губерніи, которыя расположены на лѣвой сторонѣ р. Трубежа, имѣетъ *и* на мѣстѣ вр. *о* и изрѣдка *е* на мѣстѣ неударяемаго *ъ*: ведрò (при відра); онъ сохраняетъ въ формахъ неопред. н. *о*: куповати (рядомъ съ *у*: купувати), и въ формахъ им.-вин. ед. ср. р. *є*: весілє, гулянне; *р* «по преимуществу» твердо; въ формахъ 3 л. мн. то твердые, то мягкіе шипящіе: лежать и лежять; формы дат. моємỳ и моймỳ, 3 л. только на *ить*: носить, неопр. н. только на *ть* (но: пекти) [2]).

Изъ говоровъ Кіевской губ. мы имѣемъ свѣдѣнія о слѣдующихъ.

Говоръ с. Соловіевки, Радомысльскаго уѣзда: *і* и *и* (или *ы*) рядомъ: вікъ, твій, тілько и по одний (дат.), братиў (род.), пидкіну; спорадическое *и* вмѣсто неударяемаго *е*: жиребéць, жинйтця, виліў (= велѣлъ), нивірний; иногда *є* въ формахъ им.-вин. ср. р.: уголлє, убранне; иногда *і* послѣ *к*: братикі (им.-мн.), кіну; формы неопр. н. на *ть* [3]).

Говоръ м. Коростышева, того же уѣзда, на границѣ Волынской губ.: *і* и *и* (даже *ы*) рядомъ: кіпъ (род.), нисъ, лый; *о* въ куповать; твердые шипящіе въ формахъ 3 л. мн.: лежать и т. п.; формы повел. накл. пить, бить, неопр. н. обыкновенно на *ть* [4]).

Говоръ м. Гостомль, Кіевскаго уѣзда (на сѣверо-западъ отъ Кіева): спорадическое *е* вмѣсто неударяемаго *ъ*: стенà; спорадическое *є* вм. *я*: поєсъ; *є* въ формахъ им.-вин.: уголлє; *о* въ формахъ неопред. н. куповáть и т. п.; формы неопр. н. обыкновенно на *ть* [5]).

О говорѣ сѣверной части Васильковскаго уѣзда (къ сѣверу отъ рѣки Роси) мы знаемъ лишь то, что онъ отличается отъ чистаго украинскаго говора южной части того же уѣзда (къ югу отъ Роси), тѣмъ, что имѣетъ, кромѣ *и* рядомъ съ *і* на мѣстѣ вр. *о* и очень частаго твердаго *р*, также *є* въ формахъ им.-вин. ср. р. и отсутствіе двойныхъ мягкихъ согласныхъ: сніданьє; формы 3 л. на *ть* [6]).

---

[1]) Труды, VII, стр. 577.
[2]) Тамъ же, VII, стр. 592.
[3]) Труды, II.
[4]) Тамъ же, VII, стр. 589.
[5]) Тамъ же, стр. 590.
[6]) Rulikowski, Opis powiatu Wasylkowskiego, Warszawa, 1853, стр. 181 сл. Авторъ говоритъ: «Житель сѣверной части уѣзда называетъ себя настоящимъ Украинцемъ, утверждаетъ, что онъ говоритъ чистымъ, не испорченнымъ мѣстнымъ языкомъ, смѣется надъ говоромъ своихъ сосѣдей (на югѣ), называя ихъ Буцами и Гештаками, потому что они имѣютъ привычку повторять слово гета, по-полѣски. Въ рѣчи также есть разница» (стр. 149).

Digitized by Google

Украинскій говоръ на западѣ переходитъ въ очень близкіе къ нему говоры западно-волынскіе на сѣверѣ и въ подольскій на югѣ.

Первые, занимающіе западную часть южно-малорусской территоріи Волынской и Люблинской губ., переходятъ въ Галицію. Они слышатся въ сосѣдней съ Волынской губ. окраинѣ ея (главнымъ образомъ въ галицкомъ Полѣсьѣ). Ихъ отличія отъ сосѣдняго украинскаго говора заключаются лишь въ большемъ или меньшемъ количествѣ чертъ, свойственныхъ говорамъ Галиціи (между ними такихъ, какихъ нѣтъ въ подольскомъ говорѣ: *є* вм. *я*), такъ что они могутъ быть названы переходными отъ украинскаго говора къ собственно-галицкому. Главныя ихъ черты тѣ же, что въ сосѣднемъ украинскомъ (каковъ онъ въ Волынской губ.): *і* и *и* (*ы*) рядомъ на мѣстѣ великорусскаго *о* и *и* близкое къ *ы* или даже тожественное съ *ы* на мѣстѣ укр. *и*. Между мелкими чертами можно указать на польскія глагольныя образованія.

Свѣдѣнія о нихъ очень скудны.

Говоръ с. Ярославичи, Дубенскаго уѣзда (между Дубномъ и Луцкомъ): *е* и *и* на мѣстѣ неударяемаго *ъ*: ведрò, стѝнà, *є* въ им.-вин. ср. р.: уголлє, частое твердое *р*, твердые шипящіе въ лежать и т. п., формы дат. на *ови*, 3 л. ед. на *тъ*.

Говоръ м. Козина, того же уѣзда: формы 3 л. ед. на *тъ*, 3 л. мн. на *ть* [1]).

Говоръ окрестностей Луцка: мягкое *к* передъ *и*: кѝтайка, рукі, 3 л. ед. на *тъ*, 3 л. возвр. зал., по-галицки, безъ *т*: питаєся [2]).

Говоръ м. Городокъ, Луцкаго уѣзда: спорадическое *є* вмѣсто *я*: мнєсо, мнєти, *є* въ им.-винит. ср. р.: уголлє, *о* въ куповати и т. п., частое твердое *р*, твердые шипящіе въ лежать и т. п., формы род. мойго, меі, дат., по-галицки, на *ови*, твор. чорнею.

Говоръ с. Бережцы, Владимироволынскаго уѣзда: спорадическое *є* изъ *я:* тєжко, *є* въ им.-вин. ср. р. гылє (=укр. гілля, голье), отсутствіе двойныхъ мягкихъ согласныхъ [3]).

Говоръ м. Голобы, Ковельскаго уѣзда: спорадическое *е* на мѣстѣ неударяемаго *ъ*: мешòкъ, стенà, *є* изъ *я*: мнєсо, мнєти, держєть (3 мн.), бьеце (3 ед.), формы род. меі, дат. на *ови*, твор. чорнею [4]).

«Въ Люблинской губ., и особенно въ Грубешовскомъ уѣздѣ, на-

---

[1]) Труды, VII.
[2]) Stecki, Wołyń, I, 111.
[3]) Житецкій, Очеркъ, 343.
[4]) Труды, VII.

Digitized by Google

родный языкъ соотвѣтствуетъ языку юго-западныхъ (т. е. южно-малорусскихъ) уѣздовъ Волыни» [1]).

Въ говорѣ с. Рахань, Томашовскаго уѣзда, отмѣчено: частое *є* вмѣсто *я:* мьєсо, бьєсє (3 л. ед.), коне (род.), спорадическое *у* (или звукъ, близкій къ *у*) вмѣсто неударяемаго *о:* гудувати, формы род. *єго*, дат. *єму*, дат. на *ові*, 3 л. ед. на *тз*, 3 л. мн. на *ть*, 3 л. ед. возвр. зал. на *єсє:* бьєсє, неопр. накл. печи (не пєкти), возвр. зал. вінъ *сі* бьє (=бьется).

Говоръ с. Раколупы, Холмскаго уѣзда: *е* и *и* на мѣстѣ неударяемаго *ъ:* стенá, мишòкъ, бидà; частое *є* вмѣсто *я:* прийнєти (=принять), лежєть (3 л. мн.), формы род. *єго*, дат. на *ові:* синові, 3 л. на *ть*, 3 л. ед. возвр. зал. бьєся, неопр. печи, возвр. з. вінъ *ся* бьє [2]).

Сверхъ того, въ люблинскимъ говорахъ очень распространены мѣстоименныя формы *мі*, *ті*, *мя*, *тя* (въ пѣсняхъ) и польскія глагольныя образованія: прошедш. вр. казáвє-мз, ще-*мз* не жениўся, будущ. буду казàў, сослагат. би-*сь* любила; а въ нѣкоторыхъ селахъ Грубешовскаго и Томашовскаго уѣздовъ встрѣчается замѣна *с* и *ц* черезъ *ш* и *ч*: *ші*=*сі*, хлопчі, світлоньчі=укр. хлощі, світлоньці [3]).

Говоръ окрестностей г. Збаража, въ Галиціи, близь южной границы Волынской губ., имѣетъ лишь *і* на мѣстѣ укр. *і*, вр. *о*, повидимому, всегда съ предъидущимъ мягкимъ согласнымъ (по-подольски и по-галицки), спорадическое *и* на мѣстѣ неударяемаго *-е:* тичé, спорадическое (рѣдкое) *є* изъ *я:* петнáйцять, дитє, твердое *ц* въ концѣ словъ: хлопецъ, *є* въ формахъ им.-вин. ср. р.: зілье, подíлье, мягкое *к* передъ *и:* рукı, *л* въ горілка, формы им. ед. на *ий*, дат. *мі*, *сі*, вин. *мя*, *тя*, им. мн. милí, білí (съ среднимъ *л*), гуси, плечи, род. мн. сінéй, 1 л. ступлю и т. п., 3 л. на *тз* (но дастъ), 3 л. возвр. з. на *ецця* (не на *еся*), возвр. з. съ *ся* не только послѣ глагола, но и передъ нимъ; польскія формы прошедшаго вр. и сослаг. накл.: казавє-*мз*, ўже-*сьмо* казали, би-*мз* казаў [4]).

Говоръ деревни Цетули, близь г. Ярославля (въ сѣверо-западной части Галиціи), имѣетъ также лишь *і* на мѣстѣ укр. *і*, вр. *о*, спорадическое (рѣдкое) *і* на мѣстѣ неударяемаго *е:* вісíле, спорадическое (очень рѣдкое) *є* изъ *я:* мнє, *о* въ ночовати, *л* въ горілка, хтілъ, твердое *р* въ подвіройко, господаръ, *мя* въ румяный, твердое *ц* въ концѣ словъ: хлопецъ, глухой согласный вмѣсто звонкаго: блиско, формы им. ед, на *ий*, род.-вин. *мя*, *тня*,

---

[1]) Батюшковъ, Памятники русской старины въ западныхъ губ. Выпускъ 8-й. Холмская Русь, Спб. 1885, стр. 494.

[2]) Труды, VII, стр. 554—555.

[3]) Батюшковъ, Памятники, стр. 495.

[4]) Zbiór, VII.

Digitized by Google

дат. на *ови*, дат. *ми*, *си*, 1 л. поставю, виджу, пущу, 3 л. на *тъ*, 3 л. ед. зганятъ, неопр. н. на *ти* и на *тъ*, возвр. з. на *ся* и послѣ, и передъ глаголомъ. Еще: *сі*нойка (=стѣна). Этотъ говоръ богатъ полонизмами: и формами, и словами [1]).

О говорѣ прилегающей къ Люблинской губ. части Галиціи (около м. Равы) мы знаемъ лишь то, что тамъ «говорятъ совершенно такъ, какъ на Волыни» (т. е. въ ближайшихъ мѣстахъ Волынской губ.), что на мѣстѣ украинскихъ *б*, *д*, *з* могутъ быть соотвѣтствующіе имъ глухіе: дітковщина, что въ концѣ слова сокілъ слышится *л*.

Подольскій говоръ занимаетъ западную и юго-восточную часть Подольской губерніи съ прилегающими частями Херсонской губ., Бессарабской губ. и Галиціи [3]).

Онъ очень близокъ къ своему восточному сосѣду, украинскому говору [4]) (каковъ онъ въ восточныхъ уѣздахъ Подольской губ.), и имѣетъ неударяемое *е* приближающееся къ *и*, а вѣроятно, нерѣдко и переходящее въ *и*, при *е* ударяемомъ, звучащемъ болѣе мягко и открыто: менé, зеленый; его отличія отъ украинскаго говора: мягкость всѣхъ согласныхъ передъ *і*, соотвѣтствующимъ вр. *о*, такъ что слова нісъ=носъ и нісъ=несъ звучатъ тожественно; болѣе частое ў на мѣстѣ *л* твердаго, чѣмъ въ украинскомъ говорѣ (но болѣе рѣдкое, чѣмъ въ галицкомъ): горіўка (=укр. горілка); твердые шипящіе въ формахъ 3 л. мн.; глухіе согласные на мѣстѣ украинскихъ звонкихъ: пітку, ниський, тяшко; формы: твор. ед. на оў вмѣсто ою и рядомъ съ ою: жінкоў,

[1]) Тамъ же, X.

[2]) На основаніи сообщенія А. С. Крыловскаго.—По Головацкому, въ Золочевскомъ округѣ форма им. мн. мідяні звучитъ съ твердымъ согласнымъ передъ *і*, почти=мідяны. «Замѣтки», стр. 32.

[3]) Головацкій («Росправа», стр. 47) говоритъ о «волынско-подольскомъ нарѣчіи», что оно въ Галиціи занимаетъ меньшую половину Чортковскаго, около половины Тернопольскаго, Золочевскаго и Жолковскаго округовъ. Часть этой территоріи принадлежитъ, конечно, западно-волынскимъ говорамъ.

Кстати: Галиція прежде раздѣлялась на 19 округовъ («Kreise»), а съ сравнительно недавняго времени раздѣляется на 74 участка («Bezirke»). Такъ какъ источники, которыми намъ приходится пользоваться для характеристики галицкихъ говоровъ, по преимуществу старые, то мы будемъ держаться, вмѣстѣ съ ними, стараго дѣленія.

[4]) Наука «западныхъ обитателей нашего края причисляетъ къ Галичанамъ, а восточныхъ называетъ Украинцами. Принадлежаще къ галицко-подольскому типу обитаютъ въ предѣлахъ бывшаго Подольскаго воеводства, а Украинцы населяютъ Брацлавщину». Труды Комитета для историко-статистическаго описанія Подольской епархіи, I, Каменецъ-Под., 1876, стр. 24—25.

«Нарѣчіе Подолянъ отличается главнымъ образомъ въ грамматическомъ отношеніи и богато остатками самыхъ древнихъ формъ; нарѣчіе Украинцевъ гораздо богаче въ фонетическомъ отношеніи и отличается нѣжностью и мягкостью звуковъ, чрезвычайно пріятныхъ для слуха». Тамъ же, стр. 25—26.

Digitized by Google

доброў, тобоў [1]), 3 л. на *тъ*, 3 л. мн. ходя, робя (безъ *тъ*), при несутъ, ходятъ, 2 л. мн. повелит. накл. на *тъ* (рядомъ на —*те*), неопред. н. печи и т. п., возвратн. зал. съ *ся* не только послѣ глагола, но и передъ нимъ; польскія формы прошедш. вр. казавъ-мъ и т. п., будущ. вр. буду казаў, сослагат. накл. би-мъ казаў.

Менѣе важныя черты: спорадическое *у* вмѣсто неударяемаго *о*: вуювати, твердое *ц* въ концѣ словъ: хлопецъ, отсутствіе двойныхъ мягкихъ согласныхъ: зіля или зіле (не всегда), *ф* вмѣсто *хв:* фістъ (=хвостъ), фалити, формы род. солі, мої душі, род.-вин. *і* (рядомъ съ *іі*=ее), дат.-мѣстн. мої, вин. *мя*, *мня*, *тя*, им. мн. кости, род. мн. на *ей* и *ий:* гусей и гусий, 1 л. ходю, просю, при хожу, 3 л. ед. нюсе, хóде, кохаєця; остатки формъ двойств. числа; дѣепричастія на *че* и *ше:* ходиўше.

Конечно, этотъ говоръ въ разныхъ частяхъ своей территоріи не вполнѣ одинаковъ.

Въ Ольгопольскомъ уѣздѣ онъ приближается къ сосѣднему украинскому говору, имѣя, повидимому, передъ *і* изъ *о* иногда болѣе или менѣе твердые согласные.

Въ с. Тыннѣ, Ушицкаго уѣзда, повидимому, то же (записано даже лый=лой). Здѣсь формы 3 л. на *тъ* и на *еся:* бьєся [2]).

Въ Галиціи онъ постепенно сливается съ галицкимъ говоромъ, имѣя *є* изъ *і* послѣ *к:* кєдаєь, кєнула (при рукі) и формы дат. на *ови* [3]), дат. *му* (=ему), *ми*, *ти*, *си*, вин. *го*, *ю*, *ню* (ее), дат. мн. свинёмъ, мѣстн. ў чоботёхъ [4]).

Передъ нами собственно-галицкій говоръ (точнѣе: собственно-галицкіе говоры), съ территоріею, на западѣ ограниченной предгорьями Карпатъ, а на югѣ доходящей почти до середины Покутья. Его главныя особенности: мягкіе согласные передъ *і*, соотвѣтствующимъ укр. *і*, вр. *о*, такъ что слова нісъ=носъ и нісъ=

---

[1]) Пѣсни имѣютъ также формы въ родѣ жінкоёу, доброёу, образованныя для сохраненія въ стихѣ размѣра. Они указываютъ на сравнительную новизну формъ на *оу*.

[2]) Скудныя данныя о подольскомъ говорѣ въ предѣлахъ Россіи въ Трудахъ Чубинскаго, у Шейковскаго въ «Бытѣ Подолянъ», два выпуска, Кіевъ, 1860—1861, и въ статьѣ о похоронахъ въ Подольской губ. (Кіевск. Телеграфъ 1860 г. № 17 и сл.), въ ст. Свидницкаго въ Основѣ 1861 г. № 11—12, въ ст. Михневича въ Вѣстникѣ И. Р. Географич. Общ. 1852 г., ч. 6. Эти данныя въ большинствѣ случаевъ лишены указаній, къ какимъ именно мѣстностямъ они относятся.

[3]) Zbiór wiadomości, VII (дер. Кудиновцы, Золочевскаго округа).

[4]) Головацкій, Пѣсни, II, стр. 625—698 (окрестности р. Збруча; здѣсь еще фістъ=хвостъ, третую, вин.), II, стр. 168, 174 (с. Улазовъ, Жолковск. окр., на русской границѣ), IV, стр. 191 сл., 273 сл. (с. Туръ, Золочевск. окр.; здѣсь: *дже* въ ходжу и т. п., 2 л. мн. пов. верніть).

Digitized by Google

несъ звучатъ тожественно, *и* болѣе близкое къ вр. *ы*, чѣмъ укр.-полт. *и* [1]), болѣе или менѣе частое *є* изъ *я*: пєть (= пять), конє (род.), между прочимъ послѣ шипящихъ, *ц* и *р*: шєпка, чєсъ, зорє, ў изъ *л* болѣе частое, чѣмъ въ укр.: горіўка (при горівочка), сопіўка, міўкий (= мелкій), кіў (= колъ), стіў (= столъ), віў, ореў (= волъ, орелъ), одиночные мягкіе согласные: зіля, снідання, попадя, твердое *р* вмѣсто мягкаго болѣе или менѣе частое, чаще, чѣмъ въ укр., *дж* болѣе частое, чѣмъ въ укр.: ходжў, походжàти, *дз* въ *дз*вінъ, *дз*ерно и *дз*елений, твердое конечное *ц* въ хлопецъ, мягкое *ц* передъ *и*: рукі (род.), кінути (не вездѣ: гіркий), при гину и т. п., *бя*, *вя*, *пя* или *бє* и пр. (но не *бъя* или *бья* и т. д.): вяжў, пять, при тімя, мьясо, мнясо, имнѧ (= имя), здоровлє, глухіе согласные на мѣстѣ укр. звонкихъ: лопъ, княсь, дітъ, бі.хъ (=богъ), сторошъ, ниско, тяшко, скопка, съ конѧ, исъ кутà, даже (по Головацкому) чердь, *ф*тòрый (=второй), *ф*пасти (=впасти), *ф*ъ хлібі, *ф* вм. *хв* и *х*: *ф*алити, *ф*уска (= хустка); формы им. ед. на *ий* и—рѣже—на *и*, род. єго и го, моєі и моєй, мої, смерти, род.-вин. *мя*, *мня* и *ня* (при *мене*), дат. на *ови*, дат. єму и му, мої (=моей), вин. *ю* (*ню* [2]), *іі*, *ій*, *єй* (=ее), твор. ед. на *оў* (даже костёў; рядомъ на *ою*), род. мн. женск. р. на *іў*: бабіў, панніў (иногда), род. мн. на *ей* и *ий* (костий), дат. мн. костемъ, гостемъ (при костямъ, гостямъ), мѣстн. мн. костехъ (при костяхъ), твор. на *ма* (тамъ же, гдѣ въ укр.), остатки формъ им.-вин. двойств. ч.: дві ягодочці; 1 л. ед. любю, ломю, или любью, ломью, или (рѣдко) люблю, ходжў (не ходю), 3 л. на *тъ*, 3 л. ед. на *ає* (не на *а*): питає, при болѣе рѣдкомъ питатъ, и на *еся* (не на *ется* или *ецця*): бьєся (но любится), 3 л. мн. ходятъ и ходя, 2 л. мн. повел. на *тъ* (рѣже на *ть*), буд. вр. буду бити или буду биў (рѣдко му бити), неопр. н. на *ти* (очень рѣдко на *ть*) и чи: печи, волочи (не пекти), возвр. з. съ *ся* и послѣ и передъ глаголомъ; польскія формы прош. вр. казаве-мъ или казаў-ємъ, що-мъ казаў, буд. буду казаў, сослаг. би-мъ казаў. Еще: болѣе или менѣе частое придыхательное *г* передъ начальнымъ *о*: горати, горіхъ; вна, вно, вни = она, оно, они, рядомъ съ она и пр. (также: вдного и т. п. = одного); предлогъ дъ, идъ съ дат. п. вмѣсто къ: дъ діўці, идъ нему; префиксъ ві вм. ви: віходжу [3]).

Обратимся къ отдѣльнымъ говорамъ.

---

[1]) По Головацкому, гал. *и* «де-що вузше, якъ великоруске ы». «Росправа», стр. 35.

[2]) Формы *мя*, *мі* и т. п., *ю* могутъ имѣть на себѣ логическое удареніе; можно сказать *зъ мя*, *къ мі*.

[3]) О галицкомъ говорѣ въ трудахъ Головацкаго: въ «Росправѣ», въ «Граммативѣ», въ «Замѣткахъ и дополненіяхъ къ статьямъ г. Пыпина, напечатаннымъ въ Вѣстникѣ Европы», Вильна, 1888, стр. 32 сл.

Digitized by Google

Въ с. Каменкѣ Волоской, Жолковскаго округа (въ $5^1/_2$ миляхъ отъ Львова), есть нѣкоторыя особенности «волынско-подольскія»; здѣсь послѣ согласныхъ *є* вм. *я*: дєдько, *г* передъ начальнымъ *о*: говесъ, *к* вм. *g* въ заимствованныхъ словахъ (даже: *к*осподарь); *ф* вм. *хв* нѣтъ [1]).

Въ с. Зашковѣ, близъ Львова, *і* (послѣ *ј*) въ формахъ настоящаго вр. вм. *є*: знаішъ, чуішъ, знаі и т. д. [2]).

Въ с. Кутузовѣ, Бережанскаго окр. (тамъ, гдѣ этотъ округъ соприкасается съ окр. Тернопольскимъ и Чортковскимъ), рядомъ съ *є* изъ *я*, очень частымъ: зєть, рєдити, шєпка, чєсъ, сєстрицє (им. ед.), вінцє (род. ед.), тє (=тя), родисє, весілє (им. ед., хотя: свинямъ, челядю, твор.),—*і* изъ *я*: щісте, щісливий, чірувати, румінецъ, місница; изрѣдка *р* твердое вм. мягкаго; формы: дат.-мѣстн. ед. Мариси, церквици, дат. ми, ти, си, твор. (пѣсенн.) дорогоёў, молодоёў, тобоёў, 3 л. вє, пє (=вьетъ, пьетъ), пютъ (=пьютъ), возвр. зал. на сє и на си [3]).

Въ одномъ мѣстѣ Стрыйскаго округа: *ä* вм. *а* только послѣ шипящихъ: щäсливий, нашä, ружä (при вінчання, род., воропця, род.), ў въ міўкий (=мелкій), *ф* въ куфарка, формы им. мн. не только столове, хлібове, но и пчолове [4]). Въ другомъ мѣстѣ того же округа: *є* изъ *я* болѣе часто: дитє, камінє (род.), кнєгинi (им.); рядомъ: сіяла (=сѣяла), стоячи [5]).

Въ с. Верчанахъ, того же округа: *є* часто: діўчєта, мє, ўзєлà, вєзàти, формы род., єго, дат. ми. возвр. гл. на си; вна (=она) [6]).

Въ Галичѣ, Станиславовскаго окр. (на сѣверѣ его): спорадическія *є* и *і* изъ *я*: лежєти, сонцє, вітцє, род., мє (=мя), сє (=ся), тi (=тя), сi (=ся), рядомъ съ коня, твоя и т. п., изрѣдка *и* вм. неударяемаго *е* и *є* вм. *и*: свикруха, зозулички, лєшила, твердое *р*: напрала, говору, мягкое конечное *и*: отецъ, твердое конечное *с*: дала-съ (2 л.), рядомъ съ мягкимъ, отсутствіе *в* передъ *і* въ началѣ словъ: іддамъ, формы им. ед. на ий и и, род. тєі, дат. на овi, дат. ти [7]).

Въ Гриневцахъ, того же округа: спорадическія *є* и *і*: зачєў, шєпка,—сє,

---

[1]) Галичанинъ, изд. Головацкимъ и Дѣдицкимъ, вып. I, Львовъ, 1862.—Одинъ текстъ изъ Жолк. окр. у Житецкаго, Оч., 317 (боюсє, мє, дитєтко).

[2]) Ogonowski, Studien, 37.

[3]) Навроцкій, Твори, т. I, Львовъ, 1885 («Весѣлє въ Кутузовѣ»).—Житецкій, Оч., стр. 318.

[4]) «Пѣсни» Головацкаго, IV, стр. 300 сл.

[5]) Русалка Днѣстровая. У Будимѣ, 1837 (пѣсни «одъ Стрыя»).

[6]) Житецкій, Оч., стр. 316.

[7]) Житецкій, Оч., стр. 315. Kolberg. Pokucie. Obraz etnograficzny. Четыре тома. Kraków, 1882—1889.

Digitized by Google

щ*і*стє, при *я* въ жоўн*я*ръ, прощен*я* (им.), *с* въ нисько (=низко), формы род. єго, дат. *ми*, возвр. зал. на *си*[1]).

Подъ Станиславовомъ: спорадическія *є* и *і* изъ *я*: взєў, вогнє (род.), десіть, молодиц*і* (им. ед.), мн*і*, н*і* (= мя), т*і*, с*і* (обыкновенно *я* сохраняется: вз*я*ў, *жа*ти, *я*кий), спорадическое *е* вм. ударяемаго (рѣже неударяемаго) *и*: нéско (=низко), калéна (=калина), спорадическое *и* вм. неударяемаго *е*: н*и* собі, люд*и*мъ (дат.), спорадическое твердое *р*: мо*ра*, вече*ра*ти (но п*ря*ду, го*рю*ю), мягкое конечное *ц*: хлопе*ць*, твердое конечное *с*: яко-*съ*, формы им. на *ий* и на *и*, род. мо*єй*. Сверхъ того: передъ начальнымъ *а* можетъ являться *j*; мягкія *г*[2]) и *к* вм. мягкихъ *д* и *т* въ отдѣльныхъ словахъ: не*г*іля (=недѣля), *г*екъ (=дьякъ).

Въ Толмачѣ, того же округа (на югѣ его), говоръ почти тотъ же, что подъ Станиславовомъ: *є* и *і* въ *жє*ль, цісар*є* (род.), вір*і*дж*є*ла (=выряжала), при болѣе обычномъ *я*, изрѣдка *е* вм. ударяемаго *и* и *є* вм. ударяемаго и неударяемаго *і*: калéна, дівочк*є* (им. мн.), болѣе частое твердое *р*: стр*и*сі (дат.), твердое конечное *с*, спорадическія (въ отдѣльныхъ словахъ) мягкія *г* и *к* вм. *д* и *т*: *к*іло, *к*іженько (=тя—), отсутствіе *в* передъ *і* въ началѣ словъ: *і*дповідаю, *і*конце (=ві—), изрѣдка j передъ начальнымъ *у*: юмеръ (=умеръ); форма дат. *мні*.

Въ сѣверо-восточной части Коломыйскаго округа (Покутья) говоръ тотъ-же.

Въ Хотимирѣ: взєў, т*є*, бéти (=бити), ходéти, чéсте (=чисте), дворé, горé (им. мн.).

Въ Чернелицѣ: п*є*тий, вітц*є* (род.,=отца), бійс*є*, кон*і* (род.), Петрус*і* (род.), т*і* (=тя), рядомъ съ *я*, посадéла, бéстрый, діўчéна, кажé (повелит.), к*є*нуў (=кинулъ), ручк*є* (род., при так*є*, съ мягкимъ *к*, им. ср. р.), постоянно твердое *р*: жу*ру*ся, на подві*ру*, комо*ри* (дат.), конечное твердое *с*: тому-*съ*, болѣе часто мягкія *г* и *к* вм. *д* и *т*: ви*г*іли, *к*істо (=тѣсто), ви*к*ігли при болѣе обыкновенныхъ *д* и *т*: *д*іўчина, *j* передъ начальнымъ *у*. Еще: тре*ти*й, тре*то*го.

Въ Чортовцѣ (подъ Обертиномъ): болѣе часто *є* и *і* изъ *я*: кон*є* и кон*і* (род.). міс*і*ц*є* (род.) и світлиц*і* (им. ед.), т*є* и т*і* (=тя), с*є* и с*і* (при жит*я*, род., и т. п.), болѣе частое *е*, *є* изъ ударяемыхъ и—рѣже—неударяемыхъ *и* и *і* (особенно послѣ *к*): черевéчки, долéна, дітмé (тв.), водé (род.), козак*є*, рук*є*, к*є*нуўсе, деўка, спорадическое *и* вм. неударяемаго *е*: з*и*-

[1]) Житецкій, Оч., стр. 310. Здѣсь нѣсколько текстовъ изъ другихъ мѣстъ Станислав. окр.

[2]) Это мягкое *г* изъ *д* в о з д ѣ = g, не h.

Digitized by Google

лине́нький, *білu* лице, *кре́ви* (=криве, им. ср. р.), твердое *р*: *зора*, *вечерию*, конечное твердое *с*: *сесъ* (=сесь), *весъ*, *поділа-съ* (2 ед.), *ф* вм. *х*: *фуска* (=хустка), изрѣдка мягкія *г* и *к* вм. *д* и *т*: *глеґіти*, *леґіти*, *кегати*; формы им. ед. на *ий* и на *и*, дат. *ми*, *ти*, *си*. Еще: *јоденъ* (=одинъ).

Въ Тишковцахъ (около Чортовца): *взєла*, *ті* (=тя), *тре* козаки, *блєско*, *третий*.

Около Городенки: очень часто *є* и *і* изъ *я*: *шєпка*, *матусі* (им. ед.), *говорі* (3 мн.), спорадическія *е* и *є* вм. *и* и *і* (послѣ *к*): *жінкє* (род.), съ *кѣмъ*, частое *и* вм. неударяемаго *е*: *пису̀тъ*, до *мéни*, кому-*сти* готували, мягкое *р* (но *стрилити*), твердое конечное *с*: кому-*съ*, аби-*съ* дала, изрѣдка *г* и *к* вм. *д* и *т*; *чо*=що.

Въ Снятинѣ: *є* и *і* изъ *я* (при *я*), *е* изъ *и*, *є* изъ *і*, *и* вм. неударяемаго *е*, мягкое *р* (но: на подві*ру*, ў подві*ри*); *г* и *к* вм. *д* и *т* очень рѣдко.

Покутскій говоръ (въ Коломыйскомъ округѣ) имѣетъ всѣ главныя особенности собственно-галицкаго говора (каковъ онъ на сѣверѣ Покуть) и отличается отъ него лишь большею послѣдовательностью въ употребленіи мягкихъ *г* и *к* вмѣсто *д* и *т*.

Подъ Коломыею (дер. Испасъ и др.): очень часто *є* и *і* изъ *я*: *пєтий*, *держєла*, *поредокъ*, *зілі* (им. ед.), *подвірі*, *болі* (3 мн.), *кі* (=тя), *ваші жона*, *спідниці* (но *твоя*, *научати*, *доганяти*), изрѣдка *е* вм. *и*: *пєтати*, изрѣдка (въ отрицаніи *не*) *и* вм. неударяемаго *е*: *ни знає*, мягкое *р* (но *застрилю*, *віръ*, повел., *лікаръ*), твердое *и*: *хлопецъ*, *граница*, *границу*, *танцувати*, твердое конечное *с*: *що-съ*, *цесъ* (=сесь), *ввесъ*, *слухала-съ*, мягкое *к* передъ *е* въ *біленькє*, *ф* вм. *хв.* и *х*: *фатати*, корова *купофоска*, изрѣдка *ш* и *ч* вм. *щ*: *ше* (=ще), *чо* (=що); мягкія *г* и *к* постоянно вм. мягкихъ *д* и *т*: на *обігі*, *хогімъ*, *бугь*, *жикє*, на *свікі*, *госкі*, даже *смержоў* (= смертью), при *буде*, *брате* и т. п. Еще: *ј* передъ начальными *у* и *о*: *ю* дорозі, *јоденъ*, *јозму*; формы дат. на *ови* и *ові*, дат. *мні*, твор. *білґми*, буд. *му* бити; предлогъ *дъ*, *ідъ* съ дат. п. вм. *къ*: *дъ* хакі, *дъ* Іванові [1]).

Одинъ изъ говоровъ Буковины, намъ извѣстный (въ сѣверной, надпрутской части ея), близокъ къ говорамъ подольскому и собственно-галицкому. Въ немъ: *є* и *і* изъ *я* нечасто: *єйцé*, *шєсте* (=счастье), *пєтъ* (=пять), *дитє*, *имє* (=имя), *девґтъ*, *десґтъ* (при подмовьяти, братя, им. ед., спаня, род.

[1]) Kolberg, Pokucie.

Digitized by Google

ед. и т. п.), ў вм. *л* чаще, чѣмъ въ укр.: горіўка, горі*во*чка, стіў (но стрі*л*ка), *и*, даже *і* вм. неударяемаго *е*: *ли*жи̂тъ, чи*ка̀*ю, в*і*с*і*ле, *е* вм. *и* ве́шня (= вишня), зав*е*ва̀ти, жен*е*ха̀ (род.), жен*е*ха̀не, твердое *ц* въ концѣ словъ: хлопе*цъ*, твердое *с* въ концѣ словъ: який-*съ*, шо-*съ* (что-то), казала-*съ* (2 л. прош.), це*съ* (=сей), *су* (=сю, сію), дивью*се*, твердое *т* въ концѣ словъ, деві*тъ*, десі*тъ*, пе*тъ*, мягкое *ш* вм. *щ*: *ше*бетати, *ше*сте, про*ш*яти, *ше* (=ще, еще), твердое *л* вм. *л* мягкаго: па*л*ца, весе*л*ца (род.), же*л*це (=жальце): твердое *н* въ си*ное* море, вог*н*ова ріка, *ф* вм. *хв*: *ф*алити, *ф*оя, иногда *г* или *j* передъ начальнымъ *о*: *г*оріхъ, *j*ора̀ти, *є* въ им.-вин. ср. р. Еще: мягкое *р*, одиночные мягкіе согласные: подві*р*е; *мя* и *мня*: ру*мя*ний и ру*мня*ний; *дж* нѣтъ; *дз* въ *дз*вінъ. Формы: им. ед. на *ий*, род. *ё*го, и *го*, добро*й* (при добро*г*), мое*й* и мо*г*, род.-вин. *мя*, *мня* и *ня*, дат. на *ови*, дат. *ми* (и *мі*?), *ти*, *є*му и *му*, дат.-мѣстн. мо*і*, *г*, на н*і*, твор. землеў, доброў, кровёў (=кровью), мѣстн. ў ночі, ў пол*и*, на вогн*и*, им. мн. воў*ці* (отъ волкъ), род. мн. ж. р. баб*і*ў, відм*і*ў (при бапъ и т. п.), дат. мн. лю*ди*мъ, твор. мн. добр*і*ми, 1 л. ло*вь*ю̀, спь*ю̀*, ди*вь*юсе (при розмо*вь*яти и розмо*вя*ти), носю, 2 л. ловешъ, робешъ, 3 л. на *тъ* (дас*тъ*), даже пожив*атъ*, 3 л. ед. лов*е*, роб*е*, служ*е*, 3 л. мн. ход*ятъ* и ход*я*, 3 л. ед. возвр. віддає*т*се и віддає*се*, 2 л. мн. повел. на *тъ* (пуст*і*тъ), буд. вр. *буду* бити и *му* бити, неопред. н. только на *ти*, возвр. зал. съ *се* какъ послѣ, такъ и передъ глаголомъ, польскія формы прош. вр.: каза*ве-мъ*, якъ *есъ* казаў, и сослагат. н. казаў *бихъ*, казаў *бисъ* (2 л.) и т. д.; остатки формъ двойств. ч. дві ру*ці*, три служб*і*, дві слов*і*, дво*ма*, трё*ма*, плечи*ма*, очи*ма*. Наконецъ: тре*та*, тре*ту* (=третья); *в*на=она; *дъ* вм. *къ*: *дъ* нему; префиксъ *вг* вм. *ви*: *вг*несу [1]).

Обращаемся къ карпатскимъ и угорскимъ говорамъ, къ тѣмъ говорамъ, которыми говорятъ русскіе горцы какъ на галицкой сторонѣ Карпатъ, такъ и на угорской.

Сѣверная часть Карпатъ въ Галиціи («узкое а долгое пасмо земли») и Угріи занята такъ называемыми Лемками (отъ употребительной у нихъ частицы *лемъ*=лишь, только [2]), говоры которыхъ, довольно разнообразные, благодаря

---

[1]) Записки юго-зап. отдѣла И. Русск. Географич. Общ., т. II, Кіевъ 1875 (сборникъ буковинскихъ пѣсенъ, собр. Купчанкомъ). Другіе матеріалы изъ неизвѣстныхъ мѣстъ Буковины у Головацкаго («Пѣсни», особенно IV, 531 сл.; здѣсь формы им. ед. подвір*я*, зіл*я* и т. п., ф. мѣстн. на двер*е*хъ, гусл*е*хъ) и у Драгоманова («Малорусск. нар. преданія»), а одна пѣсня (съ *є*къ=якъ, розвиус*и*, люде с*и* збігали) изъ Выжницы у Житецкаго, Оч., стр. 321.

[2]) «Лемки живутъ на обоихъ сторонахъ Бескида въ Галичинѣ и Угорщинѣ. Бесѣда, обычаи и имя суть одной и другой сторонѣ — малыи только изъявши перемѣны — общіи». Они занимаютъ въ Галиціи горныя части округовъ Сандецкаго, Ясельскаго и отчасти Ся-

Digitized by Google

сосѣдству ихъ съ Поляками и Словаками, богаты старыми (иногда сильно измѣнившимися) и новыми полонизмами, словацизмами (между прочимъ въ родѣ *главка* = головка) и мадьяризмами; многіе изъ нихъ (особенно сѣверо-западные) имѣютъ даже польское удареніе (на второмъ слогѣ отъ конца) [1]).

Передъ нами говоры галицкихъ Лемковъ.

Говоръ 15 деревень: Перегримка, Святкова, Бортное, Смерековецъ, Рыквалдъ, Новица, Устье русское, Лосье, Брунары, Чирна, Берестъ, Лабова, Жегестовъ, Криница и Вирховня, соединяетъ въ себѣ особенности южно-малорусскія съ особенностями сѣверно-малорусскими. Онъ имѣетъ на мѣстѣ укр. *і*, вр. *о*, *е* рядомъ: обычное *і* (даже *бі*жый = божій, *кі*зій = козій, *корі*ў, *ворі*нъ, род. мн., *хві*стъ, *хві*ста и т. д. [2]), *ы:* вывця, сыль, оплыть, и болѣе рѣдкое *у*, *ю:* в*у*вця и *у*вця (= овца), пу*ю*тора, роз*у*брати, т*ю*тка, л*ю*дъ (= ледъ), леб*ю*дка, п*ю*рко, в*ю*ў (= велъ), в*ю*зъ (= везъ), н*ю*сь, гр*ю*бъ, л*ю*гъ, даже м*ю*рзъ (= мерзъ), б*ю*гъ (= бѣжалъ); на мѣстѣ *ъ*—*і* (но: коле́но, при коліно, ме́сто, при мі́сто, неде́ля, при недзі́ля); на мѣстѣ укр. *и*, вр. *и* въ рядѣ словъ—*і:* молі́тва, пшені́ця, ві́ноградъ, пі́ті, зі́ма и др., но часто—*ы:* гварыты, биты, даже постоянно послѣ гортанныхъ и шипящихъ: гыбати, кыпіти, рускый, хыжа, жыти, чытати, шыти (однако обыкновенно вр. *и* = лемк. *и*); на мѣстѣ укр. *и*, вр. *ы*—*ы*: мы былі; на мѣстѣ *я*—изрѣдка *е* и *і*: говедо, ще́стя, тіґатися, запрі́гати. Сверхъ того: *я* вм. *е* въ им.-вин. ср. р.: зі́ля, весі́ля, сні́дання, *о* въ куповати, постоянное *дж* на мѣстѣ *ж* изъ *дj:* ходжу, одеджа, пряджа, даже чуджый, меджe (= между), *дз* въ *дз*вінъ, *дз*еленый, одиночные мягкіе согласные: волося, весі́ля, ў (очень краткое [3]) вм. твердаго *л*: оре́ў, род. оре́ўа (при твердомъ *л*: оре́лъ, орла), со́ўома, пришўа, ўндка (= лодка), гўубокый, мягкое *р*, твердые конечные согласные: кінґ, тестъ, кістъ, пятъ, косаръ, отецъ, носъ (повел.), ходъ, беръ (но въ словахъ женск. р. не всегда: рядомъ брндъ и бридь; всегда: приятель и т. п.), спорадическое твердое *л* передъ *н*: тілная корова, *г*, *х* вм. *в*: г осени (= въ), г лісі, г моёй матері (= у моей), *х*ъ сой бабы (= у сей), *х*паў г воду (= упалъ въ—), г насъ (= у насъ), *г* вм. *к* въ предлогѣ *къ*: г весілю, г ние (= къ ней); наконецъ *ыр*, *ыл* на мѣстѣ древнихъ *ръ*, *рь*, *лъ*, изрѣдка на мѣстѣ *гр*, *гр*:

ноцкаго. Зоря галицкая, яко альбумъ на годъ 1860, Львовъ, ст. Торонскаго. Еще о территоріи галицкихъ Лемковъ см. у Головацкаго, Пѣсни, I (введеніе), въ журналѣ Wisła 1889 г., т. III, вып. 3-й, у Коперницкаго въ Zbiór, т. XIII, и у Верхратскаго въ Archiv für slav. Phil., т. XIV.

[1]) «Чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ чистѣйше заховался характеръ рускій». Зоря галицкая, стр. 391.

[2]) Эти или другіе Лемки имѣютъ вніго=много. Ogonowski, Rozprawy, 54.

[3]) Это *у* изъ *л*, повидимому, очень распространено у сѣверныхъ Лемковъ; см. Ogonowski, Studien, 69.

Digitized by Google

гырміти (=гремѣть), дырва (=дрова), тырстіна, хырбетъ, кыршыти (=крошити), кырві (род. отъ кровъ=кровь), сыўза или сылза (=слеза), гыўтати (=глотати, но бўыха=блоха), гырлиця (=горлица), пригырщы, чырстый (=черствый), даже пырщъ (=прыщъ). Формы им. ед. на *ый*, им.-вин. ср. р. на *е:* добре, род. ёго, моёго, моёй, доброй, дат. на *ови*, дат. *мі*, *ті*, *сі*, мому, им. мн. гудаци (отъ гудакъ), співаци, хлопі, дат. мн. волімъ, котімъ, мѣстн. мн. лісохъ, волохъ, сынохъ, когутіхъ, 1 л. ед. любю, спю, клепю, ўамю (=ламлю), рядомъ съ ф. 3 л. мн. клепютъ, сыпютъ и т. п. и причастіями любеный, купеный и т. п., 3 л. на *тъ*, 1 л. мн. на *ме:* ведеме, сме (=есмъ), рядомъ съ ф. на *мъ*, польскія формы прош. вр. быў-*ємъ*, быўа-*ємъ* и т. д. Глаголы на *ати* спрягаются такимъ образомъ: глядамъ, —*ашъ*, —*атъ*, —*аме*, —*ате*, —*аютъ*. Еще: *што* (не *що*), быти, быў (не бути, буў); нарѣчія добрі, злі, чудні и т. п.; частица *лемъ*=лишь, только [1]).

Въ говорѣ с. Высова, Сандецкаго округа (на самомъ сѣверѣ галицко-русской территоріи), отмѣчено: *дж* (въ меджe), мягкое *р* (прясти и т. п.), формы дат. *мі*, твор. ед. ж. р. на *омъ:* млинарькомъ, нёмъ, также тобомъ, 3 л. на *тъ*, 1 л. мн. на *ме*; выраженія: ты *єсь* чыста, пришла *сомъ* (по-словацки) и т. п.

Говоръ селъ между рр. Вислокомъ и Вислокой, Сяноцкаго окр., близокъ къ говору 15 деревень: то же спорадическое *і* вм. *и*, тѣ же *кы*, *гы*, *хы*, то же *дж* (даже повѣджъ, повел.), тѣ же формы дат. на *ови*, 1 л. мн. на *ме*, тѣ же *што* и быти. Еще можно отмѣтить: формы род. ж. р. на *ой*, род.-вин. *мня*, дат. *сой* (=себѣ), твор. гороў (при горою), твор. мн. красныма словами, низкыма поклонами, 3 л. ед. любе и т. п., 2 л. мн. *дате* (=дадите) [2]).

Говоръ селъ на верховьяхъ рѣки Сяна, Сяноцкаго округа, «не розличается много отъ другихъ галицкихъ нарѣчій». Здѣсь «звукъ *і*, отвѣчающій польскому *і*, не приходитъ въ произношеніи никогда; есть только *ы*, отвѣчающее польскому *у*, а произносимое совершенно остро даже по сычащихъ (=шипящихъ) и *к*, *х:* быкы, хыжа, и въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ въ малорущинѣ переходитъ *о* въ *і*: звытты вм. звітті». Другія особенности: *а*, *я* въ концѣ формъ прош. вр. (спаў) произносится какъ у Мазуровъ въ pan, т. е. близко къ *о;* изрѣдка *є* вм. *я:* телє, ялицє; формы дат. на *ові*, твор. всегда на *оў*, *еў*: костеў (=костью), род. мн. костій и костий, мѣстн. мн. на *ахъ* и *охъ*, *ёхъ:* о полёхъ, воропцёхъ, 1 л. мн. на *ме:* будеме, іхалі-сьме. Частица *лемъ* не употребляется [3]).

---

[1]) Archiv für slav. Phil., тт. XIV и XV, ст. Верхратскаго. Мы не успѣли воспользоваться ея окончаніемъ.

[2]) Головацкій, Пѣсни, IV, стр. 366 сл. (Вислоцк.), стр. 521 сл. (Высово).

[3]) Червоная Русь (газета) 1890 г. № 112, ст. «Замѣчанія о нарѣчіи русскихъ селянъ надъ горнымъ Сяномъ».

Digitized by Google

Говоръ неизвѣстныхъ мѣстъ Сяноцкаго округа: спорадическое *ä* вм. *я* послѣ шипящихъ: *діўчä*, *ружä*, частое *дж* (*меджи*), отсутствіе *j* между *а* и *у* въ формахъ *граy*, *грaутъ* и т. п., *ў* вм. *л* въ *стіў* (=столъ), твердое *л* въ *палця* (род.), твердые конечные согласные: *казала-съ* (2 л.), *матіръ*, гласный *р* или глухой гласный послѣ плавнаго согласнаго: *кръвавый*; формы род.-вин. ед. *мня* и *ня*, *го*, мого, яворовогъ дерева (въ пѣснѣ), же *гъ колыше*=*же го* (его) колыше (въ пѣснѣ), дат. *мі*, *ті*, *му*, *ёй*, вин. сд. *ю*, *ёй*, твор. на *оў* (*нёў*=ею), им. мн. *воя́ци*, дат. мн. *людёмъ*, 3 л. на *тъ* (*купатъ*, *сідатъ* и др.), 1 л. на *ме*, возвр. зал. съ *ся* и послѣ и передъ глаголомъ. Еще: *що* и *шо*, *быти* и *бути*, *вна*=она, *лемъ* [1]).

Еще нѣсколько замѣчаній о говорѣ галицкихъ Лемковъ (мѣстность неизвѣстна). «Лемки, якъ всѣ горняки [2]), строго наблюдаютъ въ выговорѣ розличіе межи звуками *и*, *ô* (т. е. *і* изъ *о*), *ъ* (т. е. *і* изъ *ъ*), *ы*; *ы* произносится всегда глубоко (низко), напримѣръ *рыкъ*, *ъ* всегда мягко, якъ іотоване *іе* напр. *тъньі*, *ъсти*, и мягчитъ попережающую согласную; *и* середину держитъ между глубокимъ *ы* а высокимъ *ъ*; *ô* сновь иначе произносится, такъ что всякій узнае, что оно повстало зъ *о*, напр. *снôпъ*. Розлично про тое произносятъ Лемко *бити* а *быти*, *кôнь* а *тъньі*, *мôгъ* а *мъхъ*».—«Выговоръ буквы *и* цѣлкомъ мягкій въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ оно у прочихъ Русиновъ середнѣ произносится; напр. *онi былi*, *онi ходiлi* совсѣмъ такъ звучитъ якъ польское *onі byli* или словацкое *onі buli*». Лемки, «какъ и прочіи горняки», имѣютъ *ы* послѣ *к*, *г*, *х*: глухый, гынути; у нихъ *р* звучитъ иногда какъ гласный: *крстити*, *трстина*, конечныя *и*, *с*, *р* тверды: *воробецъ*, *робилъ есъ*, *писаръ* (но въ ф. род.—*ця*, въ ф. им. мн.—*ці*); формы твор. ед. женск. р. на *оў* или (часто) на *омъ*: *водоў*, *водомъ* («никогда» на *ою*: *водою*), дат. мн. муж. р. на *імъ* съ предъидущимъ твердымъ согласнымъ: *хлопімъ*, *конімъ*, им. ед. прилагательныхъ *добрый*, *добра* («никогда» *добрая*), *добре* («никогда» *доброе*), им. мн. *добры* («никогда» *добрыи*), 1 л. ед. (между прочимъ) на *аў*: *маў* (но *ў* произносится иначе, чѣмъ въ формахъ прошедшаго врем., полнѣе), 1 л. мн. на *ме* (всегда), глаголы на *ати* рѣдко имѣютъ формы наст. вр. на *аю*, *аєшъ*, *ає* и т. д., а обыкновенно на *амъ*, *ашъ*, *атъ*, *аме*, *ате*, *аютъ* [3]).

Наконецъ, мы знаемъ, что Лемки въ Шляхтовѣ, близь Новаго Сандеча, имѣютъ на мѣстѣ *ъ* дифтонгъ *іы*: *лiысъ*, *квiытокъ*, также *ремiынь*, что у Лемковъ близь г. Лиско на мѣстѣ укр. *і*, вр. *о* слышится (какъ часто?)

---

[1]) Головацкій, Пѣсни, I, 85, 130, 149, 171, 173, 196, 232, 335; II, 35, 95, 116, 133, 145; III, 66.

[2]) Это и ниже слѣдующее обобщенія автора лишены основанія.

[3]) Зоря галицкая, ст. Торонскаго.

Digitized by Google

звукъ ӥ [1]), что какіе-то галицкіе Лемки говорятъ *бешъ*, *бе* вм. будешь, буде [2]), *абко*, *астрябъ* и т. п. вм. ябко, ястрябъ.

Теперь передъ нами говоры угорскихъ Лемковъ.

Говоръ Лаборскихъ Лемковъ (с. Лаборецъ въ Карпатахъ) имѣетъ *і* на мѣстѣ укр. *і*, вр. *о*, съ предъидущимъ мягкимъ согласнымъ (съ кое-какими исключеніями: веч*у*ръ), *ы* послѣ *г*, *к*, *х*, изрѣдка *є* вм. *я:* дэдина, шестічко (=счастье), ў вм. *л:* даже кіўко, тіўко (=колько, только), частое *дж* (откуда въ концѣ словъ *ч:* повічъ (=повіджъ), *ш* вм. *щ:* и*ш*и (=еще), твердые конечные согласные въ дватця*тъ*, пятьнатця*тъ*, формы род.-вин. *мня*, *єй*, мого и моёго, сёго, дат. ёму, моёму, мѣстн. ў нёмъ, твор. радостёў, свёў дружиночкоў (= своею), нёў (= ею), собоў, род. мн. трёхъ сыно*хъ*, 1 л. ед. ма*у*, ма*ву* и маў (= маю), 3 л. мн. ма*ву*тъ (= маютъ), упряга*ву*тъ, 1 л. мн. на *ме*; глаголы на *ати* могутъ имѣть формы наст. вр. на *-амъ*, *-ашъ*, *-атъ*, *-аме*, *-ате*; *што*; нарѣчія добр*і* и т. п.; выраженія: цы добрі *єсте* днёвали, дали бы *єсте* [3]).

Говоръ с. Маковицы, повидимому, тотъ же, что въ сосѣднемъ съ нимъ Лаборцѣ. Отмѣчено: повічъ (=повіджъ), *божя* (им. ж. р.), к*ы*рви (=крови, род.), формы род едно*й* страны, дат. *мі*(?), вин. *єй*, *ю*, твор. на *оў*, 1 л. ед. збир*амъ*, 3 л. збир*атъ*, 2 л. мн. збир*ате*; *што*; *в*но=оно; прош. вр.: єсь утонула [4]).

Кажется, въ этомъ говорѣ иногда встрѣчается, рядомъ съ *і* на мѣстѣ укр. *і*, вр. *о*, также *у:* дв*у*ръ, н*у*чъ и т. п. [5]).

Вѣроятно, мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ говоровъ угорскихъ Лемковъ въ говорѣ, описанномъ И. И. Срезневскимъ. Его особенности: *и*, не смягчающее предъидущаго согласнаго, послѣ гортанныхъ *ы*—на мѣстѣ укр. *і*, вр. *о:* д*и*мъ (=домъ), с*и*ль, в*и*къ, г*ы*ркый, к*ы*рка (=корка) [6]); *і* на мѣстѣ *ѣ* и укр. *і*, вр. *е* (между прочимъ въ с*і*рота, с*і*діти, д*і*тина); *ы*, отличающееся

---

[1]) Ogonowski, Studien, 26, 28 (дифтонгъ *іы* передается черезъ *jы*).

[2]) Труды, VII, 511.—По Огоновскому (Rozprawy, 80), формы *бу*, *бешъ*, *бе*, *бемъ*= буду и т. д.: тіле *бе* корову ссау, ви *бете* робили,—слышатся «въ Яворовскомъ повѣтѣ».—Коперницкій указываетъ у Лемковъ формы прошедш. вр. на *лъ* (т. е. съ сохраненнымъ *л*).

[3]) Науковый сборникъ 1865 г., вып. 2 и 3, ст. Кралицкаго. Отсюда тексты перепечатаны Головацкимъ, Пѣсни, IV, 412 сл., причемъ исправленъ языкъ (въ Наук. Сб., напр., просять, у Гол. просятъ).

[4]) Головацкій, Пѣсни, II, 699 сл. Еще (изъ «Маковицкаго края») III, 418 сл.

[5]) Де-Волланъ, Угро-русскія народныя пѣсни, Спб. 1885. Здѣсь изданъ сборникъ пѣсенъ, составленный учителемъ въ Маковицѣ Гладоникомъ, съ спорадическимъ *у* вм. укр. *і*, вр. *о*. Къ сожалѣнію, эти пѣсни, какъ и всѣ другія у Де-Воллана, очень дурно записаны и не имѣютъ точныхъ датъ. Сходные по языку тексты (тоже съ *у*) въ сборникѣ Дешка, Зап. И. Р. Геогр. Общ. по отд. этн., I, 1867.

[6]) По Семеновичу, кынь—у галицкихъ Лемковъ и у Крайнянъ Шаришскаго и Спишскаго комитатовъ.

Digitized by Google

отъ *и*, на мѣстѣ вр. *ы* (между прочимъ въ *быти*, *бывати*) и послѣ гортанныхъ: *гыну*, *благый*, *кыдати*, *глухый*; глухіе гласные *ъ* и *ь* при плавныхъ, а иногда и при другихъ согласныхъ: *дрѣва*, *крѣвавый*, *крѣтица*, *врѣхъ*, *хрѣстити*, *водохрѣщи*, *рѣчю*, *дѣнь* (= день), *пѣнь*, *тепѣрь*, замѣняемые иногда черезъ *и* или *ы*: *дрива*, *хрибетъ*, *яблико*, *гиртанка*, *кирве* (род. отъ кровь), *дижжь* (=дождь); мягкія шипящія и *ц*: *жяль*, *чясъ*, *нашь*, *нашё*, *цястя*, *пшеница*; постоянное *дж*: *ходжу*, *меджо*, *чюджий*; *бя* вм. *бя*: *павяный*, *памятъ*, *веремя*; отсутствіе *j* между гласными: *моа*, *моу*, *чуу* [1]); *я* въ ф. им.-вин. ср. р.: здоровья; формы им. ед. на *ый*, твор. на *оў*, им. мн. на *ы*: *волы*, *чорны*, *бідны*, дат. мн. муж. р. на *имъ*, *ымъ*, *імъ*: *волимъ*, *волойкымъ*, *хлопцімъ*, 1 л. ед. *любью*, *спью* (3 л. мн. *спьятъ*), 3 л. на *тъ* (даже *несетъ* и т. п.), 1 л. мн. на *ме*, 3 л. мн. *ходютъ* и т. п.; глаголы на *аю* спрягаются такимъ образомъ: *співаю*, *співашь*, *співатъ*, *співаме*, *співате*, *співаютъ*; формы прош. вр.: *быў-емъ*, *быў-есъ*, *были-сме*, *были-сте*. Еще: *j* передъ начальнымъ *о*: *jостры*й, *jовесъ*, *jорати*; *быти*, *быў* и др. безъ префиксовъ и *бути*, *буў* съ префиксами; нарѣчія *добрі* и т. п. [2]).

Говоры сосѣдей Лемковъ на юго-востокѣ Галиціи за рѣкою Сяномъ,—Бойковъ, въ большинствѣ различающіе *і*, *и* и *ы*, имѣющіе *і* на мѣстѣ укр. *і*, вр. *о*, имѣющіе *ы* послѣ *г*, *к*, *х* и сохраняющіе *я*,—въ частностяхъ намъ мало извѣстны [3]).

Говоръ с. Розгорчья, Стрыйскаго округа: *ў* вм. *л* въ *горіўка*, *въя*, *мя* вм. *вя*, *мя* въ *мовлятъ*, *имя*, мягкое *р* (даже: *господарь*), частое *дж*, *дз* въ *дзвінъ*, твердое *л* въ *тілце*, формы дат. *єму* и *му*, твор. на *оў*, им. ед. *плечі*, *калинові мосты*, 3 л. на *тъ*, 1 л. мн. на *мо*, возвратн. зал. съ *ся* какъ послѣ, такъ и передъ глаголомъ. Еще: *вона* (=она), *вколо*; *що*; *буў* [4]).

Говоръ с. Тишевницы, того же округа (недалеко отъ Розгорчья): *дж*, *дз* въ *дзвінъ*, *вля* вм. *вя*: *мовлятъ*, 3 л., формы род. *ёго*, *го*, дат. *ёму*, дат. на *ови*, твор. на *оў*, 3 л. на *тъ*, 1 л. мн. на *ме*, 1 л. мн. повел. *ходімъ*, неопр. н. на *ти* и на *тъ*; *дъ*, *идъ*=къ: *идъ нимъ* [5]).

Говоръ с. Синеводска, того же округа (недалеко отъ Розгорчья и Тишевницы), отличается отъ предъидущихъ говоровъ употребленіемъ мягкаго *т*

---

[1]) По тому же Семеновичу, у всѣхъ угорскихъ Русскихъ рядомъ съ ф. 1 л. ед. зна*у*—ф. 2 л. зна*ешь*.

[2]) Срезневскій, Русь угорская (Вѣстникъ И. Р. Географ. Общ., ч. IV, 1852 г.).

[3]) О территоріи Бойковъ въ Галиціи см. у Головацкаго и у Коперницкаго. Коперницкій считаетъ говоры Бойковъ болѣе другихъ горскихъ говоровъ близкими къ украинскому.

[4]) Головацкій, Пѣсни, II, стр. 14, 18, 21 и др.

[5]) Тамъ же, IV, стр. 12, 14, 16 и др.

Digitized by Google

вм. *к* (твердаго): паненьтё (=паненько, зв.), господароньтю (=—ку, зв.), службоньтю (вин.), сыноньті (им. мн.). Еще: очень рѣдкое *є* вм. *я*: глєдàє, спорадическое *у* вм. неударяемаго *о*: *у*бувàў, *вл* въ здорòвлечко, *дж*, твердое *и* въ оконцы, дверцы (твор. мн.), формы род. *ёго*, дат. *ёму*, *му*, дат. на *ови*, 3 л. на *тъ*, 3 л. ед. возвр. з. ся кланятъ, выхвалюєся, 1 л. мн. на *ме*, 3 л. мн. повідаутъ, шиутъ, выхапуутся. Также: *в*на (= она); *що; итъ* ній (= къ ней) [1]).

Въ говорѣ с. Славска, того же округа (близь угорской границы) отмѣчены формы дат. *ёму*, 3 л. на *тъ* (волатъ и т. п.), 1 л. мн. на *мо*; *що* [2]).

Въ говорѣ дер. Козёвы, того же округа, близь Славска, отмѣчены формы род. *ёго* и *го*, дат. *ёму*, твор. на *ою*, *оў*, *омъ* и *овью*: бідочкомъ (= бѣдою), горовью, друговью (= горою, другою), 1 л. ед. маў, 1 л. и др. пію и т. д., 3 л. ся гніватъ, 1 л. мн. на *мо*, возвр. з. укриюся, летсі (= льется); пол. формы прош. вр. и сосл. н.: *би мъ* казаў; *в*на; *що*; *дъ* ні (=къ ней) [3]).

Говоръ глухой горной деревушки Лёлинъ извѣстенъ намъ больше другихъ (ея населеніе, по словамъ наблюдательницы, ничѣмъ не отличается отъ другихъ Бойковъ). Мы не имѣемъ указаній на то, что въ немъ есть различіе между *и* и *ы* (хотя бы только послѣ гортанныхъ). Въ немъ отмѣчено: *і* изъ *о*, *е* болѣе частое, чѣмъ въ собственно-галицкомъ говорѣ: кріліўна (= королевна), пріпью (= пропью), міду (род. отъ мідъ=медъ), ў вм. *л* частое: сокіў, міўкий, горіўка, стріўба (=стрѣльба); *дж* частое: виджу и т. п., но межа (им. ед.), межи (нарѣчіе); шипящіе передъ *а* мягкіе: жяти, лежяти, діўчята, чясто, щясливий; конечныя *ц* и *с* твердыя: хлопецъ, єсъ казаў. Еще: *я* въ ф. им.-вин. зіля, весіля, мягкое *р*, *мъя*, *пъя* вм. *мя*, *пя*: румъяний, пъятий, твердое *л* въ сіделце, очень рѣдко *и* вм. *е*: чипецъ. Формы: им. ед. прилагательныхъ на *ий*, *ая* (и *а*), *оє* (и *е*), род. *мня* и *ня*, єго и *го*, твеі, дат. на *ови*, дат. *ми*, *ти*, *си*, твор. на *оў*, мѣстн. на конѝ, въ вінцѝ, о души, им. мн. огні, крегўле (рѣдко), 1 л. ед. топлю (при поправляти, поправленъ и т. п.), 3 л. на *тъ* (3 л. ед. изрѣдка на *атъ*), 3 л. возвр. на *еся*, 1 л. мн. на *ме*: дамé (рядомъ, рѣже, на *мо*), 2 л. мн. повел. на *тъ*, возвр. зал. *ся* кланяю; формы прош. вр. *єсъ* казаў, що-*съ* казаў; *в*на (=она); *ві* - вм. *ви* - ; *ідъ* ній (=къ ней) [4]).

---

[1]) Тамъ же, II, 22; IV, 3, 17, 66—68 и др.—Мягкое *т* вм. *к* (твердаго) есть у Бойковъ и въ другихъ мѣстахъ, а также въ с. Дулѣбахъ, подъ г. Стрыемъ: доньтя, малéньтій (им.-ед.), соненьтё. Ogonowski, Studien, 65.

[2]) Тамъ же, IV, 53 (данныя, кажется, сомнительнаго достоинства).

[3]) Житецкій, Оч., стр. 329.

[4]) Zbiór, X. Этотъ говоръ очень близокъ къ говору текстовъ откуда-то изъ Стрыйскаго округа, изданныхъ Головацкимъ (Пѣсни, II, 572—624), также сохраняющему *я* (въ немъ еще: фістъ).

Digitized by Google

О говорѣ (или говорахъ) сосѣдей Бойковъ на юго-востокѣ Галиціи, Тухольцевъ [1]), мы знаемъ лишь то, что онъ близокъ къ говорамъ Бойковъ [2]).

Говоры сосѣдей Бойковъ и Тухольцевъ на угорской сторонѣ Карпатъ, Верховинцевъ, повидимому, очень близки къ говорамъ Лемковъ и Бойковъ [3]). Между ними есть имѣющіе спорадическое *у* на мѣстѣ укр. *і*, вр. *о*: н*у*жка, ов*у*нъ (=онъ), при *і* на мѣстѣ *ѣ* и при формахъ твор. на *оў*, 3 л. ед. на *атъ* (кох*атъ*) 1 л. мн. на *ме* [4]).

Говоръ сосѣдей Тухольцевъ на юго-востокѣ Галиціи, Гуцулòвъ [5]), въ Коломыйскомъ округѣ близокъ къ собственно-галицкому. На существованіе въ немъ рядомъ звуковъ *и* и *ы* и на употребленіе *ы* послѣ гортанныхъ нѣтъ указаній (напротивъ: х*і*ба, висок*і* гори и т. п.). Онъ имѣетъ *є* или *ä* изъ *я*: *є*къ, тр*є*сỳ, ў*з*єти, п*є*ниц*є*ми (твор.), мн*є* (вин.), ж*ä*ль, ш*ä*пка, пташ*ä*, ч*ä*съ, віряджäти, рядомъ съ *я* и рѣдкимъ *і*: прис*і*гати, изрѣдка *к* вм. *т*: к*є*жко, мягкіе шипящіе: *щ*ясли̇вий, Пòль*шя*, и̇н*шя*, *щ*ё или *ш*ё (*ш* вм. *щ*, =що), *чю*ти; сверхъ того: горіўка, горі*в*очка, мягкое *р* (даже ко*р*ьчма; но тепе*р*ъ, ца*р*ъ), частое *дж* (но чу*ж*ий), твердое конечное *с*: де-*съ* (гдѣ-то), *бъя* вм. *бя*: голỳ*бъє*, твердое *л* въ си*л*но, *ф* въ *ф*істъ, *ф*уска (=хустка), *т* въ ді*т*ько. Формы: им. ед. на *ий*, род. мое*й*, дат. *ми*, *ти*, *си*, *єй*, твор. на *оў* (при *ою*),

---

[1]) «Въ темныхъ горахъ нашихъ Бозкидовъ, въ сторонѣ протягаючойся отъ Самборскаго обвода до Станиславовскихъ верховъ, лежитъ земля давнѣйше Тухольщина названа». Львовянинъ, мѣсяцословъ на рокъ 1861, Львовъ, стр. 22. Еще о территоріи Тухольцевъ см. у Коперницкаго.

[2]) Говоры ближайшихъ къ Лемкамъ, Бойкамъ и Тухольцамъ Галичанъ-долинянъ должны быть болѣе или менѣе близки къ говорамъ сосѣдей-горцевъ. По Торонскому, различіе между *и* и *ы*, «хотя не такъ рѣзко, якъ у горняковъ, все однакъ и у подолянъ замѣтно... Коло Перемышля, напр., *ы* не выговорюесь такъ низко, якъ въ горахъ, все однакъ низше, чѣмъ *и*, которое сновь здѣ тоньше звучитъ, якъ въ горахъ (т. е. по-галицки), и въ якій-сь способъ протягаеся». Зоря гал., стр. 425.

[3]) Галицкіе Бойки никогда не называютъ себя Бойками; они любятъ называть себя Верховинцами. Нѣкоторые изъ угорскихъ Верховинцевъ слывутъ подъ именемъ Бойковъ, хотя сами не примѣняютъ его къ себѣ. Срезневскій, Русь угорская, стр. 8.

[4]) Де-Волланъ, Угро-русскія нар. пѣсни. Здѣсь рядъ пѣсенъ, помѣченныхъ вообще Верховиною, и сборникъ верховинскихъ пѣсенъ, составленный Бачинскимъ. Къ сожалѣнію, по нимъ трудно составить ясное понятіе о говорахъ. Границы верховинскихъ говоровъ (съ *і* въ к*і*нь и т. п.) на западѣ указаны въ ст. Петрова (Ж. М. Нар. Пр.), стр. 455.

[5]) «Въ восточно-полудневой сторонѣ нашого краю, межи Днѣстромъ отъ полночи а Угорщиною отъ полудня, розпростерлася землиця—прекрасне Покутье; а въ остатномъ въ сторону полудневу глубоко втисненомъ его закутѣ, помежи рѣками бѣлымъ Черемошомъ та потокомъ Путыловъ отъ всходу а Ломницевъ отъ заходу,—засѣвъ огромный велетъ зъ гранитовымъ хребтомъ;... Карпаты покутскіи—то,... а въ тыхъ... красный, гожій, дородный родъ верховинскій, Гуцулы». Львовянинъ, мѣсяцословъ на рокъ 1861, стр. 46—47. О территоріи Гуцуловъ въ Галиціи и въ Буковинѣ еще см. у Головацкаго и у Коперницкаго.

Digitized by Google

им. мн. ж. р. кашове (отъ каша), юшкове, 1 л. ед. робю, робъю, 1 л. ед. *сми* (=есмь): казаў-*сми*, прош. вр., 3 л. ед. на *тъ* (изрѣдка: несетъ и т. п.), 3 л. ед. возвр. з. даєсє, даєсі, даесе, даєси, 3 л. мн. хотя, стоє, 1 л. мн. на *мо* и на *ме* (ходили-сме), 2 л. повел. на *тъ*, буд. вр. *му* бити, возвр. зал. *сє*, *сі*, *се*, *си* кланяю; формы прошедшаго вр. *єсъ* казаў и др., сослаг. н. *бимъ* или *бихъ* казаў, *бисьте* казали (2 мн.) и др.; *о*на (=она); *щё*; *бу*ти; префиксъ *вї-*; *дъ* намъ, *тъ* собі.

О говорѣ Гуцуловъ въ Буковинѣ (около г. Выжницы) мы знаемъ лишь то, что въ немъ есть *є* изъ *я: єблоко*, *взєло* [1]).

О говорѣ Гуцуловъ на угорской сторонѣ Карпатъ, въ восточной части Марамароша, мы не знаемъ ничего.

Говоры Крайнянъ, занимающихъ сѣверо-западную часть угро-русской территоріи (въ Спишскомъ, Шаришскомъ, Земплинскомъ и Абауйварскомъ комитатахъ), сосѣдей Словаковъ [2]), заключаютъ въ себѣ очень большое количество словацкихъ словъ и формъ и, кажется, лишь этимъ отличаются отъ говоровъ сосѣднихъ Лемковъ. Изъ нихъ въ говорѣ с. Красный Бродъ (Шаришскаго ком.) отмѣчено: *і* на мѣстѣ укр. *і*, вр. *о*: *вїнъ*, *пїшоў*, рядомъ съ болѣе рѣдкимъ *у*: *пуйдемъ*, и съ *о* (по-словацки), *ы* послѣ гортанныхъ: чоботкы, ноженькы, мягкое *и* въ голубіця, на руце (мѣстн., словацизмъ), *ж* въ прохажати, формы дат. *мї*, твор. моёў милоў, панёў (отъ пані), 1 л. ед. маў, 3 л. на *тъ*; *што*; *лемъ* [3]).

А. Соболевскій.

---

[1]) Головацкій, Пѣсни, II, 460—468, IV, 109—126, 339—365 (сс. Яворовъ и Космачъ), III, 11 сл. (с. Криворовня); Житецкій, Оч., стр. 323 сл. (разныя села Колом. окр.) Варшавскій дневникъ 1892 г. № 202 (ст. Купчанка о Буковинѣ); двѣ гуцул. пѣсни въ Галичанинѣ, изд. Головацкимъ и Дѣдицкимъ, 1863 г., вып. 2-й (неизв. мѣстность). Въ текстѣ этихъ послѣднихъ: вїно, *шєсливий*, *шє* (=еще), ф. 3 л. *матъ*. При нихъ замѣчанія: «*се* вымавляє Гуцулъ вмѣсто *ся*»; «*а* и *я* въ тыхъ случаяхъ, гдѣ они отповѣдаютъ старо-славянской носовой (юсу малому), звучитъ у Гуцула рѣшительно какъ *ьє* (т. е. *є*). Навѣть въ случаяхъ, гдѣ наше *я* отповѣдае старо-славянскому *я*, выголошуе Гуцулъ иногда якъ *е*: еко вм. яко, есно вм. ясно».—Копериицкій (Zb., XIII) отмѣчаетъ какъ особенности говора извѣстныхъ ему Гуцуловъ—мягкія *к* и *г* вм. обще-малорусскихъ мягкихъ *т* и *д* (по-покутски) и мягкія *д* и *т* вм. твердыхъ передъ *е*: *дєсетий*, *тєбе*.—Огоновскій упоминаетъ, какъ о гуцульскихъ, о формахъ 1 л. ед. пустю, ходю, вїдю (=вижу) и т. п.

[2]) О Крайнянахъ см. у Де-Воллана, стр. 24.

[3]) Головацкій, Пѣсни, III, стр. 248—254. Нѣсколько пѣсенъ, помѣченныхъ вообще Крайною,—у Де-Воллана (также со спорадическимъ *у*: пудъ яворомъ, своюй милуй, съ *и* въ дрива, съ формами 1 л. мн. на *ме*, 3 л. мн. чекиувутъ).

Digitized by Google

Путевыя письма И. И. Срезневскаго къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской (1839—1842).

XXXV.

№ 24. Легницы (Лигницъ). 1840, 23-е Авг.

Наконецъ я простился съ Вратиславью—и прощался будто съ родиною. Незабвенный Пуркиня провожалъ меня до почты, Маркусъ (у котораго я бралъ уроки въ Дольно-Лужицкомъ нарѣчіи) то-же; Макерле и Шпакерле также не захотѣли остаться дома, одинъ понесъ портфейль, другой трубку и табакъ, оба рука въ руку со мною,—и Шпакерле даже шляпу свою забылъ надѣть на голову. Ни откуда, тутъ за границей, я не выѣзжалъ съ такимъ горестнымъ чувствомъ и не былъ провожаемъ съ такимъ сердечнымъ участіемъ. Не могу до сихъ поръ разогнать своей грусти: вотъ ужь вечеръ, а мы со старикомъ не ходили гулять, и дѣти нейдутъ пожелать мнѣ «доброу ноцъ»,—и я снова одинокій странникъ!

Путь мой въ Згорѣлецъ (Гёрлицъ), и я бы не остановился въ Легницахъ, если бы не услышалъ, что въ одной изъ здѣшнихъ церквей есть Славянскія рукописи. Надобно посмотрѣть, что это за вещи; а между тѣмъ познакомлюсь и съ городомъ.

Между тѣмъ—подъѣзжая къ какому нибудь городу (въ Германіи почти всюду такъ) прежде всего видишь кладбище: такъ и приближаясь къ какой нибудь Славянской землѣ не минуешь гробовъ Славянской народности... и разумѣется на землѣ болѣе могилъ нежели живыхъ людей. Тутъ то-же: еще я между Нѣмцами, еще Лужичане-Венды далеко,—а уже все напоминаетъ Славянщину — и физіогноміи, и одежды женщинъ, и архитектура домиковъ, и самые плетни, и самыя вербы и липы, идущія за Славянами всюду. Гляжу на эту страну какъ на поле: жатва уже снята, остаются сухіе корешки, а бурьянъ вылѣзъ всюду. Была-ли сжатая жатва зрѣла? уже-ли безъ паханья не выростетъ новая?—кто знаетъ!

Чѣмъ ближе къ Легницамъ, тѣмъ природа разнообразнѣе, веселѣе: лѣсу больше, есть уже и горки, и низменныя мѣста, и виды.

Digitized by Google

24-е.

Легницы лежатъ при втеченіи Черной воды въ Качу (Кацбахъ). Мѣсто довольно низко, по крайней мѣрѣ не скучное. До 7-и-лѣтней войны тутъ была крѣпость, теперь осталось только нѣсколько башень, а на мѣстахъ прежнихъ стѣнъ тянутся аллеи для гулянья. Въ серединѣ города площадь, и по срединѣ площади домъ ратуши съ разными приватными пристройками, какъ и во Вратислави, какъ и во многихъ другихъ городахъ. Улицы, расходящіяся въ разныя стороны кривыми углами, поворачиваютъ то вправо, то влѣво, то расширяются, то съуживаются, то сходятся къ одному трехугольному между-улку, то, раскланявшись одна другой, поворачиваютъ каждая въ свою сторону. Церквей три, но всѣ хороши, а Фрауенкирхе, разбитая въ 1822 году молніей и вновь отстроенная, очень хороша. Видъ съ колокольни на окрестности, особенно къ Исполиновымъ горамъ, прекрасный. На поляхъ Лигницкихъ было 4 битвы, и самая знаменитая изъ нихъ—съ Татарами; до сюда доходили они, были разбиты, и поворотили назадъ. Легницы сдали лучше нежели сблизи: домы большею частію грязны, малы, некрасивой формы: есть пословица, что мертвымъ въ Легницахъ лучше нежели живымъ (Die Todten leben in Liegnitz besser als die Lebendigen). Кладбища въ самомъ дѣлѣ милы: хорошенькіе памятники, окруженные цвѣтами и деревьями, разставлены рядами, а между ними тянутся дорожки, усыпанныя пескомъ, обшитыя лентами резеды. Легницы славятся своими огородами (Kräutereien): вокругъ города и въ предмѣстьяхъ ихъ множество. Жителей въ Легницахъ 12.000, и между тѣмъ я весь городъ и въ серединѣ и вокругъ обходилъ не болѣе какъ $^3/_4$ часа.

25-е Августа. Кинастъ.

Посреди террасы надъ крутымъ утесомъ стоящимъ на горѣ, возвышающейся надъ моремъ на 1600 футовъ, т. е. почти 230 саженъ, разставлены столы и лавки, какъ всюду въ лѣтнихъ кофейныхъ домахъ, а за ними кто читаетъ, кто пьетъ кофе или пиво, кто любуется видами, Я пишу, и тоже пью кофе, и курю трубку, и любуюсь видами. Маменька! да пожалуйте сюда! Разсказать, право, не умѣю, а очень, очень хорошо. Направо, сквозь пихты и развалины замка, подъ стѣнами котораго я сижу, видны Исполиновы горы, лѣвѣе и далѣе кругомъ обширная равнина, покрытая горами, рощами, лѣсами, деревнями.... вонъ и Гернсдорфъ, изъ котораго я поднялся на Кинастъ, вонъ и Вармбрунъ, откуда я пришелъ въ Гернсдорфъ, вонъ и Гиршбергъ, откуда я пришелъ въ Вармбрунъ, вонъ чуть видна и дорога, по которой я ѣхалъ въ Гиршбергъ изъ Легницъ. Исполиновы горы хоть и близко, но уже покрываются фіолетовою тѣнью, и солнце спускается къ нимъ, освѣщая дорожку,

Digitized by Google

по которой я пойду въ горы. Проводникъ стоитъ сзади меня и ждетъ. Гдѣ ночевать буду, не знаю; а гдѣ буду ночевать, тамъ и раскажу болѣе. Теперь буду любоваться: окрестность горитъ, освѣщенная послѣдними лучами солнца, и глаза горятъ радостью, глядя на дивную картину. Кинастъ гора и замокъ. Замокъ построенъ въ XIII столѣтіи, разбитъ былъ молніей въ 1675 году и съ тѣхъ поръ остается развалиною. А вотъ пафъ... и эхо Исполиновыхъ горъ повторило выстрѣлъ семь разъ.

Маріенталь.

Маленькая комнатка, заваленная разнымъ хламомъ; по срединѣ столикъ, на столикѣ стаканъ со сливками, черный картофель и масло, пять букетовъ цвѣтовъ, подаренныхъ мнѣ дѣвочками, у которыхъ я купилъ малины и грушъ на зильбергрошъ, когда взбирался на Кинастъ, далѣе тоненькій огарочекъ, ближе портфейль и моя рука; подлѣ столика кровать только что внесенная и на которой я надѣюсь славно заснуть послѣ 2-хъ часовой ходьбы между горъ; вотъ гдѣ я. Съ одной стороны подъ бокомъ большая комната, гдѣ при свѣтѣ лучины десятка полтора мужиковъ пьютъ пиво и водку, а въ углу съ огаркомъ, подобнымъ моему, ужинаютъ путешественники, подобные мнѣ; съ другой стороны въ маленькой комнаткѣ куча путешествующихъ дамъ, болтовня и хохотня; подо мною музыка и танцы, потому что сюда зашли Тирольскіе музыканты и поселянки хотятъ поплясать. Моя комнатка не остается пустою: то старикъ хозяинъ придетъ искать чего нибудь, то старуха хозяйка, то служанка, то всѣ вмѣстѣ. А между тѣмъ огарокъ догораетъ; придется объясненія отложить до завтра. Добрая ночь.

26-е Авг. Еще въ Маріенталѣ.

Шестаго половина. Я всталъ, выспавшись прекрасно. Свечера меня убаюкали говоръ, музыка и топотня танцующихъ; а проснувшись ночью, я слышалъ Тирольскія пѣсни и подъ ихъ оригинальныя мелодіи заснулъ опять.

Скажу же нѣсколько словъ о моемъ теперешнемъ путешествіи. И во Вратислави, и въ Легницахъ я то и дѣло слышалъ о путешествіи и путешественникахъ по Силезскимъ горамъ: Король Саксонскій прошелъ черезъ нихъ недавно въ роли ботаника; наша Императрица съ Ольгой Николаевной, Лейхтенбержскими и вся Прусская королевская фамилія также тамъ; ждутъ и Императора; и на водахъ Вармбрунскихъ гостей много, и отовсюду сходятся путешественники полюбоваться Исполиновыми горами. Какъ не пожертвовать парой дней, чтобы видѣть ихъ, когда я такъ близко. Оставивши въ Легницахъ у одного изъ знакомыхъ мой багажъ, вчера въ два часа утра я сѣлъ въ дилижансъ и къ 10 часамъ былъ уже въ Гиршбергѣ. Отсюда до Вармбруна

Digitized by Google

съ небольшимъ часъ ходьбы, а если бы ждать, то бы надобно было ждать до 2 часовъ пополудни и пропадать со скуки: я пошелъ пѣшкомъ, и въ четверть 12-го былъ въ Вармбрунѣ. Часть общества была въ концертѣ, другая гуляла. И я сталъ гулять. Центръ Вармбруна есть площадка передъ гостинницей Чернаго Орла: у Чернаго Орла останавливаются лучшіе гости, у него же собираются обѣдать, а противъ него аллея ведущая къ театру и такъ называемой галлереѣ, и по бокамъ аллеи лавочки съ разными товарами, начиная отъ грошеваго куска мыла до Турецкой шали. Я гулялъ до часу, до звонка, скликающаго у Чернаго Орла къ обѣду; потомъ обѣдалъ. Гулянья и обѣда было достаточно, чтобы узнать хоть сколько нибудь Вармбрунское общество и городъ. Домики малы, но уютны и большею частью убраны внутри и снаружи очень мило. Гости, пріѣхавшіе на воды, составляютъ большую часть населенія, и живутъ тѣсно, впрочемъ болѣе на открытомъ воздухѣ: вотъ напр. домикъ въ 2 окошечка, окруженъ цвѣтникомъ, подъ окнами стулья и столикъ, вокругъ него цѣлая сѣмья, кто работаетъ, кто читаетъ газеты или книжку, дѣти играютъ подъ деревьями. Одѣты всѣ щеголевато. Болѣе всего слышенъ Нѣмецкій языкъ; нерѣдко слышенъ и Польскій; Французскій очень рѣдко. За столомъ было до 150 особъ, садятся по фамильно, всѣ вольны, но знакомства холодны.—Насмотрѣвшись на Вармбрунъ и Вармбрунцевъ, полюбовавшись Исполиновыми горами, поднимающимися за Вармбрунской долиной, я надѣлъ портфель черезъ плечо и пошелъ въ Гернсдорфъ, а оттуда въ Унтер-Кинастъ. У подошвы Кинаста и по дорожкѣ ведущей на Кинастъ, уже идешь не одинъ: проводники, которыхъ и тутъ и вообще въ горахъ много и отличены особенною одеждою идутъ съ вами, напрашиваясь вести васъ въ горы; путешественники попадаются на каждомъ шагу; дамъ, разумѣется не бѣдныхъ, несутъ носильщики на носилкахъ; а тутъ и мальчики и дѣвочки съ малиной, съ грушами. Выбравши проводника (ему платятъ обыкновенно около 2-хъ рублей въ сутки) я передалъ ему свой мекинтошъ и портфейль и пошелъ далѣе. Куда я дошелъ, вы уже знаете. На Кинастѣ я обходилъ развалины замка, всходилъ на башню и пр. Дорога отъ Кинаста до Маріенталя тяжела: идешь съ горы на гору по каменистымъ дорожкамъ, переходя ревущіе ручьи, лѣса... И все это еще цвѣтки.—Однако пора въ путь. Лучше отдыхать на пути когда устанешь, нежели тутъ тратить время. —

Цакенфаль.

Въ двухъ часахъ пути отъ Маріенталя; впрочемъ мой проводникъ такъ бѣжитъ впереди меня, что мы сдѣлали этотъ переходъ въ часъ. Я сижу теперь въ лубочной бесѣдкѣ; водопадъ гремитъ въ нѣсколькихъ шагахъ, падая

Digitized by Google

съ вышины 120 футовъ, разбиваясь три раза о скалы. Онъ падаетъ въ ущелье, окруженное скалами какъ стѣнами и тамъ на днѣ бѣжитъ черезъ камни. Пихты надъ ущельемъ, пихты въ ущельи; природа дикая и прекрасная. Я сходилъ на дно ущелья, чтобы лучше видѣть водопадъ и весь обрызганъ былъ пылью водопада... Обыкновенно потокъ бываетъ сверху запруженъ и воды падаетъ мало; но по желанію путешественника воду пускаютъ на волю, и водопадъ загремитъ, зареветъ, обольется пѣною. Это же стоитъ всего одинъ зильберггрошъ.

По дорогѣ изъ Маріенталя сюда я заходилъ на Рабенштеинъ. Это двѣ гранитныя стѣны, между которыми въ глуши лѣса бурчитъ потокъ Цакенъ. И этихъ видовъ было бы довольно, чтобы идти въ Исполиновы горы.

На память я купилъ у Цакенфаля табакерку изъ Кингольца съ видомъ водопада.

Neu Schlesische Baude.

Это еще первая буда, которую встрѣчаю я на пути; но ихъ тутъ въ горахъ множество. Такъ называется отдѣльно стоящій горный домикъ, безъ двора, безъ пристроекъ. Остатокъ Славянства, по крайней мѣрѣ, по названію.

И я уже на высотѣ 3600 футовъ слишкомъ надъ моремъ. Переходъ отъ Цакенфаля былъ невеликъ, но въ это время я поднялся вверхъ почти на 300 сажень. Маріенталь лежитъ подъ ногами и за нею далеко, далеко равниною горы и долины, полуподернутые туманомъ. Небо какъ будто выросло надъ головою. — У дверей бесѣдки, гдѣ я сижу, пишу и пью молоко, играютъ 2 дѣвушки на арфахъ, разумѣется въ ожиданіи зильберггроша. Дамъ, дамъ, лишь бы перестали: играютъ порядочно, но мелодія такая прѣсная, Нѣмецкая, что смотрѣть на горы, любоваться природой и слушать ее просто непристойно... Ба... заиграли другое... польку... поютъ... по Чешски...—Чехи какъ будто родные мнѣ. Я выпрыгнулъ изъ бесѣдки, спрашиваю, какъ онѣ, эти дѣвушки, попали сюда. Отвѣтъ: живутъ здѣсь, тутъ и родились, отецъ умеръ, а Нѣмцы, у которыхъ онѣ живутъ, ихъ родныя. Вмѣсто одного зильберггроша я далъ два. Въ знакъ благодарности они все еще играютъ и поютъ Чешскія пѣсни. Буду же и я въ знакъ благодарности слушать ихъ.

Schneegrubenbaude. Полдень.

Все далѣе въ горы, все выше въ горы. Я вовсе не усталъ; но поднимаясь все выше и выше дышешь тяжело, сгибаешь колѣни и наконецъ падаешь или по крайней мѣрѣ садишся; впрочемъ я вовсе не усталъ.

Переходя черезъ Рейфенштеинъ, я былъ на высотѣ 4300 футовъ надъ моремъ. Немного далѣе Кваркштеинъ. Сѣвши тутъ отдохнуть на камнѣ, я

Digitized by Google

любовался видами въ одну сторону на Силезію, въ другую на Богемію. Тутъ граница между ними. И какъ чудно я сидѣлъ: сидѣлъ на камнѣ, принадлежащемъ Императору, а ноги мои опирались на камень, принадлежащій королю. Далѣе я проходилъ мимо Тафельштейна, на которомъ, какъ говоритъ преданіе, колдунъ Рюбецаль, о которомъ тутъ ходитъ много сказокъ, обѣдывалъ съ своей почтеннѣйшей супругой.

Далѣе идучи все по границѣ, я дошелъ до истока Эльбы. Въ обширной равнинѣ течетъ маленькій свѣтлый ручеекъ, выходя изъ колодца, подлѣ котораго стоитъ лачужка: вотъ истокъ Эльбы. Вода прекрасная, но болѣе ничего.

Въ четверти часа отсюда, ниже, Эльбскій водопадъ. Надъ водопадомъ лачужка. Чтобы видѣть водопадъ, надобно спуститься на дно оврага. Я спустился, сѣлъ, воду пустили на волю,—она взревѣла, широкимъ волнисто-снѣжнымъ платомъ рванулась внизъ и образовала вокругъ себя туманную атмосферу. Солнце выглянуло изъ-за облака, и эта пыль тумана покрылась радужнымъ блескомъ. Зрѣлище единственное. Природа у Цакенфаля дикая, но нѣтъ видовъ, и вотъ почему тамъ болѣе любуешся самимъ водопадомъ, а тутъ видами на дикія скалы, голыя, покрытыя мохомъ или влагой, и тянущіяся вѣтвеобразно далѣе и далѣе.

Оставивши Эльбу влѣво, я сталъ подниматься къ Гогенраду и послѣ тяжкаго перехода черезъ горы по темени ихъ, такъ что ни Богемія ни Силезія не скрывались ни на минуту, пришелъ сюда. Буда Шнеегрубенская—очень милый домикъ въ вкусѣ русскомъ. Обѣдъ былъ невеликъ, но хорошо приготовленъ. Послѣ обѣда я спускался въ глубокій оврагъ посмотрѣть на снѣгъ, остающійся тамъ цѣлый годъ, и самъ удивлялся своей смѣлости: стоило оступиться, чтобы навсегда пропасть. За то какъ смотришь на людей вверху снизу, такъ кажутся мухами. Эхо поетъ. Я закричалъ: «Маменька!»—и горы повторили: анька.—Тутъ есть и телескопъ. О видахъ ни слова: чѣмъ выше на горы тѣмъ виды обширнѣе. Довольно сказать, что смотришь горизонтально, и видишь землю, а не небо; поднимаешь глаза еще выше, и все еще земля, а потомъ, гдѣ земля, гдѣ небо—не знаешь—слилось.

Снѣжка, т. е. по-Нѣмецку Schneekoppe.

Таки добрался, куда хотѣлъ. Я на Снѣжкѣ, на возвышеннѣйшемъ пунктѣ Исполиновыхъ горъ, въ 5000 футовъ надъ моремъ, или по русски безъ малаго въ полуторѣ верстѣ. И вотъ какъ я добрался сюда.

Прежде всего надобно было перейдти черезъ Гогенрадъ. Два раза отдыхалъ я пока взошелъ на эту вышину 4650 футовъ. Дорожка есть, но что это за дорожка! Обломки скалы, на которыхъ вмѣсто моха слѣды человѣче-

Digitized by Google

скихъ ногъ. Прыгаешь съ камня на камень то вправо, то влѣво, и съ каждымъ прыжкомъ на футъ выше. Похвастаюсь при этомъ случаѣ: обыкновенно дѣлаютъ тутъ путешествіе по горамъ съ помощью порядочнаго костыля, и почти въ каждой будѣ можно купить готовый,—и проводникъ мой еще вчера вырѣзалъ себѣ костыль и идетъ опираясь о него; я же положилъ себѣ вчера же начать путь, вести и кончить, не имѣя въ рукахъ ничего. Взбираясь на Гогерадъ не разъ я чувствовалъ необходимость костыля и опирался на свои колѣни; но тотчасъ вспоминалъ, что это противъ условія,—и выпрямливался. Что-жъ, ничего! Все дѣло возможное. Гогерадъ есть высшій пунктъ въ этихъ горахъ послѣ Снѣжки. Взобрался на Гогерадъ, взобрался и на Снѣжку безъ палки.—Видъ съ Гогенрада—само собою разумѣется каковъ. Чудный да и только. Что до природы, она уже другая: хоть день и свѣтлый и слѣдовательно внизу жаркій, хоть потъ съ лица капалъ тяжелыми каплями, но вовсе не отъ жару; напротивъ—прохладно, и эта прохлада освѣжаетъ силы. Вчера и сегодня утромъ я былъ еще въ лѣсахъ пихтовыхъ, еловыхъ и т. п., въ странѣ, гдѣ сѣютъ и жнутъ; тутъ уже не то: собираютъ прекрасную траву, но хлѣбъ не растетъ, а вмѣсто деревьевъ ползучій кустарникъ, жирной, низенькій, что-то въ родѣ гигантскаго моха. Кстати о мохѣ: и самъ не знаю какъ сталось, только моя шапка украшена пышнымъ вѣнцомъ изъ моха. Не знаю кто вздумалъ это сдѣлать въ Шнеегрубен. будѣ; впрочемъ не я одинъ несу на себѣ это горное украшеніе: каждый кто прошелъ черезъ горы, ворочается съ нихъ въ вѣнцѣ. Милый обычай.—

Поднявшись нѣсколько разъ на гору и спустившись съ нея, я подошелъ къ Петерсъ Баудѣ. Еще я шагахъ во ста отъ нея, а уже слышу музыку, взглядываюсь, и вижу у буды—6 музыкантовъ, встрѣчая меня, играютъ привѣтственный маршъ. Очень хорошо; но тутъ не отдѣлаешься зильбергрошомъ. Почесалъ за затылокъ и далъ 5, да и далѣе.

Черезъ четверть часа пришли мы къ Штурмбаудѣ. Подхожу къ ней и опять слышу музыку и пѣніе. Вхожу—говорятъ по Чешски, поютъ по Чешски,—и тутъ старичокъ, двѣ дамы, нѣсколько человѣкъ простаго народа, а въ центрѣ мальчишка съ арфою играетъ польку и поетъ подъ нее Чешскую пѣсню, мнѣ знакомую. Я взошелъ и сталъ также пѣть. Дамы очень рады были встрѣчѣ съ человѣкомъ говорящимъ по Чешски. Въ двѣ минуты я былъ и съ ними и съ ихъ старичкомъ знакомъ какъ нельзя лучше. «Будемте же танцовать польку!» закричала одна дама, подбѣгая ко мнѣ. Будемъ! и начали: я съ одною дамою, старичекъ съ другою, мужики съ поселянками. Пыль подняли столбомъ, хохотъ къ небу. — Тѣмъ грустнѣе было разставанье: я шелъ на Снѣжку, дамы со Снѣжки. Пожелали другъ другу добраго пути и разстались.

Digitized by Google

XXXVI

№ 25. Сгорѣлецъ (Görlilz) 6-е Сент. 1840.

Такъ я, какъ видите, душенька Маменька, въ Сгорѣльцѣ; живу тутъ уже недѣлю, и останусь еще недѣли на двѣ. Иначе нельзя: кандидатъ богословія Смоларь [1]), что въ Нѣмецкомъ переводѣ Шмалеръ, учитъ меня Горно-Лужицкому нарѣчію, а между тѣмъ я перечитываю и переписываю драгоцѣнныя рукописи библіотеки здѣшняго ученаго общества и, гуляя по окрестностямъ, знакомлюсь съ остатками древности—городищами и тѣмъ, что въ нихъ отрываю. На все это нужно время и я его не трачу. Вотъ какъ оно проходитъ:—Въ 6 часовъ стучится дѣвка и приноситъ кофе: этимъ начинается мое утро. Отъ 6 до часу я, безвыходно и безвизитно, самъ себѣ дома. Ничто не мѣшаетъ, и я занимаюсь прилежно: устанетъ-ли рука писать, я ложусь на софу и читаю; а отдохнула рука, снова за перо. Утро проходитъ незамѣтно. Въ часъ иду обѣдать къ Оленю, въ концѣ втораго ворочаюсь и опять за работу до 4-хъ. Въ 4-е или я къ Смоларю, или онъ ко мнѣ. Если онъ ко мнѣ, то занимаемся до 8; а потомъ, оставшись одинъ, я занимаюсь до 10. Въ 10 ложусь, и до 11-ти читаю. Если я иду къ Смоларю, то вечеръ погибаетъ. Смоларь живетъ у Гаупта [2]), и я въ сѣмействѣ Гаупта какъ свой. Болтовня, а иногда и пѣсни и танцы и Geselschaftsspiele=фанты продолжаются до половины 11-го. Вечерній картофельный завтракъ бываетъ обыкновенно въ 8, потомъ приходятъ гости, также отужинавши, приходятъ съ чулками и трубками, и мало по малу разыгриваются. Пляшу и я. Съ тѣхъ поръ какъ я тутъ, гости у Гаупта чаще, потому что Русской въ Згорѣльцѣ—чудо невиданное.

7-е Сент.

Вчера воротился въ 11-ть, и мокрый какъ губка. Подумаете, дождь измочилъ: ничуть не бывало—плясалъ. Вчера было воскресенье. Я пошелъ къ Гаупту въ 3. Къ 5 собралось много, въ 6 заплясали и плясали до нѣтъмочи. Кавалеровъ было только четыре: Шмалеръ, совѣтникъ полиціи Кёлеръ, еще нѣкто Тейслеръ да я, а дамъ чуть не вдвое—и мадамъ Гауптъ, и мад. Кёлеръ, и мад. Тейслеръ, и мад. Директорша, и фрейлейнъ Адель (племянница Гаупта), и фрейлейнъ Августа (племянница Тейслера) и еще нѣсколько

[1]) Янъ-Эрнестъ Смоларъ (Schmaler)—самый замѣчательный и одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ представителей Лужицкаго возрожденія 1830—1840-хъ гг., глубокій знатокъ Лужицкихъ нарѣчій и Лужицкой народности. Имъ вмѣстѣ съ Гауптомъ при нѣкоторомъ участіи И. И. Срезневскаго издано обширное собраніе Лужицкихъ пѣсенъ (Pjesnički Hornych a Dolnych Lužickich Serbow wydate wot L. Hawpta a Smolerja. Grymi 1842—1843).

[2]) Гауптъ (L. Hawpt)—пасторъ, секретарь Сгорѣльскаго ученаго общества, издатель Лужицкаго Магазина—одинъ изъ дѣятелей Сербо-Лужицкаго возрожденія 1830—1840 гг.

Digitized by Google

маленькихъ. Время прошло, какъ обыкновенно, очень весело: всѣ дурачились, дурачился и я, какъ бывало дома. Не только галопировалъ и вальсировалъ, но даже съ Смоларёмъ дернулъ по Вендски, а потомъ и по Чешски польку и рейдовакъ, а потомъ и по Русски козачка.

8-е Сент.

Вчера цѣлое послѣ обѣда гулялъ: въ часъ пошелъ къ Гауптy и отъ него съ Смоларёмъ, Кёлеромъ, какимъ то докторомъ да Гауптомъ изъ города вонъ. Сначала въ деревню Эберсбахъ, гдѣ есть старинное городище, потомъ еще далѣе верстъ за 12 къ Кёнигсгайнскимъ горамъ. Какъ слоёное тѣсто выдвинулись тамъ изъ горъ гранитныя скалы и прекрасно обрисовались еловымъ лѣсомъ. Виды видали, а между тѣмъ не забыты были и поиски старыхъ вещей. Мы съ Кёлеромъ лазили по разнымъ трещинамъ, искали урнъ, и нашли много черепковъ, а я нашелъ и бронзовый браслетъ и нѣсколько кусочковъ сженыхъ человѣч. костей.

10 Сент.

Вчера опять послѣ обѣда не былъ дома, опять гулялъ. Все наше общество—до десятка дамъ, до десятка кавалеровъ, до десятка дѣтей—кто пѣшкомъ, кто въ Geselschaftswagen'ѣ, помѣщающемъ 14 особъ—отправились къ горамъ Яворницкимъ, и тамъ пили кофе, пиво, вино, ѣли хлѣбъ съ масломъ, калбасы, пироги, пѣли пѣсни, и т. д. Пили и за ваше здоровье, милая Маменька, и я былъ увѣнчанъ вѣнцомъ. Виды съ горы прекрасные. Тутъ есть и старинное городище. Туды я ѣхалъ; оттуда шолъ пѣшкомъ.

Сегодня за то ни шагу изъ дому. Утро занимался самъ, не увидѣлъ какъ прошло утро,—и обѣдъ прогулялъ—не замѣтилъ какъ ударило три часа. Что-же за бѣда. Напился кофе, да и дѣло съ концомъ. А вечеромъ со Смоларемъ напился чаю—и вовсе не голоденъ. Еще и лучше: четвертакъ въ карманѣ остался!!

12 Сентября.

Боже мой, сколько радости разомъ!—Что за радость? спросите Вы. Не опять-ли какая нибудь прогулка?—Нѣтъ, нѣтъ, лучше всякой прогулки, дороже всѣхъ мимолетныхъ знакомствъ, конечно пріятныхъ для одинокаго странника, но все таки мимолетныхъ.... Письма отъ Васъ, душенька Маменька, разомъ три (№ 6, 7, 8)—вотъ отъ чего моя радость. Такъ долго не получать (уже три мѣсяца какъ я выѣхалъ изъ Праги)—и вдругъ... Вы захотите знать, какъ я получилъ ихъ: очень легко и очень скоро: рѣшившись остаться въ Сгорѣльцѣ, я написалъ къ Доктору Станьку письмо, прося переслать все, что получено на мое имя хозяиномъ, Шафаѓикомъ и пр. Прошло дней пять-шесть и я все это получилъ—и письма отъ Васъ, и письма отъ моихъ старыхъ

Digitized by Google

друзей, и отъ разныхъ новыхъ знакомыхъ. Работы отвѣчать будетъ дня на полтора — и прежде всего вамъ:

Въ № 6 Вы повторяете, о чемъ писали прежде, что ноты получили всѣ кромѣ «Ave Maria»,—и между тѣмъ прежде писали, что получили 20 тетрадей: если получили по счету всѣ, то и «Ave Maria» тамъ, или можетъ быть вмѣсто Ave я взялъ что нибудь другое.—Такъ Листъ Вамъ не нравится? Жаль! Не потому жаль, что хорошо пишетъ (онъ и меня не восхищалъ, а только изумлялъ [1]), а потому что я могъ бы прислать другое. Лабицкаго вышло еще одно попурри: пришлю изъ Праги.—Если увидите незабвеннаго «бѣлобрысаго» Иванъ Васильевича [2]), то скажите ему, что онъ можетъ писать ко мнѣ на Шафарика въ Прагу, а я ему напишу можетъ быть изъ Др..., не скажу отъ куда, потому что мнѣ хотѣлось бы не говорить о томъ, куда ѣду, до самаго возвращенія въ Прагу: Вы, маменька, будете догадываться, а я воротясь въ Прагу буду любоваться Вашими догадками.—Къ брату я писалъ и надѣюсь получу отвѣтъ въ Прагѣ: письмо важное касательно высылки мнѣ денегъ изъ Министерства.

Въ № 7 Вы описываете Вашу переписку съ братомъ. Что я не могъ не плакать, что плакалъ и слезами радости и слезами гордости, имѣя такую мать, объ этомъ писать нечего; но не могу не повторить, что Вы, душенька Маменька, напрасно беспокоитесь обо мнѣ, о моихъ нуждахъ, о недостаткѣ денегъ въ моемъ карманѣ: не знаю, что будетъ далѣе, а до сихъ поръ, не отказывая себѣ ни въ чемъ, ни разу не грозилъ себѣ пальцемъ. Вина не пью и другихъ имъ не потчую, не наряжаюсь, въ карты не играю: только отъ этого и остерегаюсь (легко остерегаться отъ того, что для человѣка излишне). Все остальное—путешествіе, гулянье, концерты, театры, книги—стоитъ столько, что живу безъ всякаго разщету. Одно поставилъ себѣ за правило: что оставляетъ по себѣ менѣе слѣдовъ на то менѣе и денегъ.—Далѣе о издержкахъ на письма: меня удивляетъ, что Вы платите такъ дорого! я за полученіе письма плачу 14 крейцеровъ = около пяти-алтыннаго, а за отправку—20 = двугривенный. Поручите, Маменька, мнѣ отправлять Ваши письма,—и я буду платить несравненно дешевле. Впрочемъ безъ шутокъ: почта наша обманываетъ. Отправляя, платите только до границы, до Радзивилова, а остальное предоставьте мнѣ,—и увидите, что я не буду платить за полученіе болѣе пятиалтыннаго.—У васъ громы, а тутъ только дождички. За то урожай на фрукты—удивительный.

---

[1]) Въ подлинникѣ написано: «не изумлялъ, а только восхищалъ». Надстрочными цифрами порядокъ словъ измѣненъ, но по ошибкѣ вставки невѣрно. Подъ этими словами приписано: !!?!

[2]) Иванъ Васильевичъ Росковшенко, товарищъ И. И. Срезневскаго по университету; вмѣстѣ съ нимъ И. И. С-кій издалъ въ Харьковѣ въ 1831 г. Украинскій Альманахъ.

Digitized by Google

Въ № 8—описаніе поѣздки въ Ахтырку. Очень радъ, что и она и ея окрестности Вамъ понравились. Какъ-бы я желалъ быть тамъ вмѣстѣ съ Вами. Одного уже тамъ нѣтъ: добраго, почтеннаго отца Іоанна! Если увидите Чудновскаго, кланяйтесь ему, и пусть онъ кланяется всѣмъ Ахтырскимъ знакомымъ моимъ, а милой сестрицѣ поцѣлуетъ ручку и поздравитъ ее! Дай Богъ ей счастія!—Прощайте, Маменька, до завтра или послѣ завтра.

Вашъ старикъ.

XXXVII.

№ 26. Сторѣлецъ. 20 Сентября.

Работаю днемъ какъ должно; а придетъ вечеръ, прибѣжатъ дѣти Гаупта (дочь 12 лѣтъ Теодора, другая маленькая Матильда да 2 сынка Карлъ и Рудольфъ) и именемъ Маменьки говорятъ, что «картофель ждетъ». Черный картофель съ масломъ—это обыкновенный Гауптовскій ужинъ. Отужинавши садимся вокругъ стола, болтаемъ, читаемъ, играемъ въ фанты. Если соберется много, то столъ въ сѣни и начинаются танцы. О танцахъ я уже писалъ; о фантахъ еще нѣтъ. Болѣе другихъ любимы нами два:—является грифельная доска. Одинъ записываетъ на одной сторонѣ вопросъ, передаетъ кому хочетъ другому, тотъ, не зная вопроса, пишетъ на другой сторонѣ отвѣтъ,—и такъ доска ходитъ кругомъ стола. Соединеніе вопросовъ съ отвѣтами бываетъ чудное, подаетъ поводъ къ смѣху, къ другимъ вопросамъ и т. д. Другая игра: Одинъ изъ общества выходитъ вонъ изъ комнаты, остальные назначаютъ слово для разгадки, такое слово, которое не легко отгадать, то есть которое имѣетъ много значеній: напр. листъ, странникъ, перо, ручка, шея. Выходившій призывается и спрашиваетъ поочередно всякаго тремя вопросами: Гдѣ вы это любите? Какъ вы это любите? Почему вы это любите? Напр. Гдѣ вы это любите? Одинъ: подъ ногами, другой: подъ столомъ, третій: въ воздухѣ, 4-ый: въ вѣнкѣ, 5-ый: въ башнѣ, 6-й въ рукахъ и т. д. Какъ вы это любите?—1-й: желтый, 2-й: измятый, 3-й: летающій, 4-й зеленый, 5-й: старый, 6-й: большой. Почему вы это тамъ и такъ любите? 1-й: потому что люблю мечтать, 2-й: потому что мнѣ наскучило сидѣть за столомъ, 3-й: потому что напоминаетъ мнѣ о моей судьбѣ, 4-й: потому безъ него пестрота была бы непріятна, 5-й: потому что мнѣ хотѣлось бы найдти гдѣ нибудь старое новое, 6-й: потому что люблю своихъ родныхъ и друзей. Спрашивающій угадываетъ, и при чьемъ отвѣтѣ угадаетъ, тотъ заступаетъ его мѣсто. Угадали ли Вы, милая Маменька, отвѣтъ? Это 1) листъ осенній, 2) листъ печатанный 3) листъ оторванный отъ вѣтки, 4) листъ травы, 5) листъ старой рукописи, 6) листъ письма. Эта игра очень мила.

Digitized by Google

23-е.

Работы мои въ Сторѣльцѣ приходятъ къ концу: съ рукописями почти со всѣми сладилъ; сколько можно было собрать для исторіи литературы Вендской—собрано; этимологическій словарь Горно-Лужицкаго нарѣчія почти окончень.—Завтра или послѣ завтра прощусь съ Сторѣльцемъ.

А между тѣмъ начинаются прощанья.—Третьяго дни сѣмейство Гаупта ходило встрѣчать сестру г-жи Гауптъ на почту—изъ Бреслау. Отобѣдавши пришелъ и я. Въ ожиданіи мы велѣли подать себѣ кофе. При этомъ были сухари. Каждый съѣлъ по два: остался еще одинъ. «Съѣдимъ Vielliebchen!» сказала Гауптова.—Радъ, отвѣчалъ я, но прежде скажите, что это Vielliebchen?—«Съѣвши съ другимъ Vielliebchen, надобно постараться сказать ему на другой день: «guten Morgen, Vielliebchen!» прежде нежели это онъ успѣетъ сдѣлать,—и кто прежде скажетъ, тотъ выиграетъ, т. е. получитъ что нибудь на память». Очень хорошо: потчую. И такъ я раздѣлился сухаремъ съ Гауптовой, Аделью, Теодорою, Шмалеромъ и діаконшею Генрихенъ. Вчера чуть свѣтъ вбѣгаетъ ко мнѣ Теодора и кричитъ: «Guten Morgen, Vielliebchen!»—Проигралъ. Въ 9 часовъ приходитъ Шмалеръ, говоритъ «Guten Morgen»—я въ отвѣтъ «Vielliebchen, guten Morgen!—выигралъ. Дамы ждали меня цѣлое утро, и все время держали дверь на замкѣ. Въ часъ, когда я обыкновенно обѣдаю, онѣ перестали ждать, а я какъ тутъ: влетѣлъ,—и выигралъ. Смѣху было до слезъ. Я подарилъ Теодорѣ коробочку, она меня отдарила тоже коробочкой, Гауптова подарила мнѣ тоже коробочку, Адель—видъ Герлица. Другихъ подарковъ еще не получилъ. Сегодня собралось у меня до полдесятка альбомовъ.—

24-е.

Сегоднишнюю ночь я почти не спалъ: легъ въ концѣ 2-го, а всталъ въ 6. Цѣлый день занимались съ Шмалеромъ. Подъ вечеръ пришелъ ко мнѣ Гауптъ, потомъ Тейслеръ, потомъ дѣти съ «картофель ждетъ». Пошли. Послѣ ужина собрались разныя разности. Болтали, я гадалъ и смѣшилъ, предсказывая Spektakel-Geschicht'ы. Читали, что я написалъ въ альбомы. Адель знаетъ по русски одно слово «прошу»,—и я написалъ ей:

Прошу

Своихъ друзей старинныхъ вспоминая,
И обо мнѣ, Срезневскомъ, вспомнить кой-когда—
Хоть такъ: «Изъ дальняго былъ странникъ края!»
Хоть такъ: «Бывалъ намъ странникъ страненъ иногда.
Изъ памяти жъ все злое выметая,
Забыть и обо мнѣ все злое навсегда
Прошу.

Digitized by Google

Теодорѣ я написалъ:

Теодора, Теодора!
Сохранишь-ли мой листокъ?
Иль, какъ дикаго для взора,
Изъ альбомнаго узора
Вырвешь вонъ ты мой листокъ?
Теодора, Теодора,
Мой листокъ?
Теодора!

Этотъ пустякъ понравился всѣмъ такъ, что Гауптъ сѣлъ за фортопьяно, сдѣлалъ для этого музыку,—и всѣ стали пѣть по Русски, приговаривая, что Русскій языкъ очень нѣженъ и звученъ. Я и забылъ сказать, что я былъ весь вечеръ въ цвѣточной гирляндѣ. Діаконша принесла мнѣ свой Vielliebchen. Это была кожаная подкладка подъ бумагу, что бы мягче было писать. Она была свернута въ трубку и обвита прекрасною цвѣточною гирляндою. Я снялъ ее съ кожи и надѣлъ на себя черезъ плечо. Гауптова надѣла мнѣ на шею шнурокъ, который носила нѣсколько лѣтъ, говоря, чтобы я помнилъ о ней по нему, Теодора привязала къ нему букетикъ незабудокъ,—и я выглядывалъ въ этомъ уборѣ такимъ селадончикомъ, особенно когда началъ строить рожи и гадать, что всѣ помирали со смѣху.

Въ десять часовъ вечера разошлись,—а мы съ Шмалеромъ отправились ко мнѣ оканчивать словарь и работали до половины втораго.

Завтра въ путь.—Всѣ жалѣютъ, что я уѣзжаю; я также жалѣю, что разстаюсь съ Сгорѣльцемъ: городъ не видный, но жилось мнѣ въ немъ хорошо.

Завтра ѣду. Прощайте, милая Маменька! Поклонитесь всѣмъ, кто меня не забылъ. Вотъ-вотъ дни черезъ четыре будетъ годъ какъ я выѣхалъ изъ Харькова: время слишкомъ большое для человѣческой памяти. Я не забылъ никого, но это другое дѣло: можетъ быть никто болѣе странника, одинокаго разумѣется, не живетъ въ прошедшемъ.

Гауптова приказала вамъ передать свой сердечный поклонъ.—

Скажите мнѣ, Маменька, что я долженъ дѣлать: просить-ли позволенія еще на полгода остаться за границей или нѣтъ? Какъ человѣкъ, какъ сынъ, я желалъ бы въ Харьковъ; но съ другой стороны въ годъ невозможно окончить путешествій, которыя мнѣ предстоятъ. Если я буду проситься и мнѣ не позволятъ, я буду радъ; но можетъ быть буду жалѣть что не получилъ позволенія.—Самъ не знаю что дѣлать.

Да не сердятся на меня, если я пришлю свой 2-й отчетъ позже, нежели слѣдуетъ. Въ дорогѣ писать невозможно, потому что много другихъ работъ.

Цѣлую ручку Вашу.

Digitized by Google

Дороговизна писемъ заставитъ, можетъ быть, меня писать рѣже. Не безпокойтесь: я здоровъ, слава Богу, какъ слѣдуетъ [1]).

XXXVIII [2]).

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

XXXIX.

№ 28. Дрезденъ. 19-е Окт. 1840 [3]).

Угадали-ли Вы, милая Маменька, что здѣсь я начну мой № 28-й? Проѣхать мимо было-бы во всякомъ случаѣ непростительно: ворочаясь въ Прагу, я буду — можетъ быть навсегда, — прощаться съ сѣверозападнымъ угломъ Славянской Европы, въ Саксонію уже не пріѣду, Дрездена не увижу; какъ-же не заѣхать въ него?—И я пріѣхалъ сюда и я останусь здѣсь по крайней мѣрѣ $^1/_2$ мѣсяца. Тутъ отдохну отъ моихъ странствій по Лузаціи, поживу въ мірѣ художествъ; а мое Славянское дѣло будетъ идти своимъ чередомъ: время не будетъ потеряно.

Вчера, пріѣхавши въ Дрезденъ въ 6 часовъ утра, и остановившись на время въ Hotel de Pologne, я таскался часовъ 5 по городу, посѣтилъ придворнаго капеллана Грабѣту, съ которымъ познакомился еще въ первый проѣздъ мой черезъ Дрезденъ, выслушалъ обѣдню въ католической церкви, а вечеромъ былъ въ театрѣ.—Прежде всего нѣсколько словъ о Дрезденѣ. На равнинѣ въ близи горъ и украшенной гористыми берегами Эльбы, на обоихъ берегахъ ея лежитъ онъ зеръ фрейндлихъ: на лѣвомъ берегу Старый городъ, на правомъ Новый, кругомъ нихъ предмѣстія, расходящіяся по разнымъ направленіямъ все далѣе и далѣе. Красивыя, впрочемъ черныя зданія перемѣшаны съ домами чисто Нѣмецкими, небольшія, но довольно широкія и полныя жизни улицы съ переулками, грязными и глухими. Площадей много, но всѣ,

---

[1]) Приписано съ края письма.

[2]) Это письмо было напечатано въ 1 книгѣ «Живой Старины» за 1891 г.; въ немъ идетъ рѣчь о путешествіи по Сербскимъ Лужицамъ, о знакомствѣ съ докторомъ Клиномъ, извѣстномъ Сербо-лужицкомъ патріотѣ, съ Зейлеромъ, составителемъ Горно-лужицкой грамматики, со Смоляромъ и Гауптомъ.

[3]) Письмо сохранилось въ двухъ варіантахъ; печатаемъ по болѣе полному; другой помѣщенъ въ приложеніи.

Digitized by Google

кромѣ Стараго рынка или малы, или неправильны: за то ихъ такъ много, что заблудиться невозможно. Садовъ и алей еще болѣе, болѣе нежели въ предмѣстіяхъ Вѣны,—и это составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній Дрездена. Лучшимъ украшеніемъ Дрездена разумѣется остается Эльба съ ея превосходнымъ мостомъ (длиною до 600 шаговъ), съ ея живописными берегами. Словомъ: будь Дрезденъ чище, бѣлѣе и опрятнѣе, его можно бы назвать милымъ городомъ. О жителяхъ незнаю что сказать. Вчера было Воскресенье, и я видѣлъ Дрезденцевъ въ ихъ лучшихъ одеждахъ, видѣлъ разнообразіе вкусовъ и еще болѣе безвкусія: о изяществѣ простоты тутъ кажется вовсе не имѣютъ понятія. Вчера-же, искавши себѣ квартиры, я заходилъ въ очень многіе домы, и не могъ не замѣтить, что входы въ дома, лестницы, сѣни, корридоры ужасно, жалостно нечисты. Развѣ въ одинъ изъ 20 домовъ не отвратительно войдти, а въ иномъ встрѣчаешь такую вонь, что поскорѣе направо кругомъ да подалѣе. Ужъ разумѣется причиною нечистоты не что другое какъ то-же безвкусіе жителей. Безвкусіе—внѣшность безхарактерности—неотъемлемое качество Дрезденцевъ.—Католическая церковь, лучшая въ Саксоніи, въ самомъ дѣлѣ хороша. По воскресеньямъ въ 11 часовъ бываетъ тутъ торжественная обѣдня въ присутствіи короля и королевской фамиліи и съ превосходной музыкой: побывать въ это время въ церкви точно стоитъ: пѣвчіе разумѣется не чета нашимъ, но музыканты — мастера, а органъ, послѣднее твореніе Зильбермана, удивителенъ. — Театръ новый отстраивается и будетъ великъ и хорошъ; старый же покамѣстъ отмѣнно тѣсенъ и грязенъ. Взявши мѣсто въ Cercle (что у насъ называется—въ кресла), я вошелъ: смотрю на указанную мнѣ скамью, — вся полна; пробираюсь, продираюсь, ищу, нахожу свой № между двумя дамами, говорю имъ — не отвѣчаютъ; что дѣлать! вспомнилъ, что я между Нѣмцами, сказалъ: «um Entschuldigung», и сѣлъ на моихъ сосѣдокъ какъ въ кресло. Вы хохочете, милая Маменька, и называете меня невѣжею; иначе нельзя: не сдѣлай я этого, я не получилъ бы своего мѣста. Притомъ-же что страна то обычай: многое что въ Россіи показалось бы страшнымъ невѣжествомъ, тутъ не возбуждаетъ и мысли о невѣжествѣ. Еще не поднялся и занавѣсъ, а я уже былъ съ моими сосѣдками пріятелемъ... Я успѣлъ въ это время осмотрѣть публику: нарядовъ много на такъ называемыхъ дамахъ, но безвкусіе, рожи, а общество кавалеровъ не годилось бы и для Харьковскаго театра. Наконецъ занавѣсъ поднялся... раздалась скрипка Липинскаго, потомъ вышла Шрёдеръ-Девріанъ... было уже не до публики. Давали Монтекки и Капулетти, и Шрёдеръ играла роль Ромео. Ея альтъ не такъ чистъ и полонъ, какъ у незабвенной Брамбиллы, но изящество управленія голосомъ, удивительное sotto-voce, одушевленіе и притомъ драматизмъ игры, вѣрность тѣлодвиженій тѣмъ болѣе поразительная,

Digitized by Google

что въ роли мужчины не видишь женщины, восхитятъ хоть кого. Особенно превосходны сцена погребенія и весь конецъ: слышишь Липинскаго, видишь Шрёдеръ, вспоминаешь Шекспира — наслаждаешся. Жаль что Кортенъ въ роли Джульетты была слаба, если не отъ недостатка дарованія, то отъ трусости (это былъ ея дебютъ на Дрезденской сценѣ).—День окончился для меня совершенно неожиданно: выходя изъ театра, слышу русскіе голоса, оборачиваюсь —Калиновскій [1]), Берлинскій знакомецъ передо мною. «Давно Вы здѣсь?»— Сегодня пріѣхалъ; таскался по Лузаціи. А Вы?—«Недѣлю живу; былъ въ Саксонской Швейцаріи, и черезъ 2 недѣли ворочаюсь въ Берлинъ» [2]).— Пошли ко мнѣ, потомъ къ нему,—и проболтали до одинадцати.

20-е Окт.

Только что воротился изъ театра. Былъ въ немъ третьяго дня, былъ и вчера, былъ и сегодня. Вчера давали «Коварство и любовь», и дали превосходно: Девріенъ игралъ Карла, Аншюцъ—Луизу, Бауеръ—Мильфордъ,— и можно бы исчислить всѣхъ. Особенно удивительна была Бауеръ: кажется самъ Шиллеръ не могъ бы придумать лучшаго исполненія для характера леди. А Аншюцъ... глядя на нея, я вовсе забылъ, что она Аншюцъ... видѣлъ въ ней... угадаете-ли кого?—M. Fanny [3]): и физіономія, и ростъ, и походка, ну все, все какъ у Фанни, даже голосъ. Сегодня опять опера, но уже не на Итальянскомъ языкѣ, а на Нѣмецкомъ: Пуритане. Маркъ играла Эльвиру, а ея милаго—Тихачекъ. Опять чудесно, особенно музыка.—Утромъ и вчера и сегодня ходилъ въ картинную галерею. Что за галерея! Слишкомъ 2000 картинъ, и какія есть!—Прежде всего о препрославленной Рафаелевой Мадоннѣ. Рафаеля такъ хвалятъ и Рафаель такъ мало удовлетворялъ моему ожиданію, что я прежде всего пошелъ отыскивать эту Мадонну, что-бы или увѣриться, что для живописи должна еще наступить эпоха, или пасть передъ доселѣ непонятымъ мною геніемъ Рафаеля. Отыскать было не трудно: около нея всегда много зрителей... Держа на правой рукѣ Спасителя, Она паритъ на облакахъ; св. Варвара на лѣво у ногъ ея опустила глаза въ землю, папа Сикстъ на право молится — оба тонутъ въ облакахъ; въ самомъ низу, облокотившись на доску, два ангельчика смотрятъ на публику; все освящено свѣтомъ, исходящимъ отъ Дѣвы и Спасителя; въ небѣ, вверху, какъ сквозь туманъ видны тысячи ангельскихъ головокъ. Я сѣлъ, и съ полчаса смотрѣлъ, не сводя глазъ. Божія Матерь не красавица, но очень мила, и физіономія не выра-

---

[1]) О немъ см. въ письмѣ XIV.
[2]) Во втор. варіантѣ: въ Лейпцигъ.
[3]) Ф. С. Питра.

Digitized by Google

жаетъ ничего кромѣ невинности, ликъ Спасителя напротивъ поразительно одушевленъ, а с. Варвара красавица полная жизни. Если для Богоматери довольно одной чистой невинности, то Рафаель достигъ своей цѣли: лучше выразить и оттѣнить невинность не возможно. Чѣмъ болѣе глядишь, тѣмъ болѣе понимаешь святость невинности, тѣмъ болѣе проникаешся чувствомъ, что никакая красота не можетъ быть сравнена съ невинностію... Но... и тутъ я вѣрно показался бы смѣшнымъ для многихъ живописцевъ. Между картинами Венеціанской школы я замѣтилъ одну—Петра Ротари—Ночь бѣгства св. сѣмейства: Б. Матерь держитъ на лѣвой рукѣ Спасителя, а правую приподняла немного, и мыслію несясь къ Богу, ему поручаетъ судьбу свою и Младенца. Сзади смотритъ Іосифъ на Младенца; въ одномъ углу оселъ пьетъ воду, въ другомъ какія то двѣ женщины, на верху ангелы въ разныхъ положеніяхъ. Ночь; все освящено свѣтомъ, исходящимъ отъ Младенца. Объ обставкѣ ни слова; но сколько величія въ выраженіи лика Б. Матери: таже невинность, и тутъ-же святое чувство преданности Богу и надежды на Его помощь. Б. Матерь Ротари мнѣ нравится болѣе нежели Рафаелева, болѣе меня одушевляетъ. Всѣ другія Мадонны мнѣ не нравятся, ни даже Мадонна моего стараго пріятеля Франчески Франчіи [1]).—О другихъ картинахъ послѣ. Теперь спать: бьетъ 11.

XL.

№ 28. Дрезденъ. 1840. Окт. 28 [2])

И такъ я въ Дрезденѣ, — и Вы, милая Маменька, конечно, угадали, что я сюда направляю свой путь. Быть такъ близко отъ Дрездена и не завернуть въ него — это было бы по крайней мѣрѣ странно. Я же тутъ не только отдыхаю отъ Лужицкихъ приключеній и работъ, но и занимаюсь—занимаюсь, сколько позволяетъ время. Не подумайте, что я завелъ тутъ какія нибудь знакомства, отнимающія время: кромѣ дѣловыхъ никакихъ нѣтъ, да и нѣ къ чему; но картинная галлерея, но разные музеи и кабинеты... они отворены, а я хоть и плохой, но все же любитель художествъ. И день за днемъ проходятъ такъ, что и не видишь.

Впрочемъ прежде всего о моемъ жительствѣ. Зная, что въ отели нельзя

---

[1]) Франческо Франчія—герой одного изъ юношескихъ произведеній И. И. Срезневскаго «Rapsodia Sonatina» (Московскій наблюдатель. 1837. XI. 21—75).

[2]) Этого письма два варіанта. Одинъ болѣе полный и болѣе отдѣланный печатается здѣсь; другой помѣщенъ въ приложеніи. Письмо это сходное и №-мъ, и отчасти содержаніемъ съ предъидущимъ, какъ отличающееся въ общемъ, отъ него печатается нами въ текстѣ. Весьма вѣроятно, что оба письма были посланы по назначенію.

Digitized by Google

издерживать въ день менѣе 2-хъ талеровъ, я остался въ Hôtel de Pologne только два дни: Въ Wilsdruffer Gasse, въ № 28, первый этажъ нанимаетъ вдова Мильднеръ, и, сама занимая крошечную горенку, другія отдаетъ въ помѣсячный наемъ пріѣзжимъ: у вдовы Мильднеръ живу и я. И я! Нѣтъ, живу я да еще одна молоденькая Польская графиня съ теткой да и только. Мои сосѣдки занимаютъ одну большую комнату и шляфъ-кабинетъ, я тоже шляфъ кабинетъ и комнату не такъ большую. Наши комнаты сходятся дверями, ничѣмъ незаставленными, и, что нельзя не замѣтить, мы, сосѣди, довольны другъ другомъ какъ нельзя болѣе: отъ меня не слышно ни одного слова, потому что я самъ съ собою не говорю; отъ сосѣдокъ же слышу только шопотъ. Молоденькая графиня отправляется каждый день куда-то учиться (ей только 14 лѣтъ), а г-жа тетушка пресмирная женщина. Только вечеромъ, въ 10-мъ часу, слышу я довольно внятно «Отче нашъ» и еще нѣкоторыя молитвы и потомъ все смолкаетъ. Мнѣ даже досадно, что не могу слышать болѣе. Я уже говорилъ объ этомъ моей хозяйкѣ. Хозяйка же передала мнѣ слова г-жи тетушки такъ: «Онъ долженъ быть прекрасный человѣкъ: съ вами говоритъ такъ вѣжливо и тихо, и все дѣлаетъ такъ тихо. Онъ долженъ быть литераторъ: я только и слышу отъ него, что или скрыпъ пера или шелестъ листковъ». Можете представить какъ у насъ тихо, когда и перо мое не плохой ораторъ. Въ прошлое воскресенье послѣ обѣда лежалъ я на софѣ, и вздремнулъ; дремалъ, дремалъ,—и вотъ слышу—молоденькая графиня начинаетъ напѣвать какую-то пѣсенку громче и громче. Дремлю и слушаю. Это продолжалось бы вѣроятно долго, если бы моему носу не вздумалось подать голосъ одобренія. Я чхнулъ... пѣсня прервалась, — и вмѣсто пѣсни я услышалъ только шопотъ «видишь, я тебѣ говорила, что онъ дома». У графини есть дѣвушка служанка, Полька; но и это не разрушаетъ покоя: я только раза два говорилъ съ нею по Чешски, и то въ потьмахъ, а потому и не знаю даже ея физіогноміи. Хозяйка моя — старушка и предобрая, преуслужливая: она очень рада, что я вступаю съ нею въ разговоръ и сажаю на софу, и за это величаетъ меня всегда «милостивымъ господиномъ». Этого мало: она убрала и постель мою тюфякомъ и одѣяломъ—по русски, и подлѣ постели разложила коверъ. Съ ея служанкой Каролиной, завѣдывающею чистотою и теплотою моей комнаты, сапогами, платьемъ, кофе и пр., мы также въ миру.—За комнату плачу $1^1/_2$ талера въ недѣлю.

День мой проходитъ такъ: въ 7-мъ часу встаю и пью кофе, и до 10-го занимаюсь. Потомъ вонъ изъ дому—въ галлерею, библіотеку и т. п. и обѣдать. Въ 2 домой и занимаюсь. Въ 6 — въ театръ — почти каждый день. Въ 9 домой, пью чай и занимаюсь до 11. Исключенія рѣдки. Придворный капелланъ Грабѣта, Чехъ, и библіотекарь Публичной библіотеки

Digitized by Google

Клемъ [1])—единственные знакомые, меня посѣщающіе. Къ Тику [2]) собираюсь идти, но до сихъ поръ не собрался. У Липинскаго тоже еще не былъ. Съ нѣсколькими Русскими говорилъ въ театрѣ да и только. Былъ правда тутъ и Калиновскій изъ Берлина, но уже уѣхалъ.

Что же сказать Вамъ о Дрезденѣ. Онъ не больше Харькова, и Эльбою раздѣленъ на двѣ части: на лѣвомъ берегу Altstadt, на правомъ Neustadt. Neustadt чище, правильнѣе улицами, новѣе домами, но смиренъ какъ наша Залопань [3]); Altstadt шуменъ какъ ярмарка. Отъ Эльбскаго моста идешь прямо къ Georgenthor, видишь на право католическую церковь и за нею театръ, на лѣво, изъ-за строеній Frauenkirche, прямо передъ собою старый шлоссъ, и черезъ Georgenthor входишь въ Schlossgasse, и въ три минуты доходишь по ней до прекрасной площади Altmarkt, заворачиваешь на право, и по Wilsdruffergasse доходишь въ 2 минуты до почты; оттуда на право до Цвингера не далѣе какъ до церкви Димитрія [3]) и оттуда до театра, какъ отъ церкви до острога; оттуда, мимо Католической церкви, Georgenthor и моста 200 шаговъ до Брюлевой террасы; оттуда до Neumarkt, гдѣ и картинная галлерея не далѣе какъ до церкви Рождества [4]), оттуда шаговъ 300 — 400 до Altmarkt: это центръ города и шума и дѣятельности. Въ Neustadt'ѣ отъ моста до Японскаго дворца, гдѣ и библіотека, не далѣе какъ отъ Лопанскаго моста до Коллегіума. Въ Neustadt'ѣ Hauptstrasse и Königsstrasse широки и украшены деревьями; въ Altstadt'ѣ кругомъ главной части города идутъ аллеи. Лучшее украшеніе Дрездена — Эльба; не Нева, но всетаки роскошная рѣка. Мостъ черезъ нея 600 шаговъ длиною, прекрасный. Виды съ моста на Дрезденъ и окрестности очень милы. И самъ Дрезденъ былъ бы очень милымъ городомъ, если бы не этотъ мерзкій сѣрой цвѣтъ всего—отъ мостовой до постарѣлыхъ черепичныхъ крышъ. Магазины на Schlossgasse и Wilsdruffergasse богаты и красивы: такъ бы вотъ и купилъ то и другое. Толкотня на этихъ улицахъ, какъ и на мосту, безпрерывная—до 10 часовъ. Въ 10 всѣ ложатся спать. Разговоръ Англійскій, Французскій, Польскій слышишь почти такъ-же часто, какъ и Нѣмецкій; Русскій разговоръ также не рѣдкость. Пріѣзжіе каждый день сотнями. Вообще Дрезденъ кажется мнѣ городомъ на водахъ: коренные жители—слуги пріѣзжихъ. Столичнаго—ничего невидно. Я впрочемъ не понимаю, что привлекаетъ сюда пріѣзжихъ и особенно на зиму: я бы не промѣнялъ Вѣну на Дрезденъ.

---

[1]) Friedrich Gustav Klemm (1802—1867)—извѣстный историкъ и археологъ.

[2]) Christian Fridrich Tieck (1776—1851)—скульпторъ.

[3]) Въ Харьковѣ.

[4]) Въ другомъ варіантѣ этого письма: «не далѣе какъ отъ Университета до церкви Рождества».

Digitized by Google

Пора бриться, и въ библіотеку, а послѣ обѣда въ Porcellain-Sammlung: вчера вечеромъ былъ у меня Клемъ, и мы условились съ нимъ.

Вечеромъ.

Цѣлое послѣ обѣда не былъ дома, и только что воротился. Въ 2 часа пошелъ въ Porcellain-Sammlung, гдѣ меня дожидался Клемъ, и до четырехъ проходили съ нимъ по заламъ или лучше сказать погребамъ этого превосходнаго и оригинальнаго музея. Передъ глазами вашими цѣлая исторія глиняныхъ, работъ, начиная отъ простаго горшка Индійскаго или Германо-Славянскаго до чудныхъ произведеній Мейссенской фабрики въ послѣднемъ вкусѣ. Вещи надобно считать не 1000-ми, а десятками тысячь. Особенно богаты собранія Китайскихъ и Саксонскихъ фарфоровъ. И чего тутъ нѣтъ: о вазахъ и говорить нѣчего; самыя скульптурныя произведенія, истинно прекрасныя, безъ сщету. Не знаю, какъ попался сюда и Монгольскій храмъ со всѣми принадлежностями. Клемъ самъ приводилъ въ порядокъ это собраніе, и потому ничто занимательное не было нами упущено безъ вниманія. Потомъ мы пошли за городъ въ Присницкую долину и, нашлявшись порядкомъ по этимъ прекраснымъ мѣстамъ, закусили въ Waldschlöschen, куда собираются Дрезденцы пить знаменитое пиво. Виды отсюда на Эльбу и Дрезденъ чудесны.

Завтра же начну другое письмо о Дрезденѣ, о галлереѣ и пр., а теперь покойную ночь.

Кланяйтесь, милая Маменька, всѣмъ нашимъ знакомымъ. Цѣлую ручку Вашу.

Срез.

XLI.

№ 29. Дрезденъ. Окт. послѣднее.

Баста! чего не довидѣлъ, не досмотрѣлъ, уже не довижу, не досмотрю. Баста! Всѣ собранія драгоцѣнностей заперты и отворятся только для того, кто захочетъ платить за каждый входъ по 2 талера. Теперь можно сказать: «прощай, Дрезденъ!»—Хоть нѣсколько словъ, но все же надобно Вамъ сказать, милая Маменька, о томъ что я видѣлъ и чего уже не увижу въ Дрезденѣ.

Начну съ картинной галлереи, этого солитера въ Дрезденскомъ фермуарѣ собраній рѣдкостей. Она помѣщается въ такъ называемомъ Stallgebäude, зданіи вовсе не красивомъ, на Neumarkt'ѣ, и занимаетъ весь бель-этажъ—14 залъ. Снизу до верху всѣ стѣны плотно увѣшаны картинами: ходи и любуйся, жаль только, что плохое освѣщеніе иногда не позволяетъ любоваться, тьмитъ картину такъ, что съ какой стороны ни подходи, не увидишь хорошо. Ну, какъ бы

Digitized by Google

ни было, пойдемъ. Входя, я не забылъ, что тутъ же и знаменитая Рафаелева Madonna di san Sisto. Къ ней, къ ней! Къ сожалѣнію я не Франція, ни художникъ, ни ремесленникъ въ дѣлѣ живописи, и хоть нашелъ ее безъ труда, но за то и глядѣлъ на нее какъ-то хладнокровно [1]). Извольте видѣть: картина большая — 9 футовъ вышины, 7 ширины, фигуры въ естеств. величинѣ. Св. Дѣва съ Младенцемъ на правой рукѣ поднимается выспрь на свѣтломъ облакѣ; св. Варвара, на лѣво, ниже св. Дѣвы, глядитъ на двухъ ангельчиковъ, которые, опершись на что-то деревянное, разсматриваютъ — публику; на право Папа Сикстъ преклоняетъ колени передъ св. Дѣвой и грузнетъ въ облакѣ, на которомъ стоитъ; въ верхней части неба видно множество ангельскихъ головокъ; часть неба съ обѣихъ сторонъ закрыта занавѣсомъ. Лице св. Дѣвы красота и невинность, тѣмъ болѣе поразительная, что ее не видишь ни на одномъ изъ другихъ лицъ: лице младенца выражаетъ какую то буйность, разумѣется, въ хорошемъ смыслѣ этого слова; св. Барбара немножко кокетка; Папа лице портретное; ангельчики — жирныя дѣти. Теперь спрашиваю васъ: понравились-ли бы вамъ такая Мадонна? И спрашиваю себя: ужели я не могу восхищаться только потому, что другіе восхищались, и что самъ я не могу написать ни такъ, ни въ тысячу разъ хуже? Я не говорю о такъ называемой правильности, о которой судить можетъ только тотъ кто изучилъ анатомію и перспективу: но мысль... она всякому приступна. Мысли — я не вижу въ этой картинѣ. Папа молится, но св. Дѣва не обращаетъ на него никакого вниманія, а Младенецъ занятъ совершенно другимъ; ангельчики смотрятъ на публику, а св. Варвара на нихъ: что-же тутъ цѣлаго? Если бы я былъ Рафаелемъ и долженъ былъ писать картину въ такихъ предѣлахъ, я бы сдѣлалъ такъ: мѣсто ангельчиковъ поставилъ бы людей молящихся, лице Варвары выражало бы «молитесь», а ликъ св. Дѣвы долженъ былъ бы выражать не только невинность, но и упованіе на Бога и на того, кого матерію быть избрана Богомъ. Или, лучше сказать,—я бы вовсе не писалъ такой картины. Впрочемъ невинность св. Дѣвы—такая невинность, какая можетъ быть только у св. Дѣвы и какую написать могъ одинъ Рафаель. Еще два слова: мнѣ кажется или я гдѣ-то читалъ, что картина эта не до чиста отдѣлана, и думается, что, если-бы Рафаель совершенно докончилъ ее, то на лицѣ св. Дѣвы увидѣли бы не только невинность, но и вѣру. Невинность и вѣра—это все, что можетъ небесно утѣшать, возносить къ небу земное.—Въ той же комнатѣ есть три Мадонны Корреджіо и нѣсколько другихъ: глядя на нихъ понимаешь величіе Рафаеля, отвращаешься отъ нихъ. Только въ св. ночи Корреджіо поражаетъ мысль: вся картина освѣщена свѣтомъ, исходящимъ отъ родившагося младенца, и одни пали передъ нимъ, другіе не могутъ сно-

[1]) Ср. описаніе Сикстинской Мадонны въ письма № 28.

Digitized by Google

сить своими преступными глазами чистоты божественнаго свѣта. За то сама Богоматерь—обыкновенная женщина. Въ томъ же родѣ Ночлегъ бѣгства Ротари, и молящійся ликъ св. Дѣвы прекрасенъ... «Гдѣ Сальваторъ Роза? Тутъ есть Сальваторъ Роза: гдѣ онъ»?—Пожимаютъ плечами, не знаютъ. Перебираю поочередно картины всѣхъ Неаполитанцевъ,—и нѣтъ Розы. Наконецъ выхожу въ предположеніи, что его картина по какому нибудь случаю снята. Глядь на двери—это что за маракса? Ни неба, ни земли; въ уголку прижались люди, да ихъ почти не видно: просто—сѣрозеленая маракса... №?—№ 357. Ищу въ книгѣ... Ба, да это Сальваторъ Роза, его ночная буря! Ну, прошу покорно, куда его запрятали! Впрочемъ самъ виноватъ: размѣръ картины слишкомъ малъ для предмета. Займи онъ этой картиной стѣну, а не 7 футовъ,—и его картина пугала бы не на шутку.—О другихъ картинахъ внутренней, т. е. Итальянской галлереи умолчу: иначе конца бы не нашелъ письму. Внѣшняя галлерея начинается Французской школой,—и по дѣломъ: этой Французской школѣ лучшее мѣсто въ передней. Далѣе старые Нѣмцы: препочтенные люди съ своими Японскими физіогноміями и безтѣнностію тѣни, безсвѣтностію свѣта. Далѣе—Саксонцы, далѣе [1]) отъ нихъ. Далѣе—все еще Нѣмцы; однако тутъ есть Сивилла и Весталка Анжелики Кауфманъ, и тутъ же Зейбольда Старикъ и старуха. Спросить бы этого старика и старуху: «когда они умрутъ?» Старье,—а такъ вотъ и живетъ, и старуха еще хочетъ казаться молодою, а старикъ еще и смѣется. Въ слѣдующей залѣ Рембрандцы и другіе Нидерландцы. Войдешь въ залу, оглянешься,—и непремѣнно замѣтишь Снейдерсову Дичь: дичь какъ мертвая, а тутъ еще и собака съ костью и со щенками, и огрызается на другую, и во весь ростъ кухарка съ мужемъ цѣлуются во весь ротъ [2]). И какъ кстати: подлѣ этой картины Рембрантово Жертвоприношеніе Моноа и жены. А тамъ—что тамъ за картиночка, или лучше что это за 2 пятнушка на черномъ полѣ? Подхожу, присматриваюсь,—на силу увидѣлъ: дѣвушка у бочки, а подлѣ нея съ лампою хлопчикъ, и толкуютъ. Это произведеніе милаго Жерарда Dow. Люблю я эти темныя картины,—и ихъ есть въ галлереѣ нѣсколько: еще одна, того-же Дау—дѣвушка у окна, Шалькена бюстъ Венеры, разсматриваемый художникомъ, Рубенсова Старуха съ угольями, Эльстовъ Старикъ передъ угольями, Метцовы Мужъ съ женою, Доувова-же парочка Нѣмецкихъ или Голландскихъ любовниковъ. Нельзя не любоваться. Впрочемъ что-бы не сбиться съ толку, ворочаюсь въ ту залу, гдѣ Дичь. Тамъ же большая картина Гонторста: зубной лѣкарь вырываетъ мужику зубъ, другіе смотрятъ; и смѣшно, и жалко. А вотъ Рембрантовъ орелъ схватилъ дитя и летитъ: ай, ай, ай—поневолѣ у...ся. Тутъ же многія вещи Теньера, худо освѣщенныя.

[1]) Въ подл.: дѣлѣе.

[2]) Въ подл.: ростъ.

Digitized by Google

Въ слѣд. залѣ... ба! какой-то чудакъ съ обезьяною на плечѣ: Сальваторъ Роза «властною рукою». А вонъ и другой чудакъ, жена подъ рукой, вино на столѣ, и хоть свѣтъ пропади: «рукою властною» Рембрантъ. Въ слѣд. залѣ между прочимъ Дауовъ писарь съ очками на носу чинитъ перо: не мѣшайте, осердится,—вѣдь онъ перо чинитъ; очинитъ и потомъ—будетъ писать. Въ слѣд. залѣ Нѣмцы смѣшаны съ Испанцами и Итальянцами. Нѣмецкаго особенно замѣчательнаго ничего нѣтъ; за то тутъ же 5 видовъ Венеціи Каналетто, и Сегалова женщина—земная красавица, и Цурбаранова Магдалина—нельзя сказать, что не Магдалина. Тутъ-же Муриллова Мадонна—хорошенькая, болѣзненная и прехитрая: чудное понятіе о Мадоннѣ. - Но довольно. Хорошо все это разсматривать, хорошо описывать подробно; а такъ, въ письмѣ—скучно и для васъ, и для меня. Въ Дрезденской галлереѣ слишкомъ 2000 картинъ: есть что выбрать. Я ходилъ въ нее почти каждый день, и каждый день находилъ новое, незамѣченное—и въ томъ, чего не видѣлъ, и въ томъ, что видѣлъ. Счастливцы Дрезденцы: они могутъ съ Мая до Ноября, съ 9 до 1 часу ходить. А мнѣ уже не видать какъ затылка своего!

Въ томъ же Stallgebäude въ низу... но нѣтъ. Право спать пора. Мои сосѣдки покоятся, и все уже покоится. Сегодня празднуютъ Реформацію: я знаю это потому, что хозяйка принесла къ кофе Reformationsbrödchen.

Вашъ Срз.

XLII.

№ 30. Дрезденъ. Ноября 1.

Продолжаю описаніе Дрезденскихъ заведеній.—Въ томъ же зданіи, гдѣ картинная галлерея, находится и Оружейная палата, со многими любопытными старыми вещами, и превосходная галлерея Менгсовыхъ отлитковъ (или какъ это называется?—Abgüsse) лучшихъ Итальянскихъ произведеній ваянія. Жаль (!), что ихъ черезъ чуръ много: глазу трудно уединиться, и онъ забываетъ цѣну того, на что смотритъ. Впрочемъ я и не охотникъ до ваянья.

Далѣе. Надъ Эльбою возвышается нѣчто въ родѣ бульвара и называется Брюлевскимъ садомъ; съ другой стороны этого возвышенія проходитъ уличка въ родѣ канала: Брюлевскій дворецъ перекинулся сводомъ черезъ эту уличку, и, одною стороною выходя къ саду, другою выходитъ, пересѣкая собою весь кварталъ, на другую улицу. Отличнаго въ зданіи впрочемъ ничего нѣтъ. Въ этомъ дворцѣ есть собраніе видовъ Саксоніи Каналетто и Тиле и 6 ковровъ съ картинами по Рафаелю. Кое-что видѣлъ, но не многое; потому что дворецъ поправляется. Ковры полиняли; а виды Каналетто прекрасны—особенно Дрезденскіе.

Digitized by Google

Во дворцѣ показывается только такъ назыв. Grüne Gewölbe. 8 небольшихъ залъ съ разными драгоцѣнностями: есть прекрасныя вещи изъ слоновой кости, янтаря, много брилльянтовъ, много старинной утвари; поразительнаго ничего. За входъ платится отъ 6 особъ 2 талера. Объясненія ведущаго довольно глупы, а заглядывать въ описаніе некогда.

Цвингеръ, дворъ для нестроеннаго и не имѣющаго строиться дворца, чудной архитектуры, но болѣе мелочной, нежели изящной, заключаетъ въ своихъ настѣнныхъ зданіяхъ натуральные кабинеты, физикоматематическій, моделей, историческій музеумъ и кабинетъ гравюръ. Я былъ только въ двухъ послѣднихъ: въ первомъ много старыхъ вещей, на которыя я и обращалъ особенное вниманіе, а во второмъ надобно прожить мѣсяцъ, чтобъ узнать что-нибудь, а я пробылъ три часа.

Въ Японскомъ дворцѣ, довольно большомъ и порядочномъ по архитектурѣ, кромѣ библіотеки, занимающей 2 верхніе яруса, и гдѣ кромѣ 300,000 книгъ и 150,000 диссертацій, находится около 3000 рукописей и болѣе 20,000 ландкартъ, помѣщается еще Мюнцкабинетъ и Собраніе Древностей, а въ подвалахъ (иначе нельзя назвать этихъ подземныхъ корридоровъ)— собраніе фарфоровъ. Въ собраніи Древностей много статуй, много урнъ, есть и муміи: разставлено прекрасно, но собраніе не богато. Собраніе фарфоровъ за то и раставлено хорошо и очень богато. Я уже не говорю о фарфорахъ Европейскихъ: въ этомъ собраніи можно слѣдить исторію этого искуства въ Европѣ; самое собраніе фарфоровъ Китайскихъ и Японскихъ удивительно огромно. Не знаю съ какой стати тутъ же помѣщена и Монгольская молельня.

Во многія изъ сихъ собраній ходили мы съ Клеммомъ, библіотекаремъ Публ. Библіотеки. Онъ занимается Германскими древностями, и, поспоривши сначала со мною о германизмѣ многихъ старыхъ вещей, захотѣлъ потомъ знать, что я считаю не Германскимъ. По этому случаю я осмотрѣлъ и то, что не принадлежало къ нашему вопросу, обстоятельнѣе и подробнѣе. Клеммъ во многихъ кабинетахъ свой, и объяснялъ мнѣ самъ все, заслуживающее вниманіе.

Ну, о чемъ же теперь?—О театрѣ?—Очень хорошо. Вы уже знаете, гдѣ стоитъ онъ въ Дрезденѣ. Новый строится, и будетъ прекрасенъ, а старой плохъ, очень плохъ, и снаружи и внутри. За то оркестръ чудо: всѣ до одного мастера, между которыми не стыдится сидѣть и Липинскій; исполненіе столь же одушевленное, сколько и отчетливое, и фиглярства нѣтъ. Между актерами есть также замѣчательные таланты, да и вообще вся труппа хороша, жаль, что иногда роли не по лицамъ. Девріану даютъ первое мѣсто. Глубины характера въ немъ нѣтъ; но въ драмахъ изъ обыкновенной жизни онъ очень хорошъ: естественъ и умѣетъ заставить Нѣмца поплакать и посмѣяться. Паули—комикъ, жаль, что для ролей однихъ старичковъ. О дру-

Digitized by Google

гихъ мужчинахъ молчу. Изъ женщинъ — несравненная дѣвица Бауеръ: женщина молодая, статная, прекрасная собою—и все, только не любовница и не мать семейства; леди Мильфордъ (въ Коварствѣ и Любви) — ея настоящая роль. Не могу не вспомнить и о дѣвицѣ Аншюцъ, хоть она тутъ и гостья: во первыхъ она напомнила мнѣ — о д. Фанни, на которую изумительно похожа и лицомъ, и голосомъ; а во вторыхъ прекрасно играетъ. Въ роли дѣвушки простаго званія, дѣвушки въ добромъ сѣмействѣ, дѣвушки наивновлюбленной—она сама природа,—и всякую ролю умѣетъ такъ оттѣнить, что всюду видишь ее какъ будто въ первый разъ. Она играла даже Фенеллу—и ту не испортила, хоть эта роль принадлежала бы не ей, а танцовщицѣ: она была воодушевлена и понимала музыку, которую должна была выражать жестами, прекрасно. Въ иныхъ мѣстахъ я не могъ безъ слезъ глядѣть на ея заплаканные глаза. Я видѣлъ ее и въ роли Луизы (Коварство и любовь): она и Бауеръ вмѣстѣ; глядя на нихъ, можно было назвать театръ изящнымъ искуствомъ. О дѣвицѣ Гельвигъ скажу только, что ея талія—лучшая въ Дрезденѣ.—Въ оперѣ отличаются Тихачекъ, г-жа Шредеръ-Девріанъ и д-ца Марксъ. Тихачекъ (Чехъ)—прекрасно поетъ (теноромъ), дурно жестикулируетъ. Шрёдеръ—пьяница и развратница, погубившая свой превосходный контральтъ, но всетаки восхищаетъ и пѣніемъ и драматизмомъ игры: въ роли Ромео (Монтекки и Капулетти) она была превосходна. Марксъ — сопрано, не то что Фрецполини, Унгарнъ, Люцеръ; но очень мила, хоть и вовсе не мила собою.— Балетъ... что балетъ безъ Тальони!—

28 Ноября.

Уже-ли Измайлуша все въ Дрезденѣ?—подумаетъ Маменька. Нѣтъ: я уже въ Прагѣ три недѣли. Изъ Дрездена сдѣлалъ 2 поѣздки-походки: одну къ городищамъ на Черный Эльстеръ, другую въ Саксонскую Швейцарію. Въ послѣдней велъ дневникъ и пришлю мѣсто слѣдующаго письма. А теперь о Прагѣ. Я пріѣхалъ сюда съ бывшимъ воспитанникомъ Военной Академіи, офицеромъ Свиты Милютинымъ [1]), милымъ молодымъ человѣкомъ, и первыхъ два дни провелъ съ нимъ вмѣстѣ. Проводивши его въ Вѣну, перебрался на частную квартиру, и сталъ заниматься. Я засталъ въ Прагѣ товарища по занятіямъ, Прейса. День проходитъ такъ: до 1 часу дома; въ концѣ 1-го приходитъ Прейсъ, идемъ обѣдать, потомъ въ кофейню Мельцера читать газеты; въ ½ 3-го домой,—приходитъ Іорданъ—и занимаемся по Лужицки;

[1]) Дм. Алексѣевичъ Милютинъ (?)—впослѣдствіи Военный Министръ, членъ Государственнаго Совѣта, авторъ сочиненія «Исторія войны Россіи съ Франціей... въ 1799 г.» (С.-Петербургъ 1852—1853).

Digitized by Google

вечеръ то дома, то гдѣ-нибудь. Этотъ мѣсяцъ я живу у одной штаб-лекарши. Дочка прекрасно играетъ на фортопьяно, и теперь учитъ тѣ самыя ноты, которыя когда-то вы играли: Тальберга № 5, да его же Русскія пѣсни. Можете представить, какъ это мнѣ пріятно; но вотъ бѣда: у васъ, подъ вашу игру я считалъ цифры—смертности и рождаемости [1]) теперь при нѣкоторыхъ пассажахъ тѣ-же цифры лѣзутъ въ голову и мѣшаютъ заниматься фразами.

Въ Прагѣ я не останусь уже долго—какой нибудь мѣсяцъ не болѣе. Въ Вѣнѣ то-же не думаю остаться долго. Спѣшу на югъ. Въ Прагу уже не пишите, пишите въ Agram (in Ungarn; Agramer Comitat in Croatien), Herrn Doctor Ljudewit Gaj, a was prošu peredat'. Какъ пойдутъ мои дѣла, буду писать. Деньги на полгода получилъ вчера; а то было приходилось хоть занимать: оставалось не болѣе 150 рублей.

Ваши письма тоже получилъ. Буду мало по малу отвѣчать на нихъ—съ слѣдующаго письма. Теперь только, прося васъ передать мою искреннюю благодарность Маріи Ѳедоровнѣ [2]) и д. Фанни, скажу, что Альберту [3]) въ Россіи несравненно лучше, нежели тутъ: тамъ онъ только будь прилеженъ, а тутъ главное дѣло деньги. Что-же до процентовъ, то тутъ даютъ 6, 10 и даже болѣе; но подъ залогъ съ процентами менѣе 6 законъ не велитъ, а безъ залога очень опасно. Какъ въ Сѣв. Германіи, не знаю.

Цѣлую ручку вашу. Поцѣлуйте за меня брата, если онъ уже у васъ.

Срз.

XLIII [4]).

№ 30. 2 Ноября. Пирна.

Хочется немного прогуляться по Саксонской Швейцаріи,—и вотъ почему я здѣсь. Хотѣлъ было ѣхать до Шандау, и оттуда уже начать странствіе пѣшкомъ; но вчера забылъ записаться, а сегодня не засталъ уже мѣста. И такъ до Пирны. Это все равно, только планъ другой. Буду вести журналъ моего странствія,—въ письмѣ къ Вамъ; а когда, Богъ дастъ, ворочусь, перечтемъ его, и я доскажу, чего не запишу здѣсь.

Я пообѣдалъ, напьюсь кофе,—и въ путь. Проводникъ уже есть и кажется порядочный человѣкъ. Пирна—городъ съ 5000 жителей, мило расположенный на лѣв. берегу Эльбы. Пирна—имя Славянское, въ чемъ согласны сами Нѣмцы. Подлѣ самаго города къ востоку лежитъ Зонненштеинъ—замокъ

---

[1]) И. И. Срезневскій въ то время читалъ въ Харьковскомъ университетѣ статистику.

[2]) М. Ѳ. Питра.

[3]) Альбертъ Самуиловичъ Питра, впослѣдствіе профессоръ Харьковскаго университета.

[4]) Судя по предыдущему письму, это письмо не было послано Е. И. Срезневской, хотя и является важнымъ дополненіемъ путевого дневника; считаю поэтому не лишнимъ включить его въ печатающееся собраніе писемъ.

Digitized by Google

на горѣ, болѣе красивый на картинкѣ, нежели въ природѣ. Теперь въ немъ домъ сумасшедшихъ, а прежде былъ онъ крѣпостью и темницей для государственныхъ преступниковъ. Въ 1705—7 содержался тутъ и несчастный Паткуль.

Bastey.

Переправившись на челнокѣ черезъ Эльбу, мы вошли въ деревню Пусту. Долина за деревней носитъ то-же названіе—жалкій остатокъ бывалой жизни Славянъ въ этихъ мѣстахъ. Ни деревня впрочемъ, ни долина вовсе не занимательны, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ ожидаешь многаго. «Позвольте васъ спросить—сказалъ мнѣ проводникъ: хотите-ли вы сегодня ночевать на Bastey, или далѣе»?—Да, да, на Bastey.—«Такъ не угодно ли вамъ ein Umweg machen, посѣтить Либеталь и нашъ Ломенъ?» А вы изъ Ломена? «Да, и мнѣ бы хотѣлось переодѣться въ дорожнее наше, проводничье платье: мы успѣемъ все сдѣлать, увидимъ и Liebethalergrund, и Ломенскій замокъ, и Ottowaltegrund съ его частями, и Bastey».—Очень хорошо. «Ну, такъ пойдемте на лѣво, мимо ступни великана». И мы поднялись на гору. Эта ступень великана—углубленіе въ камнѣ, напоминающее о ногѣ. «Была такая же и на той сторонѣ долины, но ломающіе камень и ее раздробили». Горою пошли мы далѣе. и черезъ полчаса были у Liebethal, то есть: Либеталь лежитъ на правомъ берегу рѣчки Везеницъ (опять Славянское названіе), а мы были на лѣвомъ, и далѣе спустились къ Lochmühle. Я только что хотѣлъ сказать «да тутъ нѣтъ ничего особеннаго», какъ смотрю: скалы сперлись, рѣчка безъ береговъ гремитъ между ними. Нельзя-ли сверху взглянуть на эту дичь? «О да! Пойдемте къ мосту». Пошли,—и въ самомъ дѣлѣ было чѣмъ любоваться.—Отсюда Ломенъ въ $^1/_4$ часа. Предлинная деревня. Проводникъ мой пошелъ переодѣваться, а я на такъ называемый альтанъ, примкнутый къ старому замку, построенному на скалѣ, стѣною спустившемуся къ Везеницу. «А знаете, что тутъ было?» спросила меня старушка, отворившая мнѣ альтанъ. А что? «Да вонъ читайте надпись. Былъ у старова господина слуга, Hausknecht; вотъ и пришелъ онъ сюда, а рѣшетки-то въ то время не было. Сѣлъ да и сидитъ; а потомъ и уснулъ. А потомъ вздумалось ему, что онъ у себя, у своей постели; раздѣлся да хотѣлъ видно спать лечь. Кровать-то его стояла вотъ-такъ, на право отъ скамейки. Онъ на право, перевалилъ ногу, другую, да и бухъ. Іисусъ, Марія! Вѣдь спасъ же его Богъ: упалъ въ Везеницъ, ногу расшибъ, а живъ остался». Проводникъ не замедлилъ явиться, переодѣтый, съ мѣднымъ Nомъ на лѣвой рукѣ, съ кожаной котомкой черезъ плечо, гдѣ улеглись пара моихъ дорожныхъ вещицъ, и мы отправились къ Ottowaldegrund. Дорога до него не занимательна, но и не продолжительна—полчаса, что-ли. Мы спустились

Digitized by Google

въ него по каменной лестницѣ въ 144 ступени,—и остались какъ въ пещерѣ: только клочокъ неба видѣнъ сверху, по бокамъ скалы, поросшія пихтами и соснами, покрытыя мохомъ, разузоренныя различными травами, вырывающимися изъ разсѣлинъ. Въ иныхъ мѣстахъ скалы противолежащія такъ близко сошлись, что дровосѣки перекладываютъ мостики черезъ нихъ, и по нимъ перевозятъ дрова. Очень хорошо, и особенно хорошо теперь, осенью, когда листья такъ разноцвѣтно-одноцвѣтны, такъ пестро буры, какъ разъ подъ цвѣтъ скалъ. Очень многія мѣста имѣютъ особенныя названія: есть тутъ «каменный домикъ», построенный природою изъ массивныхъ плитъ; есть тутъ «чертова кухня», пещерка съ трубою, идущею вверхъ сквозь скалы; есть тутъ «театръ»; есть «зонтикъ»; есть «зала». Дорожка идетъ у потока, то по сю, то по ту сторону его; виды на каждомъ шагу. Гигантскаго ничего нѣтъ; но мило. Изъ Оттовальдегрунда мы завернули въ Гёлегрундъ, стали подниматься мало по малу на гору, поднялись и черезъ четверть часа были на Bastey. Пошли къ рѣшеткѣ, къ тому мѣсту, откуда обыкновенно любуются видомъ; но уже ничего не видно: Эльба лентою вьется, горы сѣрѣютъ кругомъ, да и только. До завтра. Въ гостинницѣ мнѣ отвели комнатку, гдѣ я поужиналъ и пишу. Завтра рано встану и осмотрю; а теперь, хоть и не болѣе какъ 9, да на постель: въ комнаткѣ моей холодно, да и спать хочется. Проводникъ мой пошелъ между тѣмъ домой въ Ломенъ и обѣщалъ воротиться завтра къ 8-ми. Прощайте.

3-е Ноября. Bastey.

Хоть нѣсколько словъ, пока допью послѣднюю чашку кофе. Проводникъ пришелъ раньше обѣщаннаго, я одѣлся,—и мы пошли осматривать Bastey съ ея частями. Отъ гостинницы, построенной въ Швейцарскомъ вкусѣ и такъ, что двумя нижними ярусами она совершенно примкнула къ горѣ и только третьимъ поднялась надъ нею, мы пошли на лѣво. Желѣзная рѣшетка вьется на два вершка отъ обрыва скалы: опершись на нее, можно видѣть прямо подъ собою Эльбу, и обрывъ главный имѣетъ почти такую форму (см. рис.), и вышиною чуть ли не 300 футовъ. Эльба какъ лента; тропинки, тянущіяся по луговымъ берегамъ, словно ниточки; а кругомъ горы, то покрытыя лѣсомъ, то сѣро-голубыя поднимаются со всѣхъ сторонъ, до половины довольно круто, а потомъ обрывами. Виды тянутся къ Богеміи и къ Дрездену. Превосходно; это не

Digitized by Google

описывать, а видѣть нужно. Потомъ разными изворотами по ступенькамъ, черезъ мостики и т. п. спустились мы къ т. наз. Verbindungs-Brüke, мосту, прекрасно сдѣланному вновь по остаткамъ стариннаго. Отсюда видъ еще красивѣе, потому что видишь и Bastey, и глядишь на виды изъ за скалъ столбами поднимающихся надъ головою. И такъ далѣе, и такъ далѣе. Можно часъ описывать и все не опишешь. Надобно видѣть. И я очень радъ, что вижу это осенью: хвойная зелень зеленѣетъ, а всѣ другія деревья уже то желты, то красны. то голы, луга совершенно бархатно зелены, и туманъ легокъ какъ дымка, какъ паутина. Ну, пойду далѣе.

Гонштеинъ.

Утренній нашъ переходъ конченъ. Онъ не представилъ ничего подобнаго Bastey, впрочемъ многое было, чѣмъ любоваться. Горы чудныхъ формъ около Bastey, Ziegenrücke, Наполеонова липа, груды скалъ, называемыя Гокштеиномъ, долина, по которой протекаетъ Поленцъ, и самъ Гонштеинъ. Тутъ я осматривалъ и старый замокъ, и съ башни любовался видомъ.

Шандау.

Изъ Шандау до Гонштеина почти также далеко, какъ Bastey, а между тѣмъ еще свѣтло. Бравской переходъ. Я посѣтилъ и два старыя городища: и тутъ есть они, и называются то Вендскими, то Шведскими. Далѣе Brandt, напомнившій мнѣ Бастей. Видъ даже лучше, огромнѣе, разнообразнѣе. Эльба какъ лента видна изъ за горъ, и кругомъ горы. Лѣтомъ тутъ можно пить прекрасный кофе; теперь все уже пусто. Спустившись въ долину, мы пошли ею по потоку къ Эльбѣ. Очаровательныя мѣста.—Кое-гдѣ встрѣчались домики. Архитектура ихъ совершенно такая, какъ въ Лужицахъ. Проводникъ мнѣ сказалъ, что это всей Саксонской Швейцаріи. Въ Чехіи, я знаю, тоже такая. Бѣдный слѣдъ Славянства.

Подъ вечеръ ходилъ изъ Шандау на гору Острау (точно—Острую). Съ нея прекрасный видъ на Эльбу. Одно мѣсто на ней напоминаетъ о Вендскомъ королѣ: за нимъ гнались разбойники, а онъ бѣжалъ, хотѣлъ перескочить съ камня на камень, не смогъ перескочить, и упалъ—мертвый.

Но какое гадкое перо! Сколько ни чиню, нейдетъ. Просилъ, чтобъ принесли свѣжее, не несутъ. Придется не писать.—Сяду у окна и буду смотрѣть, какъ играютъ дѣти.

Въ Шандау, говорятъ, живетъ какой-то Русскій Генералъ—и уже нѣсколько лѣтъ.

Digitized by Google

Ноября 4-е.

Въ 6 часовъ пришелъ Гаускнехтъ за сапогами и платьемъ, въ половинѣ 7-го мэдхенъ принесла кофе, въ 7 я былъ одѣтъ, готовъ, расплатился (за комнату, вчерашній вечерній чай съ хлѣбомъ и масломъ и сегодняшній кофе— 16 грош.),—и въ путь.—Тепло, но вѣтеръ; небо то ясно, то сѣро.—Путь нашъ лежалъ на востокъ по долинѣ, узкой, обставленной живописными громадами скалъ, вверхъ по теченію Кирнича. Скоро дошли мы до такъ назыв. Bad, дома съ минеральными купальнями и гостинницы вмѣстѣ. Здѣшняя минеральная вода извѣстна была еще въ прошломъ вѣкѣ; въ 1803 нашли новый источникъ, изслѣдовали, прославили—и теперь лѣтній путешественникъ можетъ въ Саксонской Швейцаріи не только любоваться природою, но и лѣчиться. Купальни чисты, хозяинъ услужливъ, есть и танцовальная зала, и бильярдъ.—За Bad'омъ долина суживается, горы становятся выше, красивѣе,—идешь, задирая голову, то направо, то налѣво. Сначала проходишь Ostraumühle; потомъ видишь на право красивый Kroatenstein; потомъ проходишь мимо Mittelndorfermühle, которая лѣтомъ должна красиво рисоваться изъ за яблонь и грушъ, ее окружающихъ; за нею встрѣчаешь слѣды рудокопень, въ которыхъ до 30-лѣтней войны вырабатывали мѣдь; немного далѣе долина опять расширяется лугомъ, и потомъ между двухъ скалъ видишь дикую, черную, заросшую лѣсомъ Kroatenslüchte (не только тутъ, но и въ другихъ мѣстахъ Саксонской Швейцаріи имя Кроатовъ попадается, иногда вновь придѣланное, иногда и изстари извѣстное); далѣе идешь мимо обломковъ скалъ, черезъ которыя переливается водопадомъ Beuthenwasser, и селяне предлагаютъ спустить воду, чтобы показать водопадъ во всей красѣ; далѣе проходишь сквозь разсѣлину скалъ, ничтожную въ сравненіи съ Моравскими, но для Сакс. Швейцаріи все-таки годную,— и скоро доходишь до Heidemühle, уютно приклонившуюся подъ красивымъ обрывомъ скалы, наз. Heidemadstein; отъ Bad'а досюда часъ пути, и можно идти по шоссе, узкомъ, но очень покойномъ. Далѣе проходишь мимо Лихтенгейнскаго водопада, годнаго для картинки, заворачиваешь направо, поднимаешся въ лѣсъ на гору, — и, когда уже не ждешь ничего кромѣ темнаго лѣса, вѣчно зеленыхъ, вѣчно красивыхъ пихтъ, внезапно раскрывается передъ глазами сквозная пещера, извѣстная подъ именемъ коровьяго хлева—Kuhstall. Около 30 шаговъ шириною, около 20 вышиною, она хороша какъ бесѣдка въ паркѣ такого размѣра, какова Сакс. Швейцарія, но какъ произведеніе природы, кажется, не заслуживаетъ излишнихъ восклицаній. Видъ изъ нея лучше ея, а преданія, если-бы онѣ были расказаны художникомъ, были-бы еще лучше. Преданій множество. Всѣ, или почти всѣ относятся ко времени войнъ за вѣру и къ безвременному времени

Digitized by Google

разбойничьихъ проказъ,—и каждый уголокъ напоминаетъ о чемъ-нибудь занимательномъ. Говорятъ, напр., что на горѣ надъ пещерою, куда можно забраться по довольно покойной лѣстницѣ, продѣланной въ разщелинѣ скалы, стоялъ замокъ «Neu Wildenstein», и владѣлецъ его, какой-то грозный баронъ, былъ страшилищемъ для окрестныхъ жителей. Задумали они отомстить ему, и придумали сказочное дѣло: однажды когда баронъ выѣхалъ изъ замка куда-то далеко и на долго, жители всѣ, сколько ихъ было, пришли въ замокъ, давай его ломать, разломали до основанія, сбросили все сломанное съ горы въ пропасть, лежащую подъ нею, и хворостомъ и разной дрянью покрыли мѣсто; самую дорогу, ведшую къ замку, завалили, а другую провели въ чащу лѣса. Ну, баронъ пріѣхалъ, искалъ, искалъ своего замка, не нашелъ и поѣхалъ назадъ, увѣренный, что это дѣло рукъ дьявольскихъ. Еще болѣе увѣрился онъ въ этомъ, когда, ворочаясь, слышалъ раздающееся по лѣсу и повторяемое эхомъ дикое ха-ха-ха: онъ крестился и молился, и спѣшилъ на чемъ свѣтъ стоитъ прочь да подалѣе отъ этихъ чудесъ. Я не знаю только, какъ могъ тутъ помѣститься замокъ: мѣсто небольшое; а впрочемъ есть примѣты, что тутъ жили люди: есть еще колодецъ, попадается кирпичь, видны въ самой скалѣ остатки старой работы. Направо отъ Kuhstall есть пещерка съ окошечкомъ въ пропасть, называемая Pfaffenklunst—и вотъ почему. Лихтенгайнскій попъ не хотѣлъ измѣнить католицизму, не внималъ убѣжденіямъ протестантовъ; а было это въ XV что-ли вѣкѣ, — и скрылся въ этихъ мѣстахъ въ одной пещеркѣ, называемой Pfaffenloch. Враги его однако нашли его и тутъ, перебросили въ Pfaffenklunst, да и вышвырнули въ пропасть сквозь окошко, или, какъ говорятъ другіе, оставили его умрѣть голодною смертію, заваливши камнями входъ въ пещерку. Недалеко отъ этой пещерки есть другая, и теперь не для всякаго доступная: называется Schneiderloch, по имени Шнейдера, атамана разбойничьей шайки, имѣвшаго въ ней свой кабинетъ. Съ другой стороны Коровни есть пещера, защищенная довольно порядочно отъ вѣтра и называемая Wochenbett: она была, какъ говоритъ преданіе, спальнею для какой-то знаменитой родильницы, спасавшейся тутъ во время войнъ за вѣру. Она умерла, а ребенокъ, выросши, былъ страшнымъ гонителемъ враговъ матери. И пр. и пр. Самое имя Kuhstall относится къ этимъ временамъ. Разсказывающіе преданія эти разногласятъ между собою только въ томъ, что касается до обитателей этихъ мѣстъ: одни говорятъ, что тутъ скрывались католики отъ протестантовъ, а по словамъ другихъ протестанты отъ католиковъ. Изъ одной изъ пещерокъ я снялъ видъ окрестныхъ скалъ, изъ за которыхъ вдали видѣнъ Лиліенштеинъ, и потомъ сквозь разсѣлину между скалами и далѣе по довольно крутой, хотя впрочемъ покойной, дорожкѣ спустился въ Habichsgrund, надъ которымъ скалы Kuhstall'и поднимаются на 500 футовъ, если не болѣе.

Digitized by Google

Направленіе нашего пути здѣсь перемѣнилось: мы пошли на югъ. И шли сначала по лѣсистой долинѣ, потомъ все выше и выше, все лѣсомъ, на kleine Winterberg. Дорожка прекрасная, какъ дорожка очень покойна, но отъ самой подошвы до самого верху горы очень крутая: я хоть и взошелъ на самую гору безъ отдыха, однако, пришедши къ такъ наз. Jägerhaus'у, легъ, разлегся. Я еще такъ не уставалъ никогда. И стоило же взбираться! видъ правда хорошъ, но такихъ видовъ я видѣлъ уже много. Я снялъ видъ на Kuhstall, и выслушалъ слѣд. преданіе:—Домикъ стоитъ на обрывѣ. Курфирстъ Августъ въ 1558 году гонялся тутъ за оленемъ. Олень, преслѣдуемый на горѣ собаками, добѣжалъ до того мѣста, гдѣ теперь домикъ; а курфирстъ стоялъ подъ обрывомъ ниже и то-же надъ обрывомъ въ долину. Оленю оставалось одно:—броситься съ обрыва на курфирста и повалить его съ собою въ пропасть. «Или обоимъ, или одному», сказалъ курфирстъ,—выстрѣлилъ, и олень легъ на мѣстѣ. Сынъ Августа Христіанъ построилъ тутъ домикъ, поставивши на кровлѣ его скелетъ оленя. Въ 1818 построили новый съ Латинскою и Нѣмецкою надписью, напоминающей о смерти оленя и спасеніи курфирста. Я впрочемъ надписи не прочелъ.—На klein Winterberg уже видѣнъ базальтъ. По пути съ нея на grosse Winterberg тоже. На gr. Winterberg уже въ большомъ размѣрѣ. Хоть эта гора 1710 футовъ вышиною, но всходъ очень легокъ. На горѣ есть нѣсколько домиковъ для прихожихъ и строится большая гостинница съ башнею. Я взлѣзалъ на башню, но видомъ любоваться не могъ, потому что вѣтеръ слишкомъ пронзителенъ и силенъ. А видъ долженъ быть очень хорошъ,—видъ на Эльбу до Лилiенштеина и далѣе къ Дрездену и за Дрезденъ, а съ другой стороны видъ на Богемію къ Течину и далѣе. За то я тутъ прекрасно пообѣдалъ: супъ былъ на чудо, а кусокъ жареной кабанины заставилъ меня запить себя двумя рюмками горькой водки (что и стоило 8 грошей). Тутъ продаютъ различныя вещи изъ Богемскаго стекла и хрусталя съ видами Сакс. Швейцаріи. Лѣтомъ приходятъ сюда изъ Богеміи музыканты и пѣвцы и увеселяютъ публику. Гора вся покрыта лѣсомъ и не хвойнымъ, а потому вся завалена опавшимъ листьемъ; идешь и нехотя играешь предивный концертъ. Проводникъ мой, обращающій мое вниманіе на все романическое, замѣтилъ и романичность этого, не замѣчая того, что романистъ-проводникъ всего романичнѣе. Онъ уже надоѣлъ своими романическими напоминаніями: на какую скалу ни взглянетъ, видитъ или носъ, или ухо, или цѣлую голову какого нибудь животнаго, иногда цѣлаго быка или кабана, или замокъ, и приправляетъ все это сладкозвучнымъ носовымъ «гхе-гхе». Такого человѣка можно сравнить со скалою унизанную надписями перебывавшихъ подлѣ нея странниковъ: разница только та, что скала вѣрно сохраняетъ надписи и даетъ понятіе о писавшихъ, сама оставаясь неизмѣнною; у человѣка же такого умъ

Digitized by Google

превращается въ уксусъ этихъ надписей, вонючій и кислый какъ это «гхе-гхе»!. Кстати: и Kuhstall покрыта тысячами надписей, между которыми есть преудивительныя. Напр: «Природа! я твой сынъ и—прости—любовникъ!» Этотъ сынъ природы, конечно, родился или воспитывался in einer Kuhstall.

— Здравствуй, здравствуй, Богемія! правда еще Богемія, а не Чехія, но всетаки здравствуй. О, я знаю красоты твоей природы—и надѣюсь.—Я надѣялся не напрасно. Сошедши съ gros. Winterberg, мы завернули на юго-востокъ, пошли по границѣ лѣсомъ, лѣсомъ долго пустымъ то съ горы, то на гору,—и вотъ онъ сталъ просвѣчивать, вотъ показались скамейки подъ деревьями, вотъ показалась закраина надъ пропастью... Богемія показалась передо мною очаровательнымъ ландшафтомъ. Подъ ногами пропасть, густо заросшая пихтами, отвсюду поднимаются скалы, однѣ изъ за другихъ, группами, рядами, столбами, стѣнами, изъ за нихъ видны луга, поля, деревни, холмы, и скалы, и далѣе поднимается прелестный Розенбергъ какъ гигантская могила, покрытый лѣсами, оттѣняя собою далекую даль; а на право смѣлою рукою природы перекинутый сводъ Пребиштора. Этотъ видъ надъ Пребишгрундомъ. Видъ со скалы надъ Пребишторомъ и другой скалы, соединяющейся съ нею подъ прямымъ угломъ еще богаче: кажется, летишь на воздушномъ шарѣ, такъ видъ открытъ; Розенбергъ уже въ сторонѣ, на лѣво, и отъ него на право развертываются горы за горами, долины за долинами до Лилiенштейна, а отъ Эльбы видны только вершки побережныхъ скалъ. Ходить по этимъ скаламъ очень покойно: всюду закраины, на которыя, глядя подъ себя, можно безъ страха опереться, а гдѣ скалы разорвались, тамъ перекинуты мостики, гдѣ круто, продѣланы ступеньки. Къ Пребиштору спускаешься по лестницѣ. Пребишторъ, вышиною до 65, шириною до 80 футовъ, и точно изумителенъ, смѣлъ. Всѣ стѣны, всѣ уголки въ немъ испещрены надписями,—и право стоитъ повторить знакомому и незнакомому: «и я былъ тутъ». Подъ скалою домикъ, гдѣ лѣтомъ можно достать все что угодно для желудка, который не насыщается видами. Вообще въ Саксонской Швейцаріи этихъ гостинницъ много всюду; но теперь онѣ пусты. Налюбовавшись, мы спустились въ долину, и прямо къ Эльбѣ—вдоль по потоку Геернскреченскому (Горшанскому). Долина узкая, обставленная громадами скалъ, потокъ быстрый,—глушь—и тутъ-же человѣческая дѣятельность:—безпрестанно мельницы, набережныя, домики, люди, будто подлѣ большого города. Въ Гернскреченѣ я напился кофе,—и вдоль по берегу Эльбы пошелъ въ Шандау. Тропинка очень покойна, только подходя къ Шандау, вьется между каменоломень; но за то, что за виды! Вечерѣло, Лильгенштеинъ и окрестныя горы сѣдѣли радужною мглою, побережныя горы направо отражали солнце, на лѣво, покрытыя лѣсомъ чернѣли... И прочая. Выражая словами впечатлѣнія, произведенныя природою,

Digitized by Google

пародируешь и ее и себя; и потому лучше замолчу.—Наконецъ я въ Шандау—опять.

Половина 10-го.

Только что воротился изъ концерта. Дивный концертъ. Вечеромъ, часу въ 7-мъ, когда я только что хотѣлъ сѣсть за письмо, приходитъ мой проводникъ, и подавая мнѣ афишку говоритъ ученымъ тономъ: читайте. Читаю: «Die Geschwiester Gredler, Тирольцы, дадутъ National Concert, въ 3-хъ отдѣленіяхъ, и пр. Цѣну 1 мѣсту 4 гроша. Начало въ половинѣ 8-го». Прекрасно, иду. «Пожалуйста достаньте билетъ».—И въ началѣ 8-го я пошелъ. Пришелъ—никого нѣтъ, ни души. Воротился. Въ $^3/_4$ восьмаго опять пришелъ: двѣ души. Только въ половинѣ 9-го собралась достопочтенная публика. Чужой былъ я одинъ. Можете представить, какъ на меня глазѣли... Передъ 36 стульями, поставленными въ 3 ряда, поставили столъ длинный и передъ нимъ короткій, на этомъ короткомъ угораздили другой короткій, а на длинномъ два стула. Комната была освѣщена 6-ю сальными свѣчами. Пришли братъ съ сестрою, влезли, сѣли, начали—и кончили. Было и интро(ду)ціоне на цитрѣ, были и народныя пѣсни, былъ даже Maultrommelconcert на 12 варганахъ, перебираемыхъ попарно. Публика была очень довольна... Въ продолженіе концерта она курила и пила пиво. Остался и я доволенъ, насмотрѣвшись на Шандавскую публику.

Шандау, городъ маленькій, съ одной стороны уперся въ горы, съ другой прилегъ къ Эльбѣ. На картинку—оченъ хорошъ.

Ноября 5-е. Пирна.

Ворочаюсь въ Дрезденъ. Изъ Шандау сюда пріѣхалъ. Дорога по лѣвому берегу Эльбы—очень мила. Проѣзжали мимо Кёнигштеина (гора и знаменитый замокъ—крѣпость).—Теперь жду пока запрягутъ лошадей—и въ Дрезденъ.—Тамъ останусь не долго. Можетъ быть даже завтра—въ Прагу, т. е. опять въ Пирну, и потомъ не на лѣво, а на право.—

Прага. Декабря 15-е.

Я получилъ Ваше письмо за № 11. Тутъ же письмо Метлинскаго съ приписками Костомарова и Рославскаго.

И Вы, милая Маменька, и доброй Амвросій, хлопочите о моемъ здоровьи. Правда, что я не быкъ; но, благодаря Бога, не могу пожаловаться. Еще Вы пишете, что меня могутъ назвать хвастуномъ. Мнѣ и въ голову не приходило никогда считать чѣмъ-нибудь особенно важнымъ мое пѣшеходство. Это моя страсть, а страстью не хвастаются. Я забылъ, какъ выразился въ письмѣ къ Краевскому, и жалѣю если могу подать поводъ людямъ смѣяться надъ тѣмъ,

Digitized by Google

что мнѣ вовсе не кажется смѣшнымъ [1]).—Еще вы пишете объ отсрочкѣ моего путешествія, позволяете мнѣ просить ее, и прибавляете слова Амвросія, что я могу пополнить и дома, чего не пріобрѣту на пути. Нѣтъ, это не возможно. Тутъ могу и похвастаться: теперь не Шафарикъ мнѣ, а я Шафарику поправляю карты Чехіи, Моравіи, Силезіи, Лужицъ, а Лужичанинъ Іорданъ, составляющій Лужицкій словарь, приходитъ ко мнѣ списывать изъ моего словаря слова. Безъ личнаго посѣщенія всѣхъ земель Славянскихъ, я не буду преподавателемъ, какимъ бы хотѣлъ быть. На другихъ плоха надежда. Книгами я занимаюсь только рѣдкими. Словомъ: воротившись я могу привести въ лучшій порядокъ собранное, но новаго уже не достану. А мнѣ остается цѣлая Иллирія, Венгрія, Галиція, Польша. Ужасно. Теперь заниматься началъ по Венгерски; для путешествія по Венгріи это необходимо.

Амвросій писалъ мнѣ о планѣ журнала [2]). Если онъ будетъ отъ Университета, то литература беллетристическая должна быть выброшена. Самая критика не можетъ быть ни смѣла ни игрива. Если бы можно было издавать не отъ Университета, а съ пособіемъ Университета, какъ издавалъ Склабовскій [3]). Хлопочи о цензурѣ.—Ворочусь, поговоримъ подробнѣе, и затѣемъ. Ахъ, если бы я только могъ собрать и о другихъ Славянахъ столько, сколько собралъ о тѣхъ, которыхъ посѣтилъ. Въ Прагу изъ Дрездена я привезъ 65 фунтовъ бумагъ; матеріаловъ уже есть года на два.—Николаю Иван., Александр. Петровичу, Сем. Семен. [4]) и т. д. поклонъ.

Цѣлую васъ. Прощайте. Срз.

---

[1]) Письмо И. И. Срезневскаго, напечатанное въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1840 г., т. XII, смѣсь, стр. 20—23; въ этомъ письмѣ трудно найти что-нибудь подобное хвастовству; Е. И. С—ая скорѣе только боялась, чтобы *другіе* не заподозрили ея сына въ хвастовствѣ, чѣмъ сама видѣла въ письмѣ этотъ недостатокъ.

[2]) Эти строки—отвѣтъ на письмо А. Л. Метлинскаго отъ 31 окт. 1840 г.; въ немъ Метлинскій пишетъ: «Недавно пригласилъ меня князь Цертелевъ (помощникъ попечителя харьковскаго учебнаго округа) и говорилъ о довольно важныхъ предположеніяхъ—журналѣ при университетѣ, обществѣ литературномъ изъ студентовъ, собраніяхъ студентовъ для чтенія сочиненій... Все это очень хорошо, но для дѣла надобно рукъ и головъ побольше. Журналъ, затѣя большая и, признаюсь, страшная! Если и выхлопотать позволеніе, то безъ пособія университета можно сѣсть на первой книжкѣ... Не осрамимся ли этимъ? Смѣты, расходы, приходы—это самая отвратительная часть человѣческой дѣятельности — и я даже своихъ не умѣлъ свести. Еслибъ эту часть можно отдѣлить? Дѣло за горами; но однако жь ему хочется программы. Напиши свое мнѣніе. Мнѣ кажется, кромѣ ученыхъ статей, какъ въ Запискахъ Московскаго университета, надобно непремѣнно литературу... Но гдѣ взять? Еще 3-й отдѣлъ—матеріалы мѣстности и народности округа, и запасу для нихъ требовать отъ гимназій учителей etc.»

[3]) Здѣсь идетъ рѣчь объ «Украинскомъ Журналѣ», издававшемся въ 1824 и 1825 гг. отъ Харьковскаго университета; это одинъ изъ лучшихъ журналовъ того времени.

[4]) Н. И. Костомаровъ, А. П. Рославскій, С. С. Лукьяновичъ.

Digitized by Google

ОТДѢЛЪ II.

О вліяніи корельскаго языка на русскій въ предѣлахъ Олонецкой губерніи.

Въ Олонецкой губерніи, точнѣе въ западной и сѣверо-западной ея части, происходитъ соприкосновеніе двухъ разнородныхъ элементовъ—русскаго и корельскаго. Оба эти народа находятся въ самомъ близкомъ другъ къ другу отношеніи. Живутъ нерѣдко въ однихъ селахъ (напр. въ с. Ялгубѣ, Петрозаводскаго уѣзда, половину народонаселенія составляютъ русскіе, а другую кореляки), роднятся посредствомъ браковъ, угощаются, не говоря уже объ обычныхъ международныхъ отношеніяхъ. Результатомъ такого близкаго общенія является то обстоятельство, что какъ русскіе, такъ и кореляки многое перенимаютъ и заимствуютъ другъ отъ друга, начиная отъ языка и обычаевъ и кончая покроемъ одежды.

Языкъ, вообще, сильнѣе всего испытываетъ чужеземное вліяніе; онъ, какъ самый чувствительный приборъ, до мельчайшихъ подробностей можетъ отражать на себѣ это вліяніе, показывать его силу и степень, а потому и въ данномъ случаѣ вліяніе двухъ народностей—корельской и русской прежде всего сказывается во взаимномъ вліяніи ихъ на языки. Нѣтъ сомнѣнія, что языкъ русскій, какъ языкъ народа, болѣе образованнаго, создавшаго свою культуру, достигшаго извѣстной степени цивилизаціи, по степени вліянія занимаетъ первое мѣсто. И это тѣмъ удобнѣе могло случиться, потому, что кореляки въ пору своего подчиненія русскому вліянію, были народомъ очень мало развитымъ, почти дикимъ, а потому, перенимая отъ русскихъ готовыя понятія, новыя, дотолѣ имъ невѣдомыя представленія, должны были заимствовать и самыя слова для обозначенія ихъ. Этимъ и объясняется существованіе въ корельскомъ языкѣ массы словъ чисто русскаго происхожденія. Слова русскія, перешедшія въ лексиконъ кореляковъ, очень мало терпятъ измѣненій. Только, по особому свойству языка корельскаго, удареніе на нихъ переносится на первый слогъ (если только оно въ употребленіи у русскихъ не стояло тамъ), и нѣсколько измѣняется окончаніе: напр., русск. слово «стекло» у кореляковъ произносится «стѐкле» или «стѐклу», самова́ръ»—«са́моваре» или «са́мовару»... Но не въ заимствованіи только словъ оказывается вліяніе русскаго языка на корельскій, оно обнаруживается и въ самомъ построеніи, конструкціи корельской рѣчи. Въ корельскомъ языкѣ словорасположеніе и зависимость между словами точно такая же, какъ и въ языкѣ русскомъ: подлежащее стоитъ на первомъ мѣстѣ, потомъ сказуемое и потомъ уже дополненіе; слово опредѣляющее всегда ставится ранѣе своего опредѣляемаго (я разумѣю рѣчь, безъ логическихъ ударенiй), глаголъ всегда непремѣнно требуетъ того самаго падежа, какого и въ языкѣ русскомъ. Для примѣра можно взять такое предложеніе: по русск.—моя мать была хорошая женщина; она любила меня и приготовляла мнѣ всю, какая только была необходима для меня, одежду; по корельски

Digitized by Google

эта же фраза будетъ такъ: минунъ (моя) муамо (мать) оли (была) лювя (хорошая) инегмине (женщина); пяйнъ (она) сувайхи (любила) минудъ (меня) и валминтели (приготовляла) минуле (мнѣ) кай (всю), кудамадъ вой пиди (какая только была необходима), собатъ (одежду). Вообще, коротко сказать, вліяніе языка русскаго на корельскій очень велико. Но подробнѣе распространяться объ этомъ вліяніи—не входитъ въ задачи нашей статьи. Если же нами и дѣлается въ нѣкоторой степени отступленіе отъ поставленной темы, такъ только въ тѣхъ видахъ, чтобы далѣе, говоря о вліяніи исключительно языка корельскаго на русскій, языка слабѣйшаго на болѣе сильный, не показаться слишкомъ одностороннимъ (тенденціознымъ), опускающимъ изъ виду главное и говорящимъ о второстепенномъ: «слона то и не примѣтилъ»...

Вліяніе языка корельскаго на русскій главнымъ и почти исключительнымъ образомъ сказывается въ томъ, что русскіе Олонецкой губ. употребляютъ въ своей рѣчи множество словъ корельскаго корня. Какимъ образомъ и почему русскіе заимствовали тѣ или другія слова (соотвѣтствующія которымъ есть и въ русскомъ яз.) изъ корельскаго языка—рѣшить я не берусь. Я отмѣчаю только тотъ фактъ, что рѣчь русскаго олончанина пересыпается массой корельскихъ словъ. Не говоря уже о деревенскихъ жителяхъ, даже и Петрозаводскіе мѣщане, народъ, по всей вѣроятности, пришлый, говорящій съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ на *а*, вмѣсто *о*, и большая часть чиновничества, которое не упускаетъ никогда случая посмѣяться надъ своеобразнымъ говоромъ корелякa, и тѣ употребляютъ въ своей рѣчи множество корельскихъ словъ, не подозрѣвая, что они происходятъ отъ корельскихъ корней. Мнѣ самому приходилось слышать изъ устъ чиновниковъ такія фразы: я цѣлую комшу набралъ ягодъ... А вехотка твоя хороша. Мы ходили въ ламбу удить рыбу. Сегодня я не кехтаю пристать за переписку бумагъ... и т. д. Природнаго олончанина не поражаетъ такая пестрота рѣчи; его ухо съ младенчества привыкло слушать эту смѣсь языковъ, но совсѣмъ другое впечатлѣніе она производитъ на пріѣзжаго, не олончанина; онъ часто становится въ тупикъ, приходитъ въ недоразумѣніе, не понимая многихъ словъ своихъ собесѣдниковъ, и въ концѣ концовъ, уѣзжая изъ Олонецкой губерніи, приходитъ къ тому заключенію, что у русскихъ олончанъ въ рѣчи очень много и много корельскаго. Я по возможности и постараюсь перечислить всѣ тѣ слова корельскаго корня, которыя употребляются русскими Олонецкой губерніи [1]).

Арандать—ворчать (старуха арандае). Въ корельскомъ языкѣ есть созвучный глаголъ «äристä», означающій тоже самое. Только онъ рѣдко употребляется въ смыслѣ ворчанья людей, а больше прилагается для обозначенія ворчанья собакъ (койру äризöвъ).

Арда—вѣшалка (см. у Барс). Это слово безъ измѣненій заимствовано изъ корельскаго яз., гдѣ «ардо» значитъ шестъ, на которомъ сушатъ неводъ, сѣти и бѣлье.

Бу̀гра—землянка рыбаковъ и полѣсовщиковъ. У кореляковъ употребляется слово «бу̀гри»; только первоначально оно значитъ—небольшой пологъ, устраиваемый надъ постелью въ лѣтнее время для защиты отъ мухъ, а потомъ уже—всякое укромное мѣсто, темное, тѣсное, гдѣ спятъ.

+ Бурайдать—ворчать (вѣчно старикъ бурайдае), происходитъ отъ корельскаго глагола «буриста», что значитъ также ворчать.

+ Верва—дратва; отъ корельск. «бирби» или «вирви»—сапожная дратва (можно, впрочемъ, сл. верва производить отъ славянск. вервь, вервье). Ветошка-мочалка, которой моютъ посуду или моются въ банѣ. Происходитъ отъ корельск. слова «вихко», что̀ значитъ также мочалка. Слово «вихко» употребляется и въ финскомъ яз. и означаетъ пучекъ соломы или сѣна.

Вычикурдывать—выдѣлывать губами трели, высвистывать. По всей вѣроятности представляетъ передѣлку корельск. глагола «вичэрдiä»—щебетать; прилагается почти исключительно для обозначенія щебетанія ласточекъ.

---

[1]) При перечисленіи словъ я руководился своими наблюденіями, словаремъ Барсова и словаремъ Даля.

Digitized by Google

+ Вяньгать или веньгать—хныкать, плакать, говорить нѣмо, вяло, медленно, невнятно, говорить жалобно;—отъ корельск. «вингуа»—свистѣть, завывать (о вѣтрѣ), пищать (о дѣтяхъ).

Вячандать, вячкать—говорить, болтать. Оба эти глагола, надо полагать, корельскаго происхожденія. Въ корельск. яз. есть глаголъ «вäджистä» (звуки *дж* не вполнѣ передаютъ звукъ корельск. яз. Чтобы получить соотвѣтствующій звукъ, нужно привести части рта и языкъ въ такое положеніе, какое они имѣютъ при произнесеніи звука «ч» (червь), и потомъ стараться произнести звукъ «ж»—спорить, переругиваться, возражать, и вячкэä—болтать, говорить безъ умолку, повторять одно и тоже нѣсколько разъ.

Габукъ—ястребъ; это слово несомнѣнно корельскаго происхожденія. У кореляковъ ястребъ всегда и вездѣ называется «габукъ».

+ Галить и галяндать—смѣяться. Въ корельск. яз. есть глаголъ «гäлистä—шумѣть, звенѣть, бренчать,—часто прилагается и къ смѣху, нестройной болтовнѣ.

Гарьюки—литки, могарычи; отъ корельск. «гарьюкатъ», что значитъ тоже самое. Корень корельск. «гарьюкатъ» происходитъ отъ «горье»—грива; и такое происхожденіе объясняется тѣмъ, что кореляки и до сихъ поръ большею частью пьютъ литки только при куплѣ и продажѣ лошадей.

Гуран дать—тихо гремѣть вдали. Корельск. «гуриста»—означаетъ звукъ, производимый какимъ-нибудь катящимся предметомъ—колесомъ, шаромъ и т. п. Этотъ же глаголъ употребляется для обозначенія шума, производимаго текущей водой, напр., въ рѣкѣ, ручейкѣ и т. д.

Засяряндать — засѣменить, быть въ неловкомъ положеніи. Въ корельск. яз. есть глаголъ «сäристä», означающій единственно дрожать, дрожать ли то отъ страха или отъ холода, безразлично.

Кава—колышекъ, тычекъ; происходитъ отъ однозначущаго корельскаго слова «куави»—колышекъ, забитый въ землю.

+Каландать—издавать звуки, бренчать. Въ корельск. яз. есть слово «кàлиста»,—означающій однако не всякій звукъ, но только происходящій отъ столкновенія двухъ небольшихъ предметовъ. Равнымъ образомъ, этотъ же глаголъ прилагается для обозначенія звона небольшихъ колокольчиковъ, напр. привязываемыхъ на шею домашнимъ животнымъ. Тоже происхожденіе, должно быть, имѣетъ и глаголъ киляндать—издавать тонкій звукъ.

Каржаки или каршаки—коты, сапоги безъ голенищъ,—отъ корельскаго—«каршутъ». Первое значеніе каршутъ, это—веревочки, завязки, посредствомъ которыхъ берестяные лапти привязываются къ ногамъ, а потомъ уже худые истоптанные лапти, рваные, истоптанные сапоги безъ голенищъ.

Карзать — обрубать сучья дерева; въ корельск. — «карзыз» имѣетъ то же значеніе.

Каска — срубленный для пожоги лѣсъ, подсѣка; отъ корельскаго созвучнаго «каски», которое также значитъ выжженный участокъ.

Кеньги — сапоги. На языкѣ русскихъ слово «кеньги» означаетъ большіе, неуклюжіе сапоги, сшитые изъ бѣлой кожи, худо смазанные дегтемъ. Кореляки же «кенгятъ» называютъ всякую кожанную обувь.

Кердега—сѣть. По всей вѣроятности, это названіе происходитъ отъ корельск. глагола «кіердäі»—сучить, скать нити; для сѣтей же всегда употребляются сканыя нити.

+ Канабра—растеніе богульникъ (ledum palustre). У кореляковъ словомъ «канабру» означается то же самое растеніе.

+ Кережа—брюханъ, обжора (ругательное слово). Кореляки употребляютъ слово «кережъ» также для обозначенія большаго желудка. Корень корельск. «кережъ»—«керя»—клубокъ, шаръ.

+ Кехтать—имѣть желаніе, охотиться (я сегодня не кехтаю ничего дѣлать). Тоже самое означаетъ и корельскій глаголъ «кіехтäнъ»

Кирза—верхній слой земли. Кореляки словомъ «кирза» называютъ верхній слой

Digitized by Google

глинистой почвы, которая послѣ зимы, при первой весенней оттепели трескается (кирзоттой—трескаться) и образуетъ зыбкую, вязкую поверхность.

+Кобра—горсть, отъ корельск. «кобра»—пригорошня, горсть (финск. «корча»).

Кокшать—копать (у Барс.). Въ корельск. есть глаголъ «куоккіэ», первое значеніе котораго разбивать на полѣ комки (предъ посѣвомъ), а потомъ и копать небольшую ямку.

Колкать—стучать задвижкою, запоромъ, щеколдой, стучаться въ двери; въ ворота отъ корельск. «колката» (по финск. kolcata)—хлопать.

+Комша—корзина, сплетенная изъ бересты. Корельское «комшу» имѣетъ то же самое значеніе.

Корба — густой, высокій ельникъ. То же значеніе имѣетъ и корельское слово «корби».

Кубандать—почесать, поскоблить. Въ корельск. «кубайттоа» употребляется съ тѣмъ же значеніемъ.

Куекъ—гагара (у Барс). Кореляки гагару называютъ «гуйка» или «куйка».

Куккышъ-карангышъ—цвѣты дикой розы, отъ корельск. «кукойнъ-карангайне». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ол. губ. эти же самыя цвѣты называются «пѣтушками»; это названіе есть буквально переводъ корельскаго—«кукойнъ-карангайне».

Кукры—плечи (таскать на кукрахъ); отъ корельск. «куккури»—верхняя часть плечъ.

Курандать—журчать; отъ корельск. звукоподражательнаго глагола «куриста», что̀ значитъ кипѣть, бить ключемъ, булькать.

+Куникъ—деревянный молотъ, отъ корельскаго курикку (въ финск. kurikka), означающаго то же самое.

Курникъ—рыбный пирогъ; по корельски «курникку» значитъ то же самое.

Кутышкать — щекотать. По всей вѣроятности, происходитъ отъ созвучнаго корельскаго глагола «кутькуттай», что̀ значитъ также щекотать.

+Кябрушка—поплавокъ, поддерживающій сѣть на верху воды (у Барсова). Въ корельск. яз. слово «кябрю» значитъ—шишка еловая или сосновая, а потомъ и берестянные поплавки, которые привязываются къ сѣтямъ.

+Кябра—стая собакъ (во время, такъ называемой, собачьей свадьбы); отъ корельск. «кярбю»—несчастіе, неудача, а потомъ и сутулока, поспѣшное, безтолковое дѣло (вѣроятно, словомъ «кябра» русскіе хотятъ обозначить ту сутулоку, которая происходитъ въ собачьей стаѣ во время течки суки).

Кярза—челюсти. Въ корельск. есть тоже слово «кärзä», обозначающее свиную морду и прилагаемое иногда къ человѣческой физіономіи только въ ругательномъ смыслѣ.

+Ламба—небольшое озеро. Кореляки словомъ «ламби» называютъ небольшія, лѣсныя озерки.

Лалаки—дёсна; по корельски дёсна—лайлакать.

Лаймать—стучать, отъ корельск. «лämистä», производить стукъ, ударяя какимъ-нибудь широкимъ предметомъ, напр., доской.

Ластежка—дранки, полагаемыя между нитками въ ткацкомъ станкѣ. Это слово заимствовано отъ корельск. «ласта» или «лаште»—широкая тонкая лучина, изъ которой дѣлаютъ корзины и сидѣнья въ дровняхъ (корельск. «ласте» происходитъ отъ общераспростр. корельск. же «ласту»—щепка).

Левконуть—промелькнуть; и корельское «лиухкоа» имѣетъ значеніе—мелькать; промелькнуть.

Легандать—колыхаться. Заимствовано отъ корельск. «легистä», которое значитъ то же самое и прилагается только для обозначенія колыханія паруса, пламени и, изрѣдка, одежды.

+Лембой—чортъ. То же и въ корельск. языкѣ. Въ финскомъ «lempo» въ дохристіанскія времена, по свидѣтельству Калевалы и преданія, означало представителя зла въ его обширнѣйшемъ значеніи (M. A. Castren's Vorlesungen über die finnische Mtyhologie. A. Schiefner 1855. St. Petersb. стр. 110).

Digitized by Google

+ Луда—отмель; отъ корельск. «луодо»—каменистая мель въ озерѣ.

Лухта—мелкое мѣсто въ озерѣ, покрытое травой; у кореляковъ «лухта» обозначаетъ просто—лужу, образовавшуюся, напр., послѣ дождя.

+ Макса—молоки рыбы налима. Съ этимъ словомъ тождественно корельское «макса»—печень (въ финск. «maxa»).

Малтать—понимать, корельское «малтоа» собственно значитъ—умѣть.

Мёрда—рыболовный снарядъ, вязаный изъ толстыхъ нитокъ. Это слово имѣетъ происхожденіе отъ корельск. «мерта» (по финск. также «merta»)—маленькая рыболовная верша.

+ Морошка—кустъ и ягода—Rubus chamaemorus, душистая, желтая ягода, растущая на болотѣ; отъ корельск. «муврой»—морошка (корень корельск. муврой—муредъ—значитъ—ломкій, разсыпчатый).

Мутникъ—неводъ для мелкой рыбы. Кореляки этотъ неводъ называютъ также «мутникку» отъ слова «мутти»—мелкая рыбка, малекъ.

Муштать—знать, помнить; отъ корельскаго «муйстай» или мустай (также по финск., которое исключительно значитъ—помнить).

+ Мянда, мендовый лѣсъ—растущая на низменныхъ мѣстахъ сосна; отъ корельск. «мянту»—ругательное слово—никуда негодный, паршивый (въ финск. «mänty»—мелкая сосна).

Мяряндать—ревѣть, кричать, тоже означаетъ въ корельск. глаголѣ «мäристä».

Мячкать—мять; у кореляковъ «мячкіа», «мячкуттäй»—означаетъ сильно надъ чѣмъ трудиться, сильно бить.

Мюряндать—мычать, въ корельск. «мюристä».

+ Нетина—трава у рѣпы; отъ корельск. «няатти», значитъ то же самое.

+ Нявгать—мяукать. Въ корельск. есть глаголъ «няукоа»—съ тѣмъ же значеніемъ.

+ Нюгандать—говорить въ носъ, невнятно; отъ корельск. «нюгистä», означающаго то же самое.

Пинда—верхній слой сосноваго дерева; въ корельск. «пинда»—спина, потомъ верхній слой жиру на спинѣ, напр. у свиньи, и верхній слой дерева.

+ Пиха—боръ; отъ корельск. «пихка»—древесная смола, вытекающая изъ сосенъ и елей.

Пирзать—плакать; происходитъ отъ корельск. «пирзоттай» или «пäрзистäй», хныкать, нюни распустить (плакать—но въ ругательн. смыслѣ).

Пойгашъ—молокососъ; отъ корельск. «пойга». Сынъ, мальчикъ (въ финск. poika—мальчикъ).

Пярейдать—ворчать; отъ корельск. «пäристä»—трещать.

Равандать, равайдать—кричать; въ корельскомъ «рäвистä»—со слезами, съ плачемъ кричать.

Рага—деньги (у Даля), это несомнѣнно корельское или финское «raha» (по фин. raha) означающее также деньги.

+ Резендать—трещать (ледъ резендаетъ); то же самое значитъ и корельск. «рёзистä».

Рёхкать—хрюкать (свинья рёхкае); то же значеніе имѣетъ и созвучный корельскій глаголъ «рöхкэä».

+ Рибандать—бѣжать тихо; корельск. «рипойтай» означаетъ сыпать, просыпать; въ переносномъ смыслѣ оно прилагается и къ бѣгущему мелкой рысцой.

+ Рипакъ—лохмотье, рваные лоскутья. Въ кор. «рипакко» означаетъ тряпку, а также дѣтскія пелёнки.

Рипать—часто мигать. Это слово тождественно съ корельскимъ глаголомъ «рипеттäй»—часто мигать рѣсницами, часто мелькать.

+ Рохвачъ—незрѣлая морошка. Въ корельск. яз. слово «рохка» или «руохка» означаетъ вообще «незрѣлый», неготовый и приложимо не только къ незрѣлой ягодѣ (какой угодно), но и къ несварившемуся кушанью.

Digitized by Google

Рубыша—берестянная корзина; корельск. «робегъ» означаетъ, корзину сдѣланную изъ одного куска бересты и сшитую древесными прутиками.

Рябяндать — шуршать; тожественно съ корельск. «рябистä» — шуршать перьями, бумагой...

Рядчандать—трещать; корельск. «рядчандать» прилагается исключительно для обозначенія крика и трескотни спорящихъ.

Рячконуть—хрустѣть (ледъ подъ ногами рячконулъ), тождественно съ корель- «рячкэä».

Себра—община, общее дѣло. Въ корельск. «сіебра» (въ финск. seura)—артель, группа людей, занимающихся однимъ дѣломъ.

Сельга—горы; отъ корельск. «селгею»(также и въ финск.)—спина, хребетъ, а потомъ и горы.

Сойма—рѣчное или озерное суднò. Это слово тожественно съ корельскимъ и финскимъ «сойма», «сайма»—большое открытое или только на половину закрытое судно.

+ Салага—бѣлая рыбица (Cyprinus alburnus), отъ корельск. «салатти»

÷ Сорога—плотица; отъ корельск. названія этой рыбы «сäргя».

Сурузну—немножко; очевидно, произошло отъ корельск. «суурусъ»—крупинка, крошка, а въ видѣ нарѣчія и—немножко...

+ Тарандать, Тырандать, Турандать—шумѣть, гремѣть; отъ корельск. «тäристä»; служитъ для обозначенія звуковъ, издаваемыхъ телѣгой, ѣдущей по необтесаннымъ, круглымъ бревнамъ.

+ Торбать—распугивать весломъ рыбу, при ловлѣ ея неводомъ или сѣтями. Съ этимъ словомъ тожественно корельск. «тарбоа» (финск. tarpoa)—значитъ стучать, плескать извѣстнаго рода шестомъ (тарбо).

+ Торкать, тыркать, торнуть, турнуть—среднее между толкать и дергать, тормошить, стучать, колотить (торкать въ двери; торни въ двери; пóлно тыркать; турни её вонъ изъ избы); отъ корельск. «туркайта» (также и по фински)—тыкать, толкать, давить, тѣснить.

+ Турба—морда у кошекъ и собакъ, а въ ругательномъ смыслѣ—и лицо человѣка (я какъ закачу тебѣ по тюрбѣ); отъ корельскаго «турбедъ, ей»—густой, и прилагается только по отношенію къ мѣху и лѣсу.

+ Туюсъ или туесъ—берестянный кузовъ; отъ корельск. «туо(h)и—берёста.

+ Уландать—выть; отъ корельск. «улиста»—сильно—плакать, стенать.

Урандать—журчать; отъ корельск. «уристä», прилагается только для обозначенія урчанія въ брюхѣ.

Чича—сестра (у Барсова); отъ корельск. ласкательнаго слова «чичи»—сестрица.

Чихкать—болѣть; въ корельскомъ яз. есть глаголъ «чихкоа», который собственно означаетъ—медленное горѣніе, напр., сырыхъ дровъ; въ переносномъ же смыслѣ значитъ и—чахнуть, хирѣть.

Чорандать—журчать; отъ корельскаго «чуориста» съ тѣмъ же значеніемъ.

Чустякъ—болячка; въ корельск. «чустякко» означаетъ небольшой прыщикъ, нарывъ (bouton d'amour)... Чухкать—лежать смирно, не издавая звука. Созвучный этому глаголу въ корельск. яз. «чухкэа»—означаетъ быть угрюмымъ, молчаливымъ, изображать на своей физіономіи и во всей внѣшней фигурѣ скуку, апатію и т. д.

+ Шагайдать—шевелиться въ темнотѣ. Корельское «шагиста» означаетъ шорохъ, производимый предметомъ или какимъ нибудь живымъ существомъ, невидимымъ для лица говорящаго.

+ Шаглы—жабры, происходитъ отъ тожественнаго корельскаго слова «шаглать».

Шалгунъ—дорожная сумка, котомка; имѣетъ происхожденіе отъ корельск. слова «шалгу»—дорожный мѣшокъ, наполненный припасами и разнаго рода вещами.

Шижликъ—ящерица; по корельски ящерица «шижелихкö».

Шорпаки—сучки, неровности на какой либо поверхности; тожественно съ корельскимъ «шорпакко» или «шорпу».

Шугандать—шептаться; отъ корельск. «шугиста», съ тѣмъ же значеніемъ.

Digitized by Google

Шуня—пристройка у двери (у Барсова); отъ корельскаго «шууня»—ящикъ, помѣщеніе, гдѣ держатъ мякину.

+ Юкнуть—ударить, стукнуть; очевидно сроденъ съ корельск. «юкkätä»—ударить какимъ-нибудь большимъ или лучше тяжелымъ предметомъ.

Юрандать—гремѣть; отъ корельскаго «юристä» съ тѣмъ же значеніемъ (юрӯ—громъ).

+ Ямега—шевъ въ рыболовныхъ сѣтяхъ; слово корельскаго происхожденія, гдѣ глаголъ «ямуо»—зашивать сѣти, равно существительное «ямо»—шовъ въ рыболовныхъ сѣтяхъ.

Ятковать—твердить нѣсколько разъ объ одномъ и томъ же, часто напоминать. Глаголъ, очевидно сроденъ съ корельскимъ «яткуо»—продолжать, удлинять и «яткоттоа»—соглашаться съ говорящимъ, поддакивать, ободрять и т. п. Послѣдній, очевидно, по значенію ближе къ русской передѣлкѣ.

+ Чилайдать—звенѣть. У кореляковъ «чилистä» прилагается для обозначенія звона серебряной монеты или маленькихъ колокольчиковъ.

+ Чурà—крупный песокъ; корельск. «чууру» значитъ вообще песокъ и крупный и мелкій.

Лявзать—болтать; отъ корельск. «лявзöттäй» съ тѣмъ же значеніемъ (финск. lausan—говорить много).

Кокачъ—особаго рода пирожки продолговатой формы, съ корельск. «кокой»—хлѣбы продолговатой формы.

+ Шингать—щипать. Корельск. «шингуо»—значитъ трепать, приводить въ порядокъ, напр., одежду, ленъ, нитки.

Вліяніе языка корельскаго на русскій въ Олонецкой губерніи, кромѣ заимствованія послѣднимъ изъ перваго массы словъ, сказывается еще въ слѣдующемъ обстоятельствѣ. Въ Заонежьѣ относительно языка замѣчается такое любопытное явленіе. Тамошніе жители произносятъ большую часть словъ противъ ударенія, преимущественно «бабы и дѣвки, замѣчаетъ Даль, переносятъ удареніе» на первый отъ начала слогъ: по́ди сю́да, во́зьми, та́бакъ, гля́ди на́ гору, кто тамъ йде, цѣлый ко́рманъ на́бралъ ягодъ, весь на́долъ о́борвалъ, спро́си въ го́роду, жйветъ тамо, сйди смирно, скоро прйду... Чѣмъ объяснить такое явленіе? Мнѣ кажется, что это происходитъ вслѣдствіе вліянія языка кореляковъ, которые, по преданію, уже издавна живутъ здѣсь въ сосѣдствѣ съ русскими. Въ языкѣ же корельскомъ, по особому его свойству, удареніе всегда стоитъ на первомъ отъ начала слогѣ (даже въ словахъ 4-хъ-сложныхъ—йлгатой...); эта же самая особенность, надо полагать, перешла и въ языкъ русскихъ.

Указаніемъ этихъ особенностей въ говорѣ олончанъ я и закончу свои замѣтки о вліяніи языка корельскаго на русскій въ предѣлахъ Олонецкой губерніи.

Н. Лѣсковъ.

Прим. Ред. Нѣкоторыя изъ этихъ словъ употребляются и въ другихъ мѣстностяхъ нашего сѣвера. Такъ слова, обозначенныя у насъ крестикомъ, такъ или иначе употребительны у русскаго населенія въ Арханг. губ. (См. словарь обл. Арханг. нар. А. Подвысоцкаго, изд. Ак. Н. Спб. 1885). Иныя изъ этихъ словъ вошли въ литературный языкъ, напр.: *вензчать* и *луда*. Слово же *галить*—смѣяться имѣлось и въ древне-русскомъ и въ древнецерковно-славянскомъ языкѣ, гдѣ *галити* означ. ликовать, радоваться. Въ сербскомъ—*разга́лити, ра́зга́лйм*—exhilarare—развеять, развеселить, говорится про погоду: *разгаљује* разъясниваетъ, разводриваетъ. Въ томъ же смыслѣ и въ русск., какъ въ малор., такъ и въ великор. Сравн. *проталина* и въ малор. и въ великор. съ однакимъ значеніемъ. Лит. galandu,—galásti—точить (напр. косу) ближе по смыслу къ финск. *галистä*—шумѣть, звенѣть, впрочемъ понятія звона и блеска (отточеннаго оружія) близки къ понятіямъ радости и ликованья. Гот. *goljan*=salutare, grüssen. Вообще это слово нельзя считать заимствованіемъ изъ финск. или готск. Что касается до слова *сѣбра*, то несомнѣнно сродное съ нимъ древне-сербск. *сєбрь* и русск. *сяберъ*, *шаберъ* правильнѣе производить отъ финск. и считать однимъ изъ старославянскихъ заимствованій, нежели выводить его вслѣдъ за Шафарикомъ, изъ народн. имени *Сабировъ*.

Digitized by Google

ОТДѢЛЪ III.

КАВКАЗСКІЙ ОБЫЧАЙ,

какъ источникъ изученія первобытнаго права.

Замѣтки по поводу сочиненія Проф. М. М. Ковалевскаго: «Законъ и обычай на Кавказѣ», Москва 1890 г., т. I и II.

I.

Изученіе Кавказскаго права получаетъ все болѣе и болѣе широкій интересъ въ виду важнаго значенія его какъ въ практическомъ отношеніи, въ цѣляхъ отечественнаго законодательства, такъ и въ научномъ отношеніи, въ цѣляхъ изученія живаго матерьяла для построенія системы первобытнаго права. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи является особенно интереснымъ послѣднее сочиненіе проф. М. Ковалевскаго, вызвавшее съ нашей стороны рядъ предлагаемыхъ замѣтокъ. Съ тѣхъ поръ, какъ за изученіе кавказской жизни принялись такіе видные представители современной науки, какъ Всеволодъ Миллеръ и Максимъ Ковалевскій, наука получила уже весьма много важныхъ и плодотворныхъ выводовъ. Труды проф. М. Ковалевскаго являются особенно цѣнными, если принять во вниманіе, что почтенный ученый самъ наблюдалъ кавказское право въ его живомъ дѣйствіи, производилъ раскопки могилъ Кавказа, записывалъ преданія и разсказы стариковъ и имѣлъ возможность ознакомиться съ такимъ малодоступнымъ матерьяломъ, какъ неизданные рукописные сборники кавказскаго права и подлинныя дѣла горскихъ окружныхъ управленій. Если къ этому прибавить, что г. Русановъ въ своемъ некрологѣ объ извѣстномъ Бахофенѣ (въ журн. «Русская Мысль») не безъ основанія назвалъ проф. Ковалевскаго однимъ изъ самыхъ сильныхъ современныхъ соціологовъ [1]), то станетъ вполнѣ понятнымъ, что каждый новый трудъ г. Ковалевскаго въ этой области долженъ быть принятъ съ особеннымъ интересомъ. Мы тѣмъ болѣе въ правѣ ожидать самыхъ плодотворныхъ результатовъ отъ новаго труда г. Ковалевскаго, что изданные имъ въ 1886 г. два тома его соч. «Современный обычай и древній законъ» являются однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ трудовъ послѣдняго времени получившимъ, къ сожалѣнію, весьма недостаточную оцѣнку въ русской наукѣ, не считая краткой и не обнимающей всего содержанія книги г. Ковалевскаго рецензіи г. Стоянова въ Юридическомъ Вѣстникѣ за 1887 г. (Октябрь мѣсяцъ). Противъ этой рецензіи г. Ковалевскій счелъ нужнымъ сдѣлать краткое возраженіе въ статьѣ «Пшавы», напечатанной въ Юридическомъ Вѣстникѣ за 1888 г. (мѣс. Февр.), каковое возраженіе вошло и въ разбираемую нынѣ книгу г. Ковалевскаго [2]). Къ слову сказать, статья «Пшавы», помѣщенная во 2-й книжкѣ Юр. Вѣстника за 1888 г. и «Родовое устройство Дагестана», помѣщенная въ 12 книжкѣ Юр. Вѣсти. за тотъ-же годъ, вошли цѣликомъ во II томъ послѣдняго труда г. Ковалевскаго. Въ общемъ г. Ковалевскій поддерживаетъ и развиваетъ взгляды, изложенные имъ въ соч. «Первобытное право» и «Современный обычай и древній законъ».

---

[1]) Ср. также отзывъ сэра Фредерика Поллока въ 3-й кн. Юрид. Вѣстника за 1892 г.

[2]) М. Ковалевскій, Законъ и обычай на Кавказѣ, т. II, стр. 101, примѣч.

Digitized by Google

Наиболѣе интересующимъ насъ вопросомъ является вопросъ о значеніи кавказскаго обычая для системы первобытнаго, т. е. примитивнаго, зародышеваго права. Самъ г. Ковалевскій указываетъ на значеніе кавказовѣдѣнія слѣдующимъ образомъ: «европейскихъ ученыхъ занимаетъ прежде всего мысль о томъ, въ какой мѣрѣ изученіе юридическаго быта кавказскихъ племенъ подтверждаетъ или опровергаетъ тѣ гипотезы на счетъ древнѣйшихъ стадій общежитія и развившихся на ихъ почвѣ юридическихъ институтовъ, какіе этнологамъ и юристамъ Запада удалось построить на основаніи часто отрывочнаго, неполнаго, и еще чаще плохо провѣреннаго и поэтому сбивчиваго и противорѣчиваго матерьяла» (Зак. и обыч. на Кавказѣ, т. I, стр. 4). Если сопоставить послѣднюю часть приведенной фразы со взглядами г. Ковалевскаго, высказанными имъ въ 1880 г. въ сочин. «Историко-Сравнительный методъ въ юриспруденціи», то не трудно будетъ понять, что отрывочнымъ, неполнымъ, плохо-провѣреннымъ и поэтому сбивчивымъ и противорѣчивымъ матерьяломъ проф. Ковалевскій, вслѣдъ за Мэномъ, Фриманомъ и друг. [1]) называетъ весь тотъ матерьялъ, который даютъ намъ данныя объ обычномъ правѣ дикихъ и нецивилизованныхъ племенъ Америки, Океаніи и т. д. Если, говоритъ проф. Ковалевскій, одни ученые—на основаніи обычно-правовыхъ данныхъ изъ жизни краснокожихъ племенъ Америки, другіе—на основаніи тѣхъ же данныхъ изъ жизни арійскихъ племенъ Индіи,—пришли къ разнымъ новымъ и важнымъ гипотезамъ о начальныхъ формахъ общежитія, то «этнографія Кавказа, по многочисленности и разнообразію обнимаемыхъ ею народностей и типовъ культуры, далеко оставляетъ за собою бытописаніе какъ американскихъ и океаническихъ, такъ и индусскихъ племенъ» и потому съ успѣхомъ можетъ быть привлечена къ изученію древнѣйшихъ стадій общежитія ibidem, стр. 5—6). Обобщенія ученыхъ о примитивной жизни народовъ, по мнѣнію г. Ковалевскаго, противорѣчивы и нерѣдко здѣсь одна теорія исключаетъ другую. Въ виду этого, обобщенія эти нуждаются въ провѣркѣ. «А для такой провѣрки едва-ли не самымъ надежнымъ матерьяломъ является тотъ, какой доставляетъ намъ наука кавказовѣдѣнія» (ibidem, стр. 6). «Большее преимущество этого матерьяла, продолжаетъ авторъ, превосходство его надъ тѣмъ, какое даетъ намъ, положимъ, изученіе быта американскихъ, малайскихъ и полинезійскихъ племенъ, а также разнообразныхъ обитателей Индіи, лежитъ въ томъ, что мы имѣемъ дѣло съ народностями, которыя самою природою занимаемыхъ ими мѣстностей, поставлены въ условія, благопріятныя болѣе или менѣе сохраненію ихъ стародавнихъ нравовъ и обычаевъ. Народности эти наблюдаемы были съ древнѣйшихъ временъ и продолжаютъ быть наблюдаемы и нынѣ» (тамъ же, стр. 7). Въ силу этого «преимущество, представляемое кавказскимъ матерьяломъ, сводится къ превосходству матерьяла историко-этнографическаго надъ матерьяломъ чисто этнографическимъ. Это превосходство не только дѣлаетъ возможною многократную провѣрку однихъ и тѣхъ же данныхъ, но и раскрываетъ предъ нами порядокъ зарожденія и ростъ отдѣльныхъ институтовъ, а также ту преемственную связь, которая существуетъ между различными стадіями развивающейся общественности».

Если, судя по всему сказанному, кавказовѣдѣніе въ состояніи дать намъ матерьялъ для провѣрки гипотезъ о тѣхъ формахъ, въ какихъ проявлялись древнѣйшія общежитія и о тѣхъ правовыхъ институтахъ, совокупность которыхъ можетъ быть принята наукою за систему примитивнаго права или, если можно такъ выразиться, за первоправо, то должно ожидать, что культура разныхъ племенъ Кавказа весьма близка къ той культурѣ, которую мы въ правѣ назвать примитивною, иначе говоря—первокультурою, или же, по крайней мѣрѣ, что культура эта представляетъ изслѣдователю столько пережитковъ отъ временъ младенческаго строя общества, что строй этотъ безъ особенныхъ усилій можетъ быть возстановленъ во всѣхъ своихъ чертахъ.

Въ дѣйствительности, однако, если остановиться внимательно на культурѣ современныхъ кавказскихъ горцевъ, то должно придти къ заключенію, что культуру эту ни на

---

[1]) У насъ: Слонимскій, Башмаковъ и друг.

Digitized by Google

одну минуту нельзя считать примитивною. Всякій сколько нибудь знакомый съ образомъ соціальной жизни кавказскихъ горцевъ, даже въ наиболѣе изолированныхъ аулахъ, легко согласится съ тѣмъ, что, если сопоставить культуру горцевъ Кавказа съ образомъ жизни, положимъ, какихъ-нибудь веддойцевъ (остр. Цейлонъ) или маорисовъ (Нов. Зеландія), то одну изъ этихъ культуръ (Кавказа) придется назвать высшею, а другую низшею, или—что то-же—одну болѣе архаическою, чѣмъ другая. Одна возможность появленія поземельной общины [1]) указываетъ на сравнительную высоту культурнаго развитія. Поэтому въ отношеніи изученія именно первобытнаго права—кавказовѣденіе можетъ служить источникомъ не столько какъ матерьялъ этнографическій, сколько какъ матерьялъ историческій. (Не говоря, конечно, о переживаніяхъ отъ временъ младенческой культуры въ современныхъ обычаяхъ горцевъ). Самъ г. Ковалевскій сознаетъ, очевидно, справедливость этого обстоятельства, ибо иногда, хотя, правда, и очень рѣдко, обращается именно къ тому отрывочному, противорѣчивому и плохо провѣренному матерьялу, который далъ современной наукѣ первобытнаго права наиболѣе плодотворные выводы, связанные съ именами Бахофена, Моргана, Макъ-Ленана, Леббока и др.

Если, основываясь на такого рода матерьялахъ, наукѣ первобытнаго права приходится прибѣгать къ гипотезамъ о состояніи строя примитивной жизни, той жизни, которая установилась въ первомъ аггрегатѣ людей (именно людей въ смыслѣ соціологическомъ, а не индивидуумовъ—въ смыслѣ біологическомъ), то намъ кажется невозможнымъ иное изученіе примитивнаго права. Наука первобытнаго права не можетъ быть обращена въ науку чисто наблюдательную. И это не потому, чтобы ощущался недостатокъ въ наблюденіяхъ, а потому, что право вообще, какъ совершенно справедливо выразился Савиньи, есть тоже человѣческая жизнь, лишь съ особой точки зрѣнія разсматриваемая. Право существуетъ среди людей и для людей; однимъ изъ факторовъ процесса правообразованія является личность [2]), и потому сумма качествъ, образующихъ личность, не могутъ быть игнорированы правомъ. Отсюда въ изученіи первобытнаго права необходимо пользоваться дедукціей въ такой же мѣрѣ, какъ и индукціей. Проф. Муромцевъ въ своей замѣткѣ на послѣднее сочиненіе Поста говоритъ слѣдующее: «Съ особеннымъ стараніемъ Постъ разъясняетъ то основное положеніе своего воззрѣнія, которое осуждаетъ изслѣдованіе права на почвѣ индивидуально психологической и рекомендуетъ взамѣнъ того изслѣдованіе соціологическое. Личныя чувства, на которыхъ покоится правовой порядокъ, замѣчаетъ авторъ (Постъ), сами составляютъ продуктъ соціальнаго развитія; не индивидуальныя юридическія воззрѣнія создаютъ право, но, наоборотъ, эти воззрѣнія сами образуются подъ вліяніемъ дѣйствующаго права, какъ явленія, созданнаго жизнію человѣка въ обществѣ. Таковъ наиболѣе сильный и наиболѣе убѣдительный аргументъ изъ числа тѣхъ, которые приводятся авторомъ въ пользу изученія права, какъ соціальнаго явленія, и противъ господствующей философіи права, стремящейся вывести его изъ личной природы человѣка. Но при всей своей основательности, требованіе Поста и въ этомъ случаѣ одностороннее. Конечно, право составляетъ продуктъ общественной жизни человѣка; конечно, общественная жизнь вырабатываетъ въ личности соотвѣтствующія соціальныя чувства, — чувство справедливости, свойственное личности, въ значительной мѣрѣ принадлежитъ къ числу таковыхъ чувствъ. Но за всѣмъ тѣмъ въ правѣ сказывается вліяніе личности, какъ личности, безъ отношенія къ ея положенію, какъ члена общества. Все право существуетъ ради регулированія индивида въ его борьбѣ съ подобными себѣ, а между тѣмъ эта борьба, служа однимъ изъ выраженій стремленія индивида къ самосохраненію, есть факторъ личной дѣятельности, существующей независимо отъ сожитія въ обществѣ. Личною, а не соціальною природою человѣка обусловливается и

---

[1]) Елиазаровъ, Изслѣдов. по исторіи учр. въ Закавказьи, ч. 1, Сельская община, 1888 года.

[2]) См. Карѣева, Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи, Спб. 1890 г., вып. II, гл. 4, стр. 534 и слѣд.

Digitized by Google

чувство мести, соотвѣтствующее опредѣленное содержаніе иначе институтамъ... Процессъ образованія и постепеннаго распространенія въ обществѣ правовыхъ идей есть тотъ процессъ, изслѣдованіе котораго, по преимуществу, принадлежитъ индивидуальной психологіи, и, что касается до политики права, то пригодность той или другой законодательной мѣры не получитъ всесторонней оцѣнки, если она не будетъ изслѣдована со стороны ея согласія или несогласія съ общими свойствами индивида, какъ индивида.» [1]) Г. Муромцевъ прямо указываетъ, что въ правовѣдѣніи индукція должна сопровождаться и пополняться дедукціей.

Разсматривая съ установленной выше точки зрѣнія кавказское право, мы въ немъ не находимъ достаточныхъ данныхъ для построенія системы первобытнаго права, первоправа. Этнографическій матеріалъ Кавказа не даетъ къ тому данныхъ по сравнительной высотѣ культуры горскихъ племенъ; пережитки отъ временъ архаическихъ и историческій матеріалъ Кавказа еще болѣе отрывочны и не полны, нежели матеріалъ, какой даетъ изслѣдователю жизнь разныхъ нецивилизованныхъ племенъ Америки, Африки, Австраліи, или островныхъ океанійскихъ народовъ... Какимъ образомъ наука первобытнаго права и соціологія не только не должны описаться, какъ выражается г. Слонимскій, «нашествіе дикаго человѣка», но наоборотъ, обратить самое серьезное вниманіе на изученіе всего строя жизни этого «дикаго человѣка». Вѣсъ сказаннымъ опредѣляется д ѣ й с т в и т е л ь н о е з н а ч е н і е к а в к а з о в ѣ д ѣ н і я, какъ источника изученія первобытнаго права. Изученіе обычнаго права, пережиточнаго и историческаго матеріала Кавказа можетъ служить, по самому свойству матеріала, справедливо цѣнимому г. Ковалевскимъ, къ провѣркѣ гипотезъ и выводовъ, построенныхъ на изученіи такого же матеріала изъ жизни «дикаго человѣка» и на изученіе природы индивидуума, какъ индивидуума. При этомъ, однако, если мы не найдемъ въ кавказскомъ матеріалѣ подтвержденій для той или другой гипотезы или даже прямыя отрицанія ея, то это не всегда можетъ привести къ заключенію, что самая гипотеза не вѣрна, ибо это только можетъ доказывать, что въ матерьялахъ Кавказа по данному вопросу имѣются пробѣлы. Объяснимъ сказанное примѣромъ. Первобытному праву извѣстенъ институтъ умершаго или стариковъ. Леббокъ, Летурно, Спенсеръ, Кулишеръ и другіе приводятъ много сказаній по этому этого рода. По самомъ внимательномъ изученіи кавказскаго права, какъ современнаго обычнаго, такъ и примитивнаго, построеннаго на изученіи всего доступнаго для него матеріала, мы въ немъ не находимъ никакихъ слѣдовъ о существованіи того же учрежденія у горскихъ племенъ. Какой же мы отсюда въ правѣ сдѣлать выводъ? Либо тотъ, что матеріалы Кавказа не сохранили намъ данныхъ этого рода либо что поселившіяся на пути великаго переселенія народовъ тюркскимъ, иранскимъ и другимъ племенамъ обычай этотъ былъ извѣстенъ въ давно минувшія времена или же на старыхъ мѣстахъ поселенія; либо, наконецъ, что обычай этотъ никогда не существовалъ (хотя послѣднее сомнительно), но тѣмъ не менѣе фактъ остается фактомъ. И мы не правѣ сказать, что у самыхъ различныхъ племенъ, находящихся на одинаковой ступени развитія, различныхъ по своимъ основнымъ признакамъ (по языку, по занятіямъ), указанный выше институтъ или учрежденіе [illegible] есть, что указанный [illegible] что безъ какихъ-либо [illegible] стоитъ въ [illegible] понимается [illegible] ния и т. д. [illegible] быть [illegible] не стоитъ [illegible] выше [illegible] не [illegible] сказаться [illegible]

[illegible]

2 [illegible]

Digitized by Google

Изъ всего до сихъ поръ сказаннаго явствуетъ, что роль Кавказовѣденія для изученія первобытнаго права нѣсколько преувеличена г. Ковалевскимъ и что, съ другой стороны, изученіе примитивнаго права на основаніи одного лишь обычно-правоваго матерьяла, почерпнутаго изъ жизни арійскихъ народностей, не въ состояніи дать прежде всего ряда исходныхъ моментовъ первобытнаго права, а затѣмъ и всей системы этого права. И до родовой организаціи (и именно какъ ее понимаетъ г. Ковалевскій) существовалъ строй общественной жизни; и до родовой организаціи дѣйствовали принципы правообразованія. Поэтому примитивное право есть право до-родовое. Всѣ же принципы, связанныя съ родовою организаціей, какъ напримѣръ культъ предковъ, являются не исходными моментами правообразующими, а моментами правопервообразующими. Лишь позже, въ эпоху сравнительно высокаго уровня правовой жизни, моменты эти становятся источниками новыхъ институтовъ и, такимъ образомъ, входятъ въ рядъ правообразующихъ началъ. [1])

Очевидно изъ всего сказаннаго, что съ точки зрѣнія только что приведенныхъ положеній сочиненіе г. Ковалевскаго представляетъ нѣкоторые недостатки, на которыхъ мы и остановимся. Этимъ и исчерпывается задача нашихъ замѣтокъ, такъ какъ говорить о достоинствахъ книги проф. Ковалевскаго представляется весьма затруднительнымъ по обилію вопросовъ, затронутыхъ имъ въ обоихъ томахъ сочиненія.

II.

Въ первой главѣ (I тома) г. Ковалевскій собираетъ всѣ данныя, какія представляетъ Кавказовѣдѣніе, о томъ, что эпохѣ патернитета у горцевъ предшествовала эпоха материнства. Что же касается собственно матріархата, или женовластія, то о послѣднемъ г. Ковалевскій говоритъ слѣдующее: «Если принять во вниманіе всю сумму вышеприведенныхъ данныхъ: распаденіе племени на экзогамическія, братскія группы, право каждаго изъ членовъ этихъ группъ на женщинъ, пріобрѣтенныхъ изъ чужихъ родовъ и братствъ, отсутствіе того ежечаснаго и тѣснаго общенія, какое въ наши дни носятъ отношенія супруговъ между собою и родителей къ дѣтямъ, воспитаніе подрастающихъ поколѣній вдалекѣ отъ той семьи, въ которой они родились, неоднократное пребываніе замужнихъ женщинъ по цѣлымъ годамъ въ семьяхъ ихъ отцовъ и посѣщеніе ихъ мужьями не иначе, какъ украдкой и, по возможности, безъ свидѣтелей, наконецъ выдающуюся роль, какую въ средѣ горцевъ занимаютъ отношенія брата и сестры, дяди по матери и племянниковъ, то не вполнѣ баснословными представятся намъ разсказы древнихъ писателей, и во главѣ ихъ Страбона, о жившихъ на Кавказѣ, къ востоку отъ черкесовъ, женщинахъ воительницахъ или амазонкахъ» (стр. 23—24). Но тѣмъ не менѣе, «если мы зададимся вопросомъ, какое понятіе о матріархатѣ можно составить на основаніи данныхъ кавказской этнографіи, то мы принуждены будемъ сказать, что эти данныя не оправдываютъ собою ни ученія Бахофена о существованіи нѣкогда періода женовластія, ни ученія Спенсера (въ текстѣ г. Ковалевскаго опечатка: Спенофа) о ничѣмъ не сдерживаемомъ на первыхъ порахъ половомъ инстинктѣ. Вмѣсто того, чтобы принадлежать женщинѣ, власть въ материнскомъ родѣ всецѣло сосредоточивается въ рукахъ ея мужскихъ когнатовъ: дяди и брата» (стр. 26). Наука первобытнаго права, однако, не въ правѣ отсюда придти къ выводу, что ученіе Бахофена о женовластіи неправильно. Для такого заключенія необходимо найти данныя въ томъ самомъ матерьялѣ, который легъ въ основу обобщеній Бахофена, а за нимъ Маргана, Макъ-Леннана, Леббока, Жиро-Телона, Поста, Вилькена и другихъ ученыхъ. Изъ цитированнаго выше мѣста отмѣтимъ, что проф. Ковалевскій въ ряду институтовъ, стоящихъ въ связи съ материнствомъ, ставитъ также «воспитаніе подростающихъ поколѣній вдалекѣ отъ той семьи,

---

[1]) Всѣ эти вопросы съ необходимою подробностью разсмотрѣны нами въ имѣющемъ непродолжительномъ времени выйти изъ печати трудѣ нашемъ «Очерки первобытнаго права».

Digitized by Google

въ которой они родились». Это вскормленіе и воспитаніе дѣтей на сторонѣ ведетъ къ установленію молочнаго родства, родства между семьей воспитанника и семьей воспитателя или кормильца. Молочное родство или аталычество имѣетъ у горцевъ Кавказа чрезвычайно большое значеніе. Оно ведетъ къ воспрещенію браковъ между членами семьи аталыка и семьи воспитателя, къ обязательству кровомщенія членовъ этихъ семей взаимно другъ за друга, къ прекращенію кровомщенія путемъ установленія молочнаго родства между родомъ обидчика и мстителей. Аталычество ведетъ и къ особой формѣ усыновленія путемъ прикосновенія усыновляемаго къ обнаженной груди женщины изъ рода, принимающаго усыновляемаго въ свою среду. По кавказской поговоркѣ, отмѣченной г. Ковалевскимъ, молочное родство идетъ также далеко, какъ и кровь. Этотъ институтъ аталычества авторъ приводитъ въ связь съ институтомъ матернитета. Въ другомъ мѣстѣ [1]) г. Ковалевскій объ аталычествѣ говоритъ слѣдующее: «Спрошенные о причинахъ его (аталычества) возникновенія, горцы обыкновенно отвѣчаютъ: въ домѣ родителей ребенку легко избаловаться, но отдайте его въ чужія руки, и изъ него выйдетъ джигитъ— высшая похвала въ устахъ горца, означающая стойка-храбреца. Такое объясненіе, продолжаетъ авторъ, въ моихъ глазахъ ничего не объясняетъ. Очевидно и другимъ народамъ свойственно желаніе воспитать въ своихъ дѣтяхъ удальцовъ на всѣ руки, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы они считали нужнымъ не воспитывать ихъ дома [2]). Только сопоставляя кавказское аталычество съ нѣкоторыми другими явленіями кавказской жизни и освѣщая послѣднія этнографическими аналогіями, можно доискаться, какъ я полагаю, дѣйствительнаго источника этого крайне любопытнаго обычая. Горцы Кавказа, и въ числѣ ихъ осетины, не только отдаютъ постороннимъ лицамъ своихъ дѣтей на воспитаніе, но и не позволяютъ послѣднимъ открыто признавать себя ихъ потомствомъ. Нѣкоторые директора гимназій передавали мнѣ на этотъ счетъ въ высшей степени интересныя подробности. Думая доставить имъ удовольствіе, они приглашали подчасъ родителей присутствовать на раздачѣ наградъ дѣтямъ; и что же оказывалось? приглашенные не только не высказывали имъ за то своей признательности, но, явившись на совѣтъ, часто обнаруживали признаки нетерпѣнія каждый разъ, когда въ ихъ присутствіи открыто называли того или другаго ребенка ихъ сыномъ. Въ присутствіи родителя сынъ, оказывая ему всяческое почтеніе, въ то же время ни разу не назоветъ его столь понятнымъ въ устахъ ребенка прозвищемъ батюшки,—такъ какъ этого не терпитъ обычай. Чтобы встрѣтиться съ однохарактерными явленіями въ другихъ странахъ, надо мысленно перенестись въ общества, въ которыхъ, при невыработанности индивидуальнаго брака, патернитетъ еще не установленъ, гдѣ ребенокъ состоитъ въ родствѣ съ одною матерью да родственниками послѣдней и нерѣдко вовсе не знаетъ отца». Г. Ковалевскій при этомъ указываетъ на данныя, приведенныя Жиро-Телономъ, относительно воспитанія дѣтей на сторонѣ у маорисовъ, причемъ видимой причиной обычая является желаніе устранить возможность пристрастнаго отношенія матери къ дѣтямъ особенно любимаго ею мужчины и установленія по отношенію къ нимъ полнаго равенства. Но при отрицаніи г. Ковалевскимъ женовластія и при исключительномъ значеніи въ эпоху матернитета когнатическаго родства въ мужской линіи (дяди, брата), такое пристрастное отношеніе все равно не могло создать неравенства между дѣтьми, а если могло, то обстоятельства нисколько не измѣняются и въ эпоху патернитета, а потому институтъ аталычества въ одинаковой мѣрѣ могъ возникнуть и при господствѣ патернитета и при господствѣ материнства; иначе говоря, аталычество не состоитъ въ прямой зависимости отъ матернитета. Что касается указаннаго проф. Ковалевскимъ поведенія родителей и дѣтей осетинскихъ, то

---

[1]) М. Ковалевскій, Современный обычай и древній законъ. М. 1886 г., т. I, стр. 282—284.

[2]) Однако, факты показываютъ, что воспитаніе дѣтей внѣ дома извѣстно и другимъ народамъ, не родственнымъ съ обитателями Кавказа, напр. киргизамъ, туркменамъ, маорисамъ. См. напр. Самоквасова, Сборникъ обычнаго права сибирскихъ инородцевъ. Варшава 1876, стр. 30 и друг.

Digitized by Google

оно въ одинаковой мѣрѣ съ вообще унизительностью высказыванія нѣжныхъ чувствъ къ дѣтямъ и даже къ женѣ своей объясняется не тѣмъ, что, при господствѣ материнства, ни отецъ, ни сынъ не могутъ съ увѣренностью назвать другъ друга этими именами, а тѣмъ свойственнымъ первичной культурѣ явленіемъ, по которому позорнымъ для воинственнаго хищника считается обнаруженіе всякаго мягкаго и сердечнаго движенія любви, участія, жалости и т. п. какъ по отношенію къ ближнимъ, такъ по отношенію къ плѣннымъ. Жестокость, суровость, непреклонность—единственныя качества, которыя похвально обнаруживать члену примитивнаго общества. Поведеніе кавказцевъ на гимназическихъ совѣтахъ являетъ собою несомнѣнныя переживанія отъ болѣе глубокой эпохи суроваго хищничества.

Въ послѣднемъ своемъ трудѣ г. Ковалевскій говоритъ: «отношеніе, въ которомъ этотъ обычай (аталычество) стоитъ къ тѣмъ отдаленнымъ отъ насъ порядкамъ, при которыхъ родство по отцу еще неизвѣстно, и установленная самой природой связь между матерью-родительницей и происшедшимъ отъ нея ребенкомъ одна считается источникомъ семейнаго единенія, какъ нельзя лучше выступаетъ изъ сопоставленія кавказскаго аталычества съ однохарактерными явленіями въ бытѣ полинезійскихъ племенъ» [1]). Авторъ снова ссылается при этомъ на Жиро-Телона и затѣмъ говоритъ «обычай полинезійскихъ дикарей раскрываетъ предъ нами дѣйствительный источникъ аталычества. Дѣти потому поступаютъ у черкесовъ на воспитаніе къ постороннему лицу, желающему вступить по отношенію къ нимъ въ роль аталыка, что принадлежность ихъ тому или другому отцу является спорной, очевидно не по иной причинѣ, какъ по той, что всѣ члены одного братства одинаково могли быть мужьями ихъ матери. Только открытое признаніе ихъ тѣмъ или другимъ мужчиной обращало ихъ въ его дѣтей». Замѣтимъ, что еслибы таковъ былъ генезисъ аталычества, то ничто не мѣшало воспитателямъ удерживать у себя своихъ аталыковъ на всегда, чѣмъ увеличивалось бы количество членовъ группы воспитателя. Замѣтимъ также и то, что молочное родство противорѣчитъ теоріи Фюстель-де-Кюланжа о религіозномъ культѣ, какъ принципѣ родовой организаціи, ибо мы имѣемъ здѣсь случай, въ которомъ кормильцы пріобрѣтаютъ права въ данной группѣ, будучи членами другой группы и исповѣдуя другой культъ. На это слѣдовало бы обратить весьма серьезное вниманіе. Если аталычество относится къ числу архаическихъ институтовъ первобытнаго права, или, какъ мы выразились выше, первоправа (и въ этомъ мы увѣрены), то это приводитъ къ весьма важному выводу. Аталычество, какъ мы видѣли, не только не подтверждаетъ, но прямо отрицаетъ теорію родоваго культа, какъ исходнаго момента въ дѣлѣ образованія примитивнаго права, теорію Фюстель-де-Кюланжа, къ которой генетически примыкаетъ ученіе г. Ковалевскаго. Отсюда слѣдуетъ, что культъ предковъ—явленіе позднѣйшее въ соціальной жизни народовъ, ибо такой институтъ, какъ аталычество, не только не можетъ быть объясненъ съ точки зрѣнія этого культа, но даже стоитъ съ нимъ въ прямомъ противорѣчіи. Аталычество пріобрѣтаетъ тѣмъ большій интересъ для науки первобытнаго права, что не можетъ быть объяснено и явленіемъ материнства, какъ это было указано выше. Материнство связывается, хотя и косвенно съ принципами экономическими [2]). Отсюда выводъ, что и экономическія начала не въ состояніи объяснить института аталычества. Это, впрочемъ, и само собой понятно, ибо, безъ особенныхъ и произвольныхъ натяжекъ, невозможно поставить аталычество въ связь съ трудовымъ началомъ.

Говоря о культурныхъ вліяніяхъ, какія оказывали на кавказское право различныя народности, проф. Ковалевскій въ главѣ о вліяніи армянскаго и грузинскаго права замѣчаетъ: не меньше совпаденія представляютъ армянскія, грузинскія и горскія (въ частности осетинскія) постановленія о молочномъ родствѣ и о связанныхъ съ нимъ брачныхъ запретахъ. Въ старые годы осетины и по ихъ примѣру татары-горцы

---

[1]) Ковалевскій. Законъ и обычай на Кавказѣ, т. I, стр. 16.

[2]) См. напр. Зибера, Очерки первобытной экономической культуры, Москва 1883 г., стр. 291 и слѣд.

Digitized by Google

соблюдали эти запреты даже въ отдаленныхъ степеняхъ—обстоятельство наглядно выступающее въ ихъ поговоркѣ: «молоко идетъ также далеко, какъ и кровь». Въ настоящее время бракъ не дозволяется только между братьями и сестрами. О такомъ же родствѣ, какъ о препятствіи вступать въ бракъ, говоритъ и статья 343 армянскихъ законовъ: «буде женихъ и невѣста—гласитъ эта статья—воспитаны будутъ одною кормилецею, то хотя бы между ними и не было родства, они не могутъ сочетаться бракомъ, ибо кормилица то-же для нихъ значитъ, что̀ мать» [1]). Замѣтимъ, что аталычество не различаетъ кормилицы отъ кормильца, отсюда по аналогіи: кормилецъ для нихъ значитъ то же, что̀ отецъ. Говоря о вліяніи татаръ на горское право, г. Ковалевскій приводитъ снова аналогію права этихъ народностей въ отношеніи молочнаго родства [2]).

Откуда же взяли горцы институтъ аталычества? Изъ жизни армянъ, татаръ или кабардинцевъ? [3]) Всего вѣрнѣе, что институтъ этотъ самобытный, необходимый въ первоначальной жизни всякаго народа, стоящаго на уровнѣ архаической культуры. Объ одновременномъ заимствованіи института горцами у разныхъ народностей не можетъ быть и рѣчи, а о чемъ либо подобномъ по сравненію кавказскаго права съ правомъ киргизовъ или маори'евъ, конечно, никто и не подумаетъ заговорить. Поэтому институтъ аталычества долженъ быть признанъ изстарадавнимъ институтомъ горскаго права. А если такъ, то взглядъ г. Ковалевскаго на значеніе родоваго культа предковъ оказывается не столь широко примѣнимымъ не только къ первобытному праву вообще, но и къ древнѣйшему кавказскому въ частности. Впрочемъ, изъ сказаннаго выше о религіозномъ культѣ означенное положеніе могло бы быть выведено и чисто дедуктивнымъ путемъ.

Гдѣ же, однако, въ какомъ исходномъ моментѣ лежитъ генезисъ института аталычества? Если это институтъ самобытный, примитивный, то корень его долженъ лежать въ самой примитивной культурѣ. Оно такъ и есть. Чтобы подтвердить сказанное, намъ остается привести только слѣдующія слова г. Леонтовича: «Обычай аталычества издревле практикуется у всѣхъ кавказскихъ горцевъ, главнымъ образомъ у князей и дворянъ, и обусловливается всей хищнической обстановкой боевой ихъ жизни. Рѣдко бывая по долгу у семейнаго очага, хищнику горцу было не до дѣтей: онъ сдавалъ ихъ постороннему аталыку, въ школѣ котораго усвоялись питомцемъ всѣ суровыя черты и качества наѣздника горца» [4]). Оставить ребенка воспитываться дома—онъ останется въ женскихъ рукахъ и изъ него не выйдетъ джигитъ, что одно и нужно членамъ первобытнаго общества; не выйдетъ потому, что все способное къ хищничеству рѣдко сидитъ дома, а старики и женщины могутъ лишь своими разсказами нравственно закалить мальчика, физическаго же хищническаго воспитанія ему дать они не могутъ. Отсюда необходимость отдать его на сторону или убить. И то и другое практикуется первобытными народами. Отдать на сторону нужно опять-таки въ такую среду, которая выработала бы изъ мальчика—хищника, изъ дѣвочки—подругу хищника. Но вѣдь и все молодое поколѣніе на сторонѣ также рѣдко бываетъ дома, отсюда необходимость искать воспитателей среди здороваго и взрослаго населенія низшихъ слоевъ общества, даже среди рабовъ. Кавказское право всецѣло подтверждаетъ эту необходимость. Воспитателями, аталыками, эмчеками были по преимуществу члены низшихъ классовъ; для князей и старшинъ—первостепенные уздени, для послѣднихъ—уздени низшихъ степеней или чагары, крѣпостные [5]).

---

[1]) М. Ковалевскій, Законъ и обычай на Кавказѣ, т. I, стр. 161—162.

[2]) Ibidem, стр. 215.

[3]) Сравн. ibidem., стр. 251; Ковалевскаго, Современный обычай и древній законъ, т. I, стр. 283—284.

[4]) Леонтовичъ, Адаты кавказскихъ горцевъ, Одесса 1883 г., т. I, стр. 363.

[5]) Ibidem. т. II, стр. 252.

Digitized by Google

Конечно, всѣ затронутые нами вопросы требуютъ болѣе подробнаго объясненія; но такое требованіе можетъ быть предъявлено къ систематическому труду, а не къ бѣглымъ замѣткамъ, представляемымъ нами на судъ читателей. Заканчивая обозрѣніе I-й главы труда г. Ковалевскаго, скажемъ, что въ ней съ особенною тщательностью и убѣдительностью собраны данныя въ пользу установленія того положенія, что у горскихъ племенъ Кавказа материнство предшествовало развитію патернитета и агнатическаго родства и что въ самое стародавнее время у тѣхъ же племенъ господствовала форма брака по группамъ.

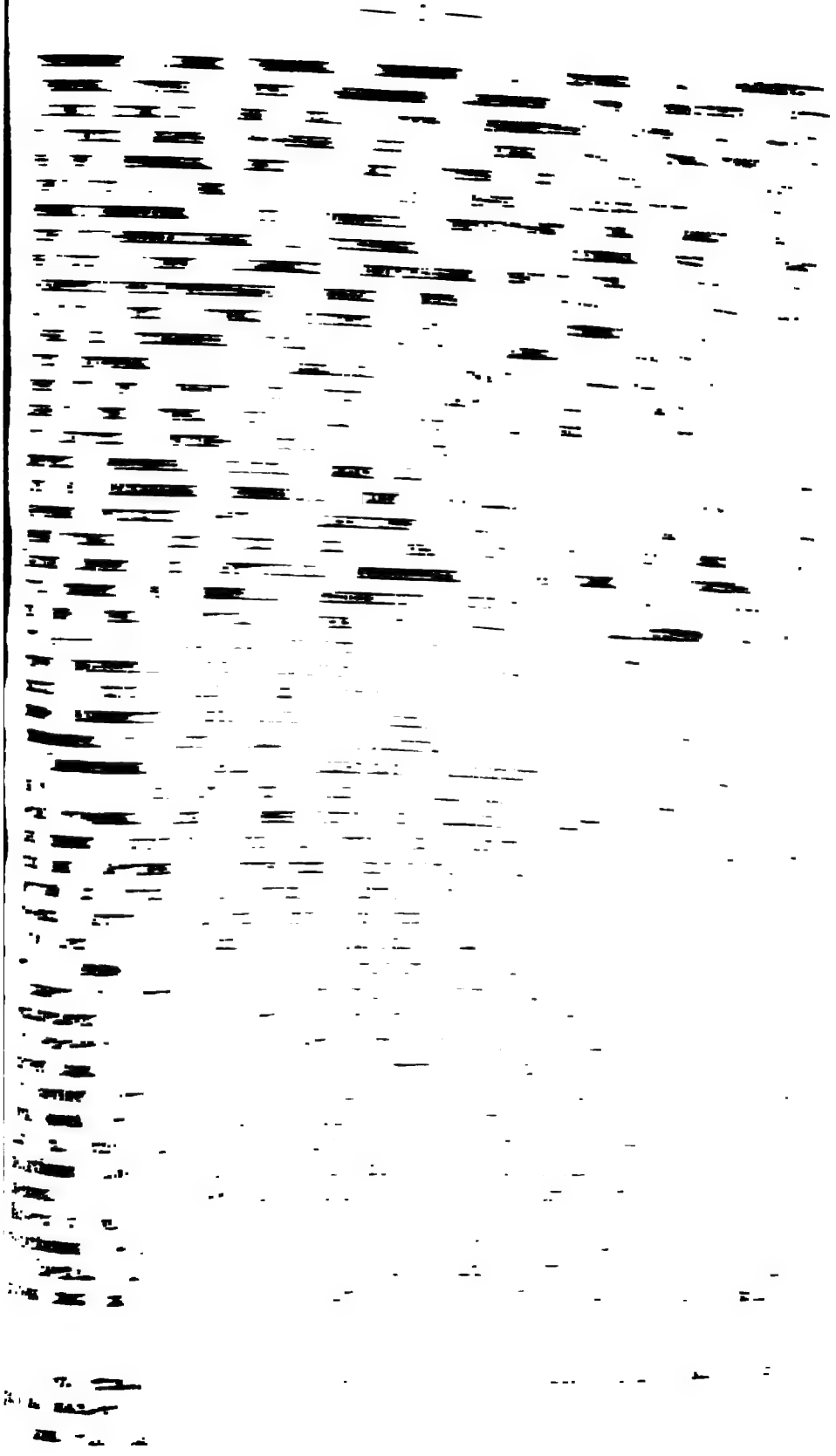
III.

Вторая глава I-го тома труда г. Ковалевскаго говоритъ объ общихъ чертахъ родоваго устройства Кавказа. Это устройство авторъ ставитъ въ связь съ религіозными представленіями и въ частности съ культомъ предковъ. Культу этому, какъ извѣстно, проф. Ковалевскій придаетъ значеніе не для одного только кавказскаго права. Мы указали уже выше на неправильность этого взгляда. Отмѣтимъ только, что въ одномъ мѣстѣ (т. I, отдѣлъ I, глава II, стр. 45) г. Ковалевскій находитъ, что фундаментомъ, на которомъ развилось агнатное родство, является культъ предковъ, а въ другомъ (т. I, отд. II, гл. V, стр. 195) онъ считаетъ такимъ же фундаментомъ патернитетъ.

Обратимся къ разсмотрѣнію того, какъ проф. Ковалевскій развиваетъ свои взгляды на отмѣченную выше связь. Родовое устройство кавказцевъ, по мнѣнію автора, совпадаетъ во времени съ періодомъ полнѣйшаго развитія анимизма (терминъ Тэйлора). По представленію горцевъ, умершіе продолжаютъ ту же жизнь за гробомъ. Поэтому умершіе имѣютъ свои потребности, удовлетвореніе которыхъ лежитъ на живущихъ. Умершіе предки налагаютъ обязательство мести за смерть ихъ на живущее поколѣніе. Стоитъ не удовлетворить потребностямъ умершихъ и гнѣвъ ихъ скажетъ себя въ тѣхъ или иныхъ невыгодныхъ послѣдствіяхъ на судьбахъ живущаго потомства. Тогда явится нужда въ умилостивленіи предковъ. Одни изъ умершихъ предковъ являются доброжелательными для живущаго поколѣнія, другіе—зложелательными. Съ кѣмъ умершій враждовалъ при жизни, съ тѣмъ онъ будетъ враждовать и за гробомъ; отсюда партикуляризмъ культа предковъ. Необходимость постояннаго возобновленія поминальныхъ приношеній ведетъ къ необходимости постояннаго поддержанія огня, отсюда культъ очага, когда и кѣмъ При партикуляризмѣ культа, послѣдній становится единственнымъ центромъ, вокругъ котораго группируется живущее поколѣніе; отсюда же обособленность и исключительность каждой группы, сконцентрировавшейся вокругъ своихъ почитаемыхъ предковъ. Сказанное связующее вліяніе культа проявляетъ себя въ различныхъ правовыхъ институтахъ. Такъ родовая м е с т ь есть ничто иное, «какъ долгъ, какъ обязанность не только совмѣстнаго, но и религіознаго характера» (стр. 34). Поэтому то черкесы, чеченцы и осетины убивали кровныхъ враговъ на самой могилѣ ихъ жертвъ. Въ ближайшее къ намъ время кабардинцы, черкесы и чеченцы отсѣкали у убійцы ухо и зарывали его въ могилу убитаго. Мститель, исполнивъ свой священный долгъ, приходилъ на могилу убитаго предка и оповѣщалъ покойника о постигшей убійцу карѣ. Не отмстить считается позоромъ, и самая месть является прямою обязанностью членовъ рода. Самое примиреніе мстителей съ обидчикомъ отражаетъ въ себѣ религіозный характеръ института мести. Обычай самопосвященія, практикуемый при этомъ, приближается къ подобному же установленію древне-славянскаго права, именно къ институту пакары [1]). Такимъ же образомъ обхожденіе очага невѣстой у черкесовъ и ингушей составляетъ необходимую часть брачнаго ритуала. Тѣмъ же значеніемъ святости очага объясняется

[1]) Описаніе его см. у И в а н и ш е в а. О платѣ за убійство въ древне-русскомъ и друг. славянск. законодательствахъ сравнительно съ германскою вирою, Кіевъ 1840 г., стр. 35 и слѣд. у Щ и п л е в с к а г о. союзъ родственной защиты у древнихъ германцевъ и славянъ, Казань 1866 г., стр. 75 и слѣд.

Digitized by Google



Digitized by Google

что месть вытекаетъ изъ строя первичной хищнической культуры. Человѣкъ мститъ не изъ-за велѣнія почившаго предка, а потому, почему ребенокъ бьетъ предметъ, о который онъ ударился, почему древній человѣкъ мститъ животному, причинившему ему вредъ. Самая обязательность кровомщенія вытекаетъ изъ того же хищничества, какъ выраженіе индивидуализма, существованіе котораго ошибочно отрицаетъ г. Ковалевскій вслѣдъ за почти единогласнымъ отрицаніемъ того же въ современной наукѣ примитивнаго права. Понятіе доблести, связываемое со всякимъ вредомъ, наносимымъ членомъ другой группы, ведетъ къ почету, воздаваемому особенно ревностному мстителю. Этотъ почетъ ведетъ къ сознательному и безсознательному подражанію со стороны другихъ членовъ даннаго общежитія (Карѣевъ: психическое взаимодѣйствіе). Устанавливается традиція въ дѣлѣ отправленія кровомщенія, а переходъ традиціи въ обязанность уже самъ собою понятенъ. Религіозный культъ гораздо позже лишь привходитъ къ институту мести и только болѣе освѣщаетъ ее, Что касается института покары, то и послѣдняя, не смотря на свой рѣзко религіозный характеръ, далеко не гнѣздится въ первичной религіи, какъ весьма убѣдительно доказалъ въ недавнее время г. Павинскій [1]). Наконецъ, основной доводъ г. Ковалевскаго о неупотребительности мести въ отношеніи сочленовъ одного и того же рода опровергается фактами. Постъ въ отношеніи первобытнаго права младенческихъ племенъ, Сергѣевичъ въ отношеніи древне-русскаго права и Леонтовичъ и Пфафъ въ отношеніи права кавказскихъ горцевъ приводятъ свидѣтельства совершенно обратнаго характера. Отсюда слѣдуетъ, что на позднѣйшихъ стадіяхъ развитія общественности родство исключаетъ примѣненіе кровомщенія, но нисколько не ослабляетъ примѣнимости его въ древнѣйшія времена. Подмѣченная Мэномъ связь между лицами, наслѣдующими умершему и мстящими за убитаго, связь между единеніемъ тотема, какъ учрежденія религіознаго (по Мэну и Спенсеру) и не примѣнимостью кровомщенія въ отношеніи лицъ, причисленныхъ къ одному тотему (почему то въ русскомъ переводѣ Мэна Др. Законъ и обычай этотъ терминъ изуродованъ: тотемкинъ) есть связь случайная, не вытекающая изъ сущности понятія кровомщенія и связь гораздо чаще не встрѣчающаяся, чѣмъ имѣющая въ дѣйствительности мѣсто. Трудно говорить о религіозномъ значеніи мести, когда дикари нерѣдко мстятъ своему собственному божеству [2]).

Такимъ же образомъ и положеніе примитивнаго рабства не можетъ быть поставлено въ связь съ теоріей религіознаго культа. Возникновеніе его, какъ показалъ Спенсеръ, Зиберъ, Клеммъ и друг. несомнѣнно лежитъ глубже, нежели возникновеніе самого культа. Первые рабы исключительно комплектовались изъ военноплѣнныхъ—стало быть источникъ ихъ возникновенія есть примитивное хищничество. Сохраненіе жизни военноплѣннаго порождено несомнѣнно экономическими причинами; съ точки же зрѣнія культа предковъ сохраненіе жизни плѣннаго необъяснимо; наоборотъ съ этой точки зрѣнія понятно было бы непремѣнное лишеніе жизни плѣннаго, какъ поминальная и умилостивленная жертва предку. Позднѣйшее же различіе рабовъ изъ военноплѣнныхъ отъ рабовъ купленныхъ, кабальныхъ и еще болѣе отъ рабовъ рожденныхъ въ группѣ уже не имѣетъ такого серьезнаго значенія для теоріи исключительнаго значенія религіознаго культа. Какъ явленіе весьма позднее, это различіе въ положеніи рабовъ не можетъ дать оправданій для причисленія культа предковъ къ числу первоначалъ въ дѣлѣ образованія права.

Изъ изложеннаго само собою понятно уже, что всѣ выводы г. Ковалевскаго, построенные на тѣхъ же отмѣченныхъ нами основаніяхъ и изложенные въ дальнѣйшемъ теченіи его труда, являются то въ большей, то въ меньшей мѣрѣ ошибочными. Они въ большей мѣрѣ вѣрнѣе, по скольку касаются институтовъ происхожденія болѣе позднаго

---

[1]) См. Pawińskiego, O pojednaniu w zabojstwie według dawnego prawa polskiego. Warszawa 1884 г., гл. V.

[2]) См. напр. Peschel'я Völkerkunde, Leipzig. 1873. с. 258—259: Спенсера. Основанія соціологіи, над. Тиблена 1876 г., стр. 338.

Digitized by Google

и болѣе ошибочны по скольку касаются институтовъ, имѣющихъ весь характеръ элементарныхъ правоотношеній. Не желая злоупотреблять терпѣніемъ читателя, мы не станемъ слѣдовать шагъ за шагомъ за этими выводами автора, съ насъ достаточно сказаннаго выше и сказаннаго въ общей формѣ.

Особенно интересными являются слѣдующія обобщенія г. Ковалевскаго: «Культъ общихъ предковъ является для рода тѣмъ связующимъ началомъ, какое большинство изслѣдователей родовыхъ отношеній тщетно искали въ фактѣ происхожденія отъ одного общаго начальника. Если принять во вниманіе, что большинство родовъ развилось изъ экзогамическихъ группъ, которымъ было извѣстно только родство по матери; если имѣть въ виду, что путемъ добровольнаго присоединенія (въ этомъ и только въ этомъ отношеніи содержится доля правды въ теоріи договорнаго возникновенія общества) къ сильному своей численностью роду другихъ болѣе слабыхъ родовъ (во II т. труда г. Ковалевскаго приведено много фактовъ этого рода), точно также какъ путемъ неоднократно повторяющихся случаевъ усыновленія членовъ чужихъ родовъ, чистота крови въ предѣлахъ рода становится фактически невозможной, то не мудрено будетъ придти къ заключенію, что нѣтъ основанія говорить о кавказскомъ родѣ, какъ о продуктѣ естественнаго размноженія семьи. Теорія рода, какъ результатъ постепеннаго развитія первичной, семейной ячейки, состоящей изъ мужа и жены, теорія, на несостоятельность которой указано было мною въ моемъ: «Первобытномъ правѣ», отнюдь не можетъ быть защищаема на основаніи кавказскаго матерьяла. Правда, на Кавказѣ, въ особенности среди дворянскихъ семей, не разъ попадаются геологическія (вѣроятно генеалогическія) дерева; «но кавказскія генеалогіи ничего не говорятъ намъ о первоначальномъ происхожденіи родовъ и совершенно могутъ быть оставлены въ сторонѣ при рѣшеніи этого вопроса. Гораздо больше значенія для его рѣшенія имѣютъ ходячія среди горцевъ сказанія о «великанахъ» или «нартахъ». Сказанія эти рисуютъ намъ рядъ выдающихся личностей въ которымъ со всѣхъ сторонъ стекаются и родственники и чужеродцы, съ тѣмъ, чтобы подъ ихъ покровительствомъ совершать удачные набѣги на сосѣдей. Такъ развивается дѣятельность этихъ первыхъ «собирателей если не земли, то людей». Со всѣхъ сторонъ стекаются къ нимъ безъ разбора родственники и чужеродцы, не только съ цѣлію совершать подъ ихъ начальствомъ случайные набѣги на сосѣдей, но и для того, чтобы образовать изъ себя постоянные союзы, охотно переходящіе отъ самозащиты къ нападенію. Осетинскія сказанія, записанныя Миллеромъ, не разъ упоминаютъ о нартскихъ дружинахъ и рѣшеніяхъ, принимаемыхъ ими соборне на народныхъ сходкахъ или нихасахъ. Ихъ наѣзды (больцы) нерѣдко происходятъ подъ предводительствомъ какого нибудь выдающагося вождя, на котораго указываетъ не только возрастъ, но и сложившаяся о немъ молва». «Общее представленіе, какое выносишь о дѣятельности этихъ народныхъ героевъ въ дѣлѣ объединенія разрозненныхъ элементовъ общества, довольно близко къ тому, какое получаешь при изученіи порядка возникновенія родовъ Раджпутовъ или клановъ Шотландіи. Вокругъ смѣлаго витязя собирается пестрая по своему составу меньшая дружина. Съ нею онъ производитъ свои набѣги, уводитъ у сосѣдей стада овецъ и табуны лошадей; похищаетъ издалека и вблизи дѣвушекъ чужихъ материнскихъ родовъ; съ нею же онъ пируетъ въ тѣ рѣдкіе промежутки времени, которые собранная имъ дружина проводитъ въ мирѣ и спокойствіи. Ожиданіе ежечаснаго возмездія не дозволяетъ ему распустить своихъ товарищей, почему его дружина переходитъ постепенно въ постоянное сообщество, всегда готовое сняться съ мѣста и идти войною на общаго врага. Чѣмъ больше растетъ слава о его подвигахъ и доблести, тѣмъ большее число лицъ спѣшитъ стать подъ его начальство. Собравшаяся вокругъ него толпа не представляетъ собою ничего однороднаго; ее связываетъ воедино только общность опасностей и враговъ, общее довѣріе и нерѣдко привязанность къ руководителю или вождю». Рано или поздно вождь этотъ сходитъ со сцены; память о немъ долго еще живетъ въ живущемъ поколѣніи; о немъ складываются былины; онъ становится предметомъ почитанія. Отсюда недалеко съ одной стороны до культа, съ другой до фикціи, по которой послѣдующія поколѣнія считаютъ себя происходящими отъ одного общаго родоначальника—славнаго витязя, джигита (т. I, стр. 45—50). Описывая устрой-

Digitized by Google

ство Дагестана, г. Ковалевскій говоритъ, что теорія, рисующая родъ развѣтвленіемъ единаго ствола, представляемаго семьею родоначальника, стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ фактами. Многіе роды не носятъ совершенно генетическихъ наименованій, многіе принимаютъ тѣ или другія прозвища, смотря по характеру ихъ занятій или по мѣсту ихъ первоначальнаго поселенія. Въ тѣхъ аулахъ, которые ведутъ свое происхожденіе отъ опредѣленнаго родоначальника, послѣднимъ является какой-либо изъ знаменитѣйшихъ предковъ, лицо, прославившееся своею храбростью или другими качествами. Это въ народномъ смыслѣ «герой», въ родѣ героевъ, изображаемыхъ въ былинахъ, сагахъ, эпическихъ и полу-миѳическихъ сказаніяхъ и проч. «Вокругъ выдающагося вождя группируется большее или меньшее число не всегда родственныхъ между собою семей, которыя на разстояніи немногихъ (скорѣе многихъ) поколѣній считаютъ себя его потомствомъ» (т. II, стр. 148—150).

Все приведенное г. Ковалевскимъ самымъ убѣдительнымъ образомъ доказываетъ, что не въ культѣ, возникающемъ сравнительно поздно, («послѣ немногихъ поколѣній») и не въ экономическихъ принципахъ, каковыми нельзя считать мотивы группировки, указанные въ приведенныхъ цитатахъ («союзы защиты, охотно переходящіе къ нападенію», увозъ скота, табуновъ, женщинъ и проч.), нужно видѣть связующее начало первоначальнаго рода; что культъ предковъ и хозяйственныя стремленія (первообразъ экономики) являются началами позднѣйшими, привходящими,—освящающими или измѣняющими существующія установленія сообразно своей особенной природѣ, что эти начала являются правозиждущими моментами лишь съ того времени, когда въ большей или меньшей мѣрѣ упрочился общественный миръ—одно изъ первыхъ условій для спокойнаго отправленія культа или хозяйственныхъ стремленій. Въ частности въ отношеніи образованія общежитій мы видимъ, что культъ, какъ явленіе болѣе позднее, чѣмъ самое общежитіе, не можетъ быть признанъ тѣмъ ферментомъ, который собираетъ членовъ группы вокругъ одного центра. Къ совершенно инымъ заключеніямъ, однако, приходитъ проф. Ковалевскій. «Изъ сказаннаго слѣдуетъ, говоритъ онъ, что въ процессѣ возникновенія кавказскихъ родовыхъ группъ (собственно перехода материнскихъ общежитій въ родовыя организаціи, сравн. т. II, стр. 148 и слѣд.) культъ предковъ призванъ былъ играть далеко не послѣднюю роль. Въ немъ, а не въ совершенно произвольномъ представленіи о единствѣ происхожденія и крови слѣдуетъ видѣть то скрѣпляющее начало, благодаря которому случайно сошедшаяся группа лицъ, перешла въ постоянный союзъ круговой поруки, извѣстный намъ подъ названіемъ родоваго союза (т. I, стр. 51 и ссылка на Ковалевскаго «Первобытное право» ч. I, стр. 85) [1]). Намъ кажется, однако, что выводъ этотъ вовсе не вытекаетъ изъ всего сказаннаго г. Ковалевскимъ и приведеннаго нами почти сплошь in extenso. На сколько это справедливо, предоставляемъ судить читателю.

Чуть ли не лучшимъ мѣстомъ изъ книги г. Ковалевскаго нужно считать изложеніе имъ вопроса о характерѣ отношенія въ эпоху родоваго устройства человѣка къ землѣ. Этому вопросу и связаннымъ съ нимъ вопросамъ объ аграрномъ коммунизмѣ и семейно общинномъ устройствѣ г. Ковалевскій посвящаетъ нѣсколько весьма интересныхъ страницъ (стр. 52—68), къ которымъ мы и отсылаемъ любознательнаго читателя, имѣя въ виду, что мы не приняли на себя задачи написать полный отчетъ о всѣхъ вопросахъ, разсматриваемыхъ проф. Ковалевскимъ. Сдѣлать послѣднее значило бы написать такихъ же два объемистыхъ тома, что̀ очевидно идетъ въ разрѣзъ съ задачею нашихъ замѣтокъ.

Не менѣе интереснымъ является вопросъ о примѣненіи самоуправства въ сферѣ имущественныхъ и личныхъ обидъ,—вопросъ, которому много страницъ посвящено во второмъ томѣ разбираемаго труда. Здѣсь мы скажемъ, что (обстоятельство прочно установленное въ наукѣ) указанное самоуправство не стоитъ въ непремѣнной связи съ родовымъ устройствомъ общежитій. И до него существовалъ тотъ же самосудъ, та-же месть, то-же возмездіе и самовольное востановленіе нарушенныхъ правъ.

---

[1]) Сравн. статью Каутскаго въ Сѣв. Вѣстн. 1891, № 10.

Digitized by Google

По вопросу о первобытномъ вѣчевомъ устройствѣ кавказскихъ горцевъ г. Ковалевскій утверждаетъ, что «кавказская этнографія нимало не подтверждаетъ ходячаго ученія о томъ, что на раннихъ ступеняхъ общежитія судебная власть составляетъ аттрибутъ всего собравшагося на сходку народа» (т. I, стр. 74). Эта этнографія выдвигаетъ на первый планъ институтъ посредничества, третейства въ дѣлѣ суда; откуда необходимость въ присяжничествѣ и поручительствѣ, какъ залогѣ исполненія маслачатнаго рѣшенія. Скажемъ только, на что было указано нами выше, что если кавказская этнографія и не подтверждаетъ теоріи о древнѣйшемъ народоправствѣ, то это еще не значитъ, что она отрицаетъ эти теоріи. А если такъ, то вѣчевое устройство Кавказа пріобрѣтаетъ лишь интересъ спеціальный, теряя характеръ матерьяла, пригоднаго для обобщеній въ дѣлѣ изложенія системы общаго первобытнаго права.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи перваго тома г. Ковалевскій даетъ полное научнаго интереса и значенія изслѣдованіе о тѣхъ культурныхъ вліяніяхъ, которые преобразовали адатное первоначальное право. Нѣкоторые изъ выводовъ, дѣлаемыхъ при этомъ г. Ковалевскимъ, вызываютъ возраженія, но мы этихъ возраженій не дѣлаемъ, потому что, по крайней мѣрѣ въ отношеніи аналогіи права, самъ авторъ сознаетъ, что всякое древнее право вообще и въ особенности право арійскихъ народностей запечатлѣно извѣстнымъ характеромъ, который неизмѣнно повторяется законодательствами и обычаями народовъ, стоящихъ на одинаковой ступени развитія или принадлежащихъ къ общему племенному стволу. При этихъ условіяхъ, продолжаетъ г. Ковалевскій, трудно сказать съ опредѣленностью, что то или другое учрежденіе воспроизводитъ собою особенности правовыхъ воззрѣній того, а не иного народа, что оно непремѣнно иранское по источнику, а не обще-арійское и даже обще-человѣческое. Въ томъ смыслѣ, что равно свойственно всѣмъ народамъ, переживающимъ родовую фазу общежитія (т. I, стр. 106). Укажемъ для примѣра на аналогію горскаго права съ Моисеевымъ правомъ древнихъ евреевъ въ примѣнимости кровомщенія къ животному, причинившему вредъ. Здѣсь трудно говорить о культурномъ вліяніи и о заимствованіи, ибо, если оно даже и имѣло мѣсто, то вмѣняемость животныхъ за содѣянное ими зло—явленіе на столько распространенное и притомъ не рѣдко въ обычномъ правѣ такихъ народностей, которыя никогда ни прямо, ни косвенно не подвергались вліянію библейскаго права, что явленіе это должно быть признано за одно изъ общечеловѣческихъ учрежденій въ томъ именно смыслѣ, какъ его понимаетъ г. Ковалевскій (т. I, стр. 155—157). Наиболѣе серьезное значеніе для современнаго кавказскаго права, имѣло вліяніе писаннаго арабскаго права посредствомъ шаріата. Въ этомъ отношеніи является чрезвычайно важною вся шестая глава перваго тома, которая раскрываетъ путемъ тонкаго анализа много случаевъ вліянія шаріата на адатъ и измѣненія послѣдняго подъ вліяніемъ писаннаго Магометова права. Достойно при этомъ замѣчанія, что шаріатъ при всемъ громадномъ значеніи своемъ не былъ въ состояніи отмѣнить адата въ сферѣ уголовнаго права; выводъ этотъ имѣетъ громадное практическое значеніе и служитъ главнымъ содержаніемъ главы VIII, въ которой авторъ довольно основательно осуждаетъ покровительство адатному праву, несовмѣстному съ чувствомъ справедливости и правомѣрности, отъ которыхъ не въ состояніи, да и не долженъ отрѣшиться современный судья.

IV.

Мы указали уже выше, что появившіяся въ 1888 г. въ Юр. Вѣстн. статьи г. Ковалевскаго: «Ишавы» и «Родовое устройство Дагестана» вошли цѣликомъ во 2-ой томъ разбираемаго нами нынѣ сочиненія. Въ виду этого мы считаемъ возможнымъ не слѣдить шагъ за шагомъ за выводами автора, а останавливаться лишь на нѣкоторыхъ особенно важныхъ мѣстахъ. Однимъ изъ такихъ мѣстъ является объясненіе авторомъ причины широко практикуемаго Сванетами похищенія женщинъ. Г. Ковалевскій объясняетъ это недостаткомъ женщинъ у Сванетовъ, ближайшей причиной чего авторъ считаетъ долго державшійся у Сванетовъ обычай убивать новорожденныхъ дѣвочекъ, оставляя въ живыхъ однихъ только мальчиковъ. Хотя при этомъ г. Ковалевскій и не раз-

Digitized by Google

дѣляетъ всецѣло давно извѣстныхъ воззрѣній на этотъ предметъ Макъ-Ленана, исходящаго изъ «неспособности женщинъ служить ближайшей цѣли древнѣйшихъ сообществъ—внѣшней оборонѣ», но тѣмъ не менѣе и самъ онъ приписываетъ указанный обычай чисто экономическому принципу: в р е м е н н о м у недостатку средствъ къ жизни. Скажемъ, что, хотя теорія Макъ-Ленана и не выдерживаетъ строгой критики, оставляя безъ вниманія съ одной стороны статистическій законъ большей естественной смертности среди мальчиковъ, что должно вести къ уравненію численности половъ, если дѣйствительно убивались т о л ь к о дѣвочки; съ другой цѣлый рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о практикѣ убійствъ новорожденныхъ мальчиковъ (при особыхъ условіяхъ). на что указывали Мэнъ и Леббокъ [1]),—то воззрѣніе г. Ковалевскаго еще менѣе можетъ быть признано правильнымъ. Одно изъ главныхъ, основаній служащихъ къ подобному выводу, есть именно то, что «временный» недостатокъ средствъ къ жизни не въ состояніи повести къ «постоянному» обычаю. А обычай дѣтоубійства, какъ показываютъ факты, отличается характеромъ постоянства и широкой распространенности, доходя до огульнаго и слѣпаго истребленія нарождающагося поколѣнія, какъ это видно на примѣрѣ обычаевъ океанійскихъ племенъ. Самая экзогамія, какъ показалъ въ недавнее время голландскій ученый Вилькенъ, объясняется совершенно другими причинами, нисколько не сходными съ приведенными г. Ковалевскимъ.

Отмѣтимъ, что г. Ковалевскій примыкаетъ къ господствующей школѣ ученыхъ, отрицающихъ какое бы то ни было проявленіе индивидуализма въ примитивной жизни (см. напр. т. II, стр. 82 — 83 стр. 162). Господствующая школа утверждаетъ, что примитивное право не знало ни индивидуальнаго имущества, ни индивидуальнаго брака, ни индивидуальной семьи, ни индивидуальной вины, ни индивидуальной отвѣтственности. Субъектомъ правъ былъ только родъ, а не личность; личность сама по себѣ была нулемъ и лишь какъ членъ рода она пріобрѣтала извѣстное значеніе. Но какое? На это не даетъ отвѣта господствующая школа. Разъ членъ рода имѣетъ какое-либо, хотя самое минимальное значеніе, то послѣднее въ чемъ-нибудь должно проявиться. Иначе говоря, личность какъ личность является чѣмъ то пріуроченнымъ къ понятію права—это съ одной стороны; а имѣя значеніе (хотя бы самое минимальное—хотя послѣднее ограниченіе и не справедливо) она становится источникомъ образованія права—это съ другой. Въ связи съ только что указаннымъ—приведенный выше упрекъ г. Муромцева Посту въ односторонности пріобрѣтаетъ особенное значеніе. Нужно, правда, сказать, что вопросъ о положеніи индивидуализма въ примитивномъ правѣ на столько вопросъ серьезный и коренной для всей системы первоправа, что требуетъ болѣе строгаго отношенія къ нему и болѣе подробнаго и всесторонняго обсужденія, чему конечно здѣсь не мѣсто.

То же отсутствіе индивидуализма г. Ковалевскій находитъ и въ первобытномъ уголовномъ правѣ, т. е. въ томъ правѣ, въ которомъ адатъ наиболѣе сохранился въ горской жизни. Поэтому 4 и 5 главы 2-го тома труда г. Ковалевскаго пріобрѣтаютъ особенное значеніе для науки первобытнаго права. Не отмѣчая здѣсь тѣхъ недостатковъ въ изложеніи г. Ковалевскаго, которые вытекаютъ изъ основныхъ его воззрѣній на значеніе религіознаго культа, замѣтимъ, что указанное выше свое воззрѣніе на религіозное значеніе кровомщенія г. Ковалевскій повторяетъ здѣсь съ особенною подробностью (т. II, стр. 225—233 и др.). Отмѣтимъ еще слѣдующее. «Отсутствіе кровомщенія, говоритъ г. Ковалевскій, въ родственной средѣ составляетъ характерную особенность той стадіи общественнаго развитія которую привыкли обозначать терминомъ родовой. Находя подтвержденіе себѣ въ рядѣ данныхъ, источникомъ которыхъ служитъ какъ этнографія, такъ и древнѣйшая исторія права, это положеніе съ удобствомъ можетъ быть выведено и дедуктивнымъ путемъ изъ общихъ началъ родоваго устройства и древнѣйшаго представленія о преступленіи и возмездіи. На родовой стадіи общежитія нѣтъ

[1]) Смотр также Е ф и м о в а, Очерки древне-римскаго родства и наслѣдованія., Спб. 1885 г., часть общая; Ф. К а у т с к а г о статью о возникнов. брачныхъ отнош. (Сѣв. Вѣстн. 1891 г. № 9.).

Digitized by Google

мѣста для индивидуализма, а потому самому и для личной отвѣтственности; мѣсто ея занимаетъ отвѣтственность кровныхъ союзовъ рода и семьи. Преступное дѣйствіе, каково бы ни было его содержаніе, является нарушеніемъ не индивидуальнаго, а коллективнаго интереса. Но родовое возмездіе мысленно лишь подъ условіемъ примыканія (примѣненія?) его къ членамъ чужаго рода. Родъ самому себѣ не можетъ быть мстителемъ. Иначе въ результатѣ получалась бы двойная потеря для рода: потеря члена, унесеннаго преступленіемъ, и потеря искупляющей эту потерю жертвы» (т. II, стр. 264). Выше мы имѣли случай указать, что ни этнографія, ни древнѣйшая исторія права не подтверждаютъ вывода г. Ковалевскаго. Точно такимъ образомъ односторонность и неправильность обобщенія господствующей школы объ исключительно «роевомъ» (гр. Толстой; Карѣевъ: Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи, вып. I, Спб. 1890 г., гл. II, стр. 37—57) устройствѣ всѣхъ примитивныхъ правоотношеній уничтожаетъ правильность вышеприведенной дедукціи. Факты примѣнимости кровомщенія въ предѣлахъ родственнаго союза такимъ образомъ уничтожаютъ правильность обобщенія: «роды и нераздѣльныя семьи (задруги) одни являлись субъектами правъ» [1]).

Заканчивая нашу замѣтку о трудѣ г. Ковалевскаго, мы остановимся еще только на слѣдующемъ. Въ послѣдней главѣ втораго тома авторъ между прочимъ говоритъ: «въ нашемъ же (древне-русскомъ) древнѣйшемъ сводѣ объ убійствѣ и даже членовредительствѣ въ примѣненіи къ вору пѣтъ и помину. Все чего онъ требуетъ это уплаты потерпѣвшему вознагражденія, такъ называемой «татьбы», а князю денежной пени, «продажи», которая только въ случаѣ конокрадства замѣняется выдачей виновнаго головой или, такъ называемымъ, «потокомъ» (и «разграбленіемъ»?) (т. II, стр. 292).

Если мы обратимся къ указанному авторомъ древнѣйшему своду, Русской Правдѣ, то встрѣтимъ въ ней слѣдующее постановленіе: если убьютъ огнищанина при кражѣ, то убить его «въ пса мѣсто» [2]). Въ договорѣ Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою, Готландомъ и нѣмецкими городами 1229 г. говорится: «которыи Роусинъ или Латинескыи имѣть татя, надъ тѣмъ ему своя въля, камь его хочеть, тамъ дѣжеть» [3]). «Коротко и ясно, говоритъ по поводу приведенной статьи г. Долопчевъ: неограниченнѣе подобнаго произвола нельзя придумать» [4]). Намъ кажется, что приведенныя данныя въ достаточной мѣрѣ доказываютъ, что въ первобытномъ русскомъ правѣ собственнику было дано полное право убить вора. Неправильно также выраженіе г. Ковалевскаго о примѣнимости потока вообще къ конокрадству. Разсматривая статьи Русской Правды, напр., приведенную 20 ст. Акад. списка, мы видимъ, что конокрадство не всегда влекло за собою потокъ. Отсюда необходимо различать, какой конь украденъ. Если это былъ конь боевой—не только имущество, но и неразлучный товарищъ, правая рука хищника-дружинника, то вора постигала самая страшная въ примитивное время кара—потокъ и разграбленіе, «страченье шыи и вываланье» (Литовск. Стат.), aquae et ignis interdictio. Если же это былъ обыкновенный рабочій конь изъ общинныхъ табуновъ, то тогда кража подводилась подъ понятіе вообще татинскаго дѣла (аналогичн. съ древне-римскимъ понятіемъ о furtum).

При всѣхъ указанныхъ недостаткахъ книга г. Ковалевскаго представляетъ, однако, столько выдающихся и глубоко научныхъ достоинствъ, что мы увѣрены въ томъ, что

---

[1]) Съ необходимою по важности предмета подробностью вопросъ этотъ разсмотрѣнъ нами въ трудѣ: «Очерки первобытнаго права» и въ этомъ отношеніи мы съ особеннымъ интересомъ будемъ ждать выводовъ научной критики.

[2]) Владимірскій-Будановъ, Христоматія по исторіи русскаго права, вып. II, Кіевъ 1885 г. изд. 3-е стр. 30, статья 20; Калачовъ Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія текста Русской Правды, ст. LXXXV; Гинцбургъ. Текстъ Русской Правды съ краткимъ объяснительнымъ словаремъ, Спб. 1888 г., стр. 12.

[3]) Владимірскій-Будановъ, Idem, стр. 107, статья 32.

[4]) Долопчевъ, о правѣ необходимой обороны, Юр. Вѣстн., 1874 г., № 11—12, стр. 37.

Digitized by Google

будущая наука первобытнаго права будетъ широко черпать изъ этой книги данныя для своихъ построеній. Что касается практическаго значенія книги, то оно еще выше, и въ этомъ отношеніи мы смѣло могли бы рекомендовать всѣмъ оффиціальнымъ дѣятелямъ на Кавказѣ сдѣлать для себя трудъ г. Ковалевскаго настольною книгою.

Семенъ Гальперинъ.

Семья по воззрѣніямъ русскаго народа, выраженнымъ въ пословицахъ и другихъ произведеніяхъ народно-поэтическаго творчества. Историко-литературный очеркъ А. Желобовскаго, 16°. 63 стр. Воронежъ, 1892 (отд. отт. изъ «Фил. Зап.»).

Kobieta w piesni ludowej. Napisała Kazimira Skrzynska. 12° 100 стр. Warszawa («Biblioteka Wisły», tom. VIII).

Современный великоруссъ въ его свадебныхъ обычаяхъ и семейной жизни. .I Весина («Русская Мысль» 1891 г., сент. и окт.).

Старая истина, что характеръ народа выражается въ его пѣсняхъ, сказкахъ, пословицахъ; но остается вопросомъ, въ какой мѣрѣ народная пѣсня можетъ служить матеріаломъ для описанія народнаго быта.

Посмотримъ на бытовую пѣсню, рисующую по преимуществу внутреннія стороны жизни народа,—въ частности на пѣсню любовную.

Прежде всего эта пѣсня—выраженіе личныхъ чувствъ поющаго; въ ней изображается природа—какъ она кажется поющему; характеризуются отношенія между людьми—опять какъ они кажутся поющему въ данную минуту; однимъ словомъ, пѣсня прежде всего — поэтическое произведеніе чисто субъективное; вслѣдствіе чего она рисуетъ не столько дѣйствительную жизнь, сколько отношеніе къ ней пѣвца.

Далѣе въ большинствѣ случаевъ пѣсня слагается изъ двухъ основныхъ элементовъ: 1) изъ образа-символа, большею частью въ запѣвѣ пѣсни, и 2) изъ объясняемыхъ этимъ образомъ бытовыхъ чертъ. Напримѣръ:

Рабина, рабинушка,
Рабина моя;
Чему ты, рабинушка,
Рано отцвѣла?—

Дзѣўчина, дзѣўчинушка,
Дзѣўчина моя,
Чему ты, дзѣўчинушка,
Засмуцилася?
Шейнъ, Бѣлор. п., стр. 240.

или

Не пора-ли вамъ, туманы,
Со сиия моря долой?
Вамъ не время-ли, ребята,
Со гуляньица домой?

или еще:

(*Смирновъ*, Пѣсни кр. Костр. г., стр. 76; тоже у *Якушкина* П. Собр. соч. стр. 632).

Не копавши криниченьки, водиці не пити;
Не сватавши дівчиноньки, зъ нею не жити.
(Чубинск. V, 311).

Вмѣстѣ съ ростомъ языка, съ движеніемъ жизни народной, первоначальное значеніе образа-символа постепенно забывается, теряется; онъ можетъ искажаться до неузнаваемости и, потерявъ общій смыслъ, смѣшиваться съ другими; въ то же время самый бытъ, черты котораго отразились въ пѣснѣ, также измѣняется; жизнь вноситъ въ пѣсню новыя черты, которыя, однако, по свойственному пѣснѣ консерватизму, не

Digitized by Google

вытѣсняютъ старыхъ; получается странная смѣсь стараго и новаго, живущаго и отжившаго. Наконецъ, по потерѣ значенія образа-символа, изъ обрывковъ, изъ лоскутьевъ старыхъ пѣсенъ лишь на основаніи единства въ нихъ размѣра и напѣва часто составляются новыя пѣсни.

«Наша пѣсня, говоритъ А. Н. Веселовскій, въ томъ періодѣ своего развитія, по крайней мѣрѣ въ какомъ мы теперь ее знаемъ и записываемъ, не представляетъ ничего законченнаго: пока она поется, она претворяется, постоянно измѣняясь, творясь на ново».

Отсюда ясно, почему, имѣя право пользоваться пѣсней для общей характеристики народа, мы не можемъ характеризовать на основаніи ея свидѣтельства отдѣльныхъ моментовъ его жизни, напримѣръ, настоящаго времени, не изучивъ состава пѣсни и не выдѣливъ изъ нея древнихъ, уже отжившихъ чертъ.

Все вышесказанное можно примѣнить и къ пословицѣ. Пословицы—весь запасъ ихъ—сложились вѣками и характеризуютъ цѣлые ряды пережитыхъ народомъ эпохъ. Кромѣ того, по народному выраженію—«на пословицу, что на дурака, закона нѣтъ», одна пословица часто противорѣчитъ другой, смотря по тому, кѣмъ каждая изъ нихъ сложена, при какихъ условіяхъ и кѣмъ повторяется. Сравните, напримѣръ, общественныя пословицы, сложенныя мужчинами о женщинахъ, съ сложенными наоборотъ, женщинами относительно мужчинъ. Понятно, рисовать цѣлыя картины быта и воззрѣній народа по пословицамъ разныхъ эпохъ является задачей менѣе всего научной. Трудъ, построенный на такихъ основаніяхъ, какъ пѣсня и пословица, не можетъ дать ничего опредѣленнаго.

Опытами подобныхъ картинъ быта по произведеніямъ народнаго творчества являются первые два изъ названныхъ выше сочиненій.

Уже судя по цвѣтистому заглавію книжки г. Желобовскаго можно догадываться о содержаніи ея: это, собственно говоря, взглядъ и нѣчто по поводу и на основаніи нѣсколькихъ сборниковъ пѣсенъ и пословицъ.

Въ краткомъ вступленіи авторъ объясняетъ, что̀ побудило его предпринять работу. Онъ указываетъ на то, что пословицы во всемъ своемъ богатствѣ мало знакомы читающей публикѣ и что онъ желаетъ представить въ связи тѣ изъ нихъ, которыя касаются семейнаго быта русскаго народа. Въ первой главѣ, сказавъ объ отраженіи земледѣльческаго быта въ цѣломъ рядѣ пословицъ, онъ говоритъ о положеніи женщины въ семьѣ, какъ хозяйки и главы дома и вслѣдствіе односторонняго пользованія матеріаломъ—представляетъ семью и женщину, ея отношенія къ мужу въ идеальномъ свѣтѣ. Вторая глава посвящена выясненію взаимныхъ отношеній дѣтей и родителей, сначала по пословицамъ; далѣе авторъ обращается къ другимъ источникамъ: цитируетъ былины, «Повѣсть о Горѣ-Злосчастьи», знакомую ему по «Очеркамъ» Буслаева, «Исторію» Соловьева (выписка въ три страницы). Вскользь авторъ здѣсь говоритъ еще о роли брата въ семьѣ и объ отношеніи его къ сестрѣ. Третья глава представляетъ описаніе хозяйства и домоправительства въ крестьянской семьѣ, главнымъ образомъ по Энгельгардту («Письма изъ деревни») съ «историческими» ссылками на «Слово о Полку Игоревѣ» и на «Судъ Любуши» (!). Въ ней авторъ касается очень интересныхъ сторонъ быта нашей крестьянской семьи: онъ говоритъ объ отношеніи главы дома къ взрослымъ сыновьямъ, о взаимныхъ отношеніяхъ братьевъ въ семьѣ, о несогласіи женщинъ въ домашней жизни, о раздѣлахъ—этомъ больномъ мѣстѣ въ бытѣ нашей деревни; но и здѣсь сужденія автора, на сколько они основаны на пословицахъ и пѣсняхъ, выходятъ односторонними и рисуютъ не истинный бытъ, а идиллическую картину. Авторъ въ этой главѣ говоритъ еще о положеніи вдовы, дѣвушки, о крестьянской свадьбѣ. Въ четвертой главѣ авторъ переходитъ къ описанію семейной жизни сословій, населяющихъ города, говоритъ о семьяхъ мѣщанскихъ, купеческихъ, служилыхъ людей пользуясь безъ разбора, безъ малѣйшей критики, тѣми памятниками древней письменности, какіе первые подвернулись ему подъ руку. Задача автора здѣсь—показать «какъ именно измѣнилась крестьянская семья въ другихъ сословіяхъ и что̀ было причиною этого измѣненія». Смѣло рѣшая вопросъ, авторъ считаетъ главной причи-

Digitized by Google

ной—«отсутствіе участія жены въ трудахъ мужа». Сопоставляя данныя пѣсенъ и Домостроя, авторъ такъ характеризуетъ женщину въ городской и крестьянской жизни: «здѣсь—ничтожное, слабоумное существо, которое не только не можетъ дать совѣтъ, но сама нуждается въ постоянномъ наученіи и наставленіи; тамъ (въ крестьянствѣ)—товарищъ въ общей работѣ».

Авторъ заключаетъ свое изслѣдованіе пожеланіемъ, чтобы женщина твердо и неуклонно шла на пути къ независимости, и указаніемъ, что значеніе женщины въ обществѣ поднимется только благодаря трудамъ ея для благосостоянія семьи.

Въ общемъ работа г. Ж. имѣетъ видъ фельетона; литература вопроса, интересующаго автора, не указана; лишь кой-гдѣ случайныя ссылки на случайныя пособія.

Нѣсколько иной характеръ имѣетъ книжка г-жи Скшиньской. Это трудъ болѣе самостоятельный. Въ небольшомъ вступленіи она заявляетъ, что образъ женщины изъ народа очень мало знакомъ публикѣ, и что поэтому она рѣшается «приподнять край завѣсы таинственнаго міра»—познакомить публику съ характерными чертами польской крестьянки. Авторъ не знаетъ лучшаго матеріала, чѣмъ пѣсня: «пѣсня, говоритъ онъ, есть зеркало жизни народа, и въ ней слѣдуетъ искать его идеаловъ».

Сначала г-жа С. дѣлаетъ общую характеристику польской деревенской женщины и дѣвушки; далѣе изображаются ею чувства, наполняющія сердце крестьянки. На первомъ планѣ стоитъ «любовь къ Богу, которая выражается въ беззавѣтной вѣрѣ въ Его Провидѣніе». Второе мѣсто въ сердцѣ польской крестьянки занимаетъ любовь къ матери, къ отцу, братьямъ, другимъ родственникамъ и наконецъ уже, на послѣднемъ мѣстѣ—къ избраннику сердца. Послѣ этого авторъ изображаетъ замужнюю жизнь, положеніе жены въ семьѣ мужа и отношенія къ молодой ея новой родни. Эта часть въ книжкѣ г-жи С. страдаетъ нѣкоторой безсвязностью и неопредѣленностью.

Въ общемъ у автора въ изображеніи быта польской семьи изъ народа господствуетъ какое-то идиллически-мечтательное настроеніе, которое, въ соединеніи съ цвѣтистымъ и вычурнымъ порой языкомъ, на читателя производитъ странное впечатлѣніе. Передъ нимъ не обычная картина жизни крестьянина, а какая то идиллія во вкусѣ прошлаго вѣка. Напримѣръ, мы читаемъ слѣдующее: «дѣвушка искренне любитъ окружающую ее природу, знаетъ, что эта благородная подруга не выдастъ тайны и терпѣливо ее выслушаетъ. Она беретъ ее свидѣтельницей клятвъ любви, спрашиваетъ у нея совѣта при безпокойствѣ и имѣетъ въ ней посредника и повѣреннаго въ каждой эпохѣ своей жизни. Дѣвушка ведетъ съ нею долгія бесѣды, прекрасно понимая ея отвѣты, выслушанные въ шорохѣ листьевъ, въ шумѣ вѣтра или въ голосѣ животныхъ». Или: «о всѣхъ нуждахъ ребенка заботится мать; она въ домѣ—божество, отъ котораго все зависитъ и которому все молится».

Въ концѣ своей книжки (съ стр. 92) авторъ пересказываетъ нѣсколько народныхъ балладъ, записанныхъ ею въ Люблинскомъ уѣздѣ; первая изъ нихъ, судя по пересказу,—имѣетъ сюжетъ сходный съ сюжетомъ Шекспировскаго «Лира»; затѣмъ изложены пѣсни на слѣдующія темы; братъ, узнавъ о преступленіи сестры, совершенномъ ею въ его отсутствіе, убиваетъ ее; братъ мститъ соблазнителю сестры; любовникъ уговариваетъ дѣвушку отравить ея брата, который мѣшаетъ ихъ связи; по совершеніи этого преступленія преступницу обличаетъ пѣсенка птицы; дѣвушка убиваетъ незаконнаго ребенка; злая мачиха,—пѣсни, отчасти извѣстныя уже изъ напечатанныхъ у Кольберга [1]) и друг. Во всѣхъ этихъ балладахъ такъ или иначе характеризуется женщина. Но конечно, они не могутъ служить ни для характеристики крестьянки Люблинскаго уѣзда, ни вообще польской крестьянки: это пѣсни на такъ называемыя странствующія темы, пѣсни общія всѣмъ славянскимъ, а отчасти и не-славянскимъ народамъ западной Европы. Было бы лучше, если-бы авторъ напечаталъ цѣликомъ эти баллады, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которыя представляютъ варіанты, отступающіе отъ текстовъ, изданныхъ Кольбергомъ и другими со-

[1]) Сравн. напри. Zbiór wiadomości do antropologji krajowej. t III,c z. II, str. 208 et sacc.

Digitized by Google

бирателями, такъ какъ пересказъ даетъ слишкомъ мало: для изучающаго пѣсню важна и ея форма, вообще не одно содержаніе.

Пѣсни, приводимыя въ текстѣ г-жей Скжиньской и записанныя ею самою, принадлежатъ исключительно къ новообразованіямъ; это большею частью 4-хъ строчныя пѣсенки лирическаго содержанія. Иногда въ первыхъ двухъ стихахъ ихъ мы находимъ образъ или осколокъ его:

Ach, fala, fala
Na morzu powstała:
Bodaj ja była
Kochania nie znała;
или: Niema ni i bedzie
W sadzie słodkiej wiśni;
Niema kochaneczka,
Co do mojej myśli.

Подобныя пѣсенки родственны съ Малорусскими талалайками и коломыйками [1]) и великорусскими припѣвочками, или сбирушками и вертушками (Череповецкій у. Новг. губ.). Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенокъ напечатаны у г-жи С. только въ выдержкахъ. Кой-гдѣ находимъ въ языкѣ ихъ малорусскія черты (стр. 14, 18, 55). Но вообще онѣ передѣланы на литературный польскій, и мѣстныя особенности, напр. замѣна шипящихъ свистящими,—сглажены.

Понятно, трудъ г-жи Скжиньской, какъ научное сочиненіе, не выдерживаетъ самой снисходительной критики, но какъ книжка для легкаго чтенія полезенъ и читается не безъ интереса.

Статья г. Весина, будучи прямой противоположностью двумъ выше названнымъ книжкамъ, представляетъ серьезную и довольно обстоятельную разработку вопроса, интересовавшаго ея автора. Это попытка набросать общую картину свадебныхъ обычаевъ и семейной жизни Великорусса на основаніи матеріаловъ ближайшаго къ намъ времени, «такъ какъ труды Сахарова, Терещенка и Этнографическаго сборника 50-хъ годовъ значительно устарѣли» и,—добавимъ, мы—заключаютъ въ себѣ кое-что сомнительное, ибо собиратели иногда бывали жертвами своего пристрастія къ старинѣ [2]). Здѣсь мы находимъ сводъ многочисленныхъ данныхъ, разбросанныхъ по разнымъ періодическимъ изданіямъ, мѣстнымъ календарямъ и памятнымъ книжкамъ, пользованіе которыми не для всякаго легко.

Въ первой главѣ авторъ сообщаетъ рядъ свѣдѣній о брачномъ обрядѣ Великорусса, затрагиваетъ вопросъ о значеніи и роли кладки и приданаго, говоритъ о положеніи женщины въ семьѣ, не по пѣснямъ и пословицамъ, а на основаніи болѣе важныхъ источниковъ.

Вторая глава посвящена описанію свадьбы уходомъ или уводомъ: здѣсь авторъ не безъосновательно полемизируетъ съ О. Пешелемъ, утверждающимъ, что похищеніе дѣвушки отошло уже далеко въ область преданій и удерживается только какъ родъ свадебной игры, являясь какъ бы «шуткой». Г. Весинъ со своей стороны приводитъ доказательства противнаго и заключаетъ, что у насъ «умыканіе» не шутка, а серьезное явленіе, вызываемое складомъ и условіями жизни (окт., стр. 43).

Въ дополненіе къ примѣрамъ, приведеннымъ авторомъ, мы позволяемъ себѣ указать слѣдующій заимствованный нами изъ соч. Кривошапкина: «Енисейскій округъ и его жизнь». Старуха мать, переселившаяся изъ Тобольской губерніи, никакъ не могла примѣниться къ новымъ и непривычнымъ для нея обычаямъ Енисейскаго округа и разсказывала Кривошапкину: «здѣсь у васъ Енисейскій народъ—какой-то безстыжій; лѣ-

---

[1]) См. А. Потебня, Прим. 4 къ XXXVII т. «Зап. Ак. Наукъ», стр. 108.

[2]) О Терещенкѣ см. «Вѣстн. Евр.» 1872 г., іюнь, стр. 586 (статья Костомарова).

Digitized by Google

зутъ всё со сватаньёмъ сперва! Отдай, вишь, имъ дѣвку-то сама я; да не своими ли то рученьками? Стыдъ-то ли, не стыдъ былъ мнѣ: обругаю, бывало, сватовъ, да и выгоню». (стр. 49).

Такимъ образомъ ея дочь-дѣвушка дождалась 4-го десятка лѣтъ, пока наконецъ одинъ казакъ съ линіи не догадался, чего хочется старухѣ, и не похитилъ дѣвушки. Когда Кривошапкинъ выразилъ свое недоумѣніе, что это значитъ—старуха ему отвѣтила: «Да какъ это можно, батюшка, по вашему, по енисейскому, выдавать дѣвку, лишь-бы сватья или сватъ пришелъ? Да вѣдь дѣвка то наша родимая: что же мы себя срамить станемъ, али дѣвку срамить? Что мы голодомъ что ли ужъ сидимъ, когда дѣвку добромъ своими руками, въ чужи люди отдадимъ; али дѣвку осрамить захочемъ — ступай, молъ, вонъ, ты намъ негодна? Нѣтъ, ужъ такъ у насъ, батюшка, не водится» (стр. 48).

Третья глава труда г. Весина посвящена описанію семейной жизни крестьянина Великорусса; авторъ касается роли большаковъ въ семьяхъ, говоритъ о снохачествѣ, объ имущественномъ положеніи женщины въ крестьянствѣ и о раздѣлахъ. Не претендуя на окончательное рѣшеніе вопросовъ, онъ старается всесторонне изслѣдовать дѣло.

Многочисленныя указанія на литературу предмета увеличиваютъ цѣнность названной работы.

Вл. Перетцъ.

Digitized by Google

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

Бытовыя черты русинки Холмскаго края по пѣснямъ.

Холмянка отъ природы одарена дородствомъ, здоровьемъ, красотою лица и души, „поэзіей живой и ясной"; природный умъ ея, развитой опытами практической жизни, пріобрѣлъ замѣчательную подвижность: она, какъ говорится, вскинетъ умомъ, и уже сообразила выгоду или невыгоду извѣстнаго дѣла или предпріятія, покупки, продажи. Если къ этому прибавить еще характеръ самостоятельный и дѣятельный, то будетъ понятно, почему весь домашній бытъ семьи сосредоточенъ въ ея рукахъ.

Бытовая жизнь ея дѣлится на три главныя эпохи: дѣтство, собственно дѣвичество и замужество.

Родилось дитя, „справилъ" отецъ крестины, и затѣмъ уже, по обыкновенію, цѣлые дни не видитъ ребенка, предоставивъ его заботамъ и уходу матери; на ночь однако онъ дѣлается нянькой и выручаетъ жену, давая ей два-три часа забыться сномъ. Такимъ образомъ, съ самаго появленія своего на свѣтъ Божій, ребенокъ не разлученъ съ матерью какъ дома, такъ и внѣ его. Не только лѣтомъ, во время полевыхъ работъ, младенецъ совершаетъ путешествія на поля и луга вмѣстѣ съ матерью въ какой нибудь корзинкѣ, перекинутой черезъ плечо ея, но и въ ненастную осень, и зимою въ трескучій морозъ, и раннею весною, если явится крайность, мать тащитъ ребенка куда попало, у своей груди материнской... Но у материнской груди и въ дурную погоду сытно и тепло ему; лѣтомъ же не то: лежа гдѣ-нибудь въ тѣни сноповъ, кучкой разставленныхъ для защиты отъ палящихъ лучей солнца или отъ дождя и вѣтра, онъ накричится до хрипоты, пока мать, увлекшаяся вдали работой, вспомнитъ о своемъ дитяти и успокоитъ его исхудалой грудью своей... Съ первыхъ, иногда, недѣль жизни младенецъ уже знакомится съ лугами,—полемъ, солнечнымъ зноемъ, съ дождемъ и вѣтромъ, даже съ голодомъ и другими неудобствами, рѣдко остающимися безъ вліянія на жизнь молодую....

Но вотъ нашей дѣвочкѣ (будемъ звать её „Марысей"), по милости Божіей, минулъ годокъ, другой и третій на исходѣ. Ее отняли отъ материнской груди; Марыся поплакала, потосковала недѣлю — другую и, какъ всегда водится, успокоилась. Мать купила ей крохотную мисочку, ложечку, калачикъ, дала щепотку соли, копѣечку,— и это означаетъ, что ребенокъ „пишовъ вже на свій хлибъ", т. е. онъ безъ посторонней помощи можетъ ѣсть и пить, что ему ни подадутъ; при этомъ религіозная родительница начинаетъ учить его „Богу молиться", или дѣлать на себѣ знаменіе креста-утромъ, вечеромъ, передъ и послѣ ѣды.

Потѣшно и пріятно смотрѣть, какъ Марыся, пытаясь сама „амъ", больше разольетъ,

Digitized by Google

чѣмъ съѣстъ, какъ она бѣгаетъ за матерью, куда бы та ни повернулась, выражая свои ощущенія и желанія то досаднымъ крикомъ, когда ея не понимаютъ или не хотятъ исполнить дѣтскаго каприза, то нѣжнымъ, какъ шелестъ молодыхъ весеннихъ листочковъ, лепетомъ еще неразвившихся словъ... Въ числѣ первыхъ рѣчей малютки—Молитва Господня, которую она заучиваетъ со словъ матери. Часто и на всю жизнь остаются въ молитвѣ невыговариваемыя слова, затверженныя въ дѣтскомъ возрастѣ... Кромѣ этой новой обязанности, мать наблюдаетъ, чтобъ ея Марыся съ чего нибудь высокаго... летать не вздумала учиться, не попала-бы въ колодецъ, подъ лошадей...

Проходитъ благополучно еще годикъ. Мать, меньше прежняго обращая на нее вниманіе, вся сосредоточилась уже на новомъ ребенкѣ, котораго Богъ послалъ ей недавно на руки... Марыся видитъ это и, по примѣру матери, сама уже гдѣ нибудь въ уголкѣ качаетъ свое „дытё“, созданное изъ старыхъ „запасокъ и хустокъ“, поетъ надъ нимъ пѣсни, перенятыя у матери.

Но прошла и эта пора. Марыся выросла; ей уже 8-ой годъ; она играетъ и юлитъ въ хатѣ, веселитъ и услаждаетъ своимъ щебетаньемъ трудъ матери. Рѣзвушка стала и трудолюбива, и послушна: хату подмететъ, посуду помоетъ... и разобьетъ ненарокомъ. курочекъ покормитъ и т. п.; а заплачетъ въ люлькѣ меньшой братецъ или сестрица—бѣжитъ и изо всѣхъ силъ качаетъ „плаксуна“, горланя на всю хату колыбельную пѣсню:

„Ходивъ китъ по сили,
Носивъ сонъ въ кушели,
Чужихъ дітокъ обуджевъ,
Нашого Иванця присиплевъ“.

Закачавъ дитя, Марыся возьметъ клочекъ льну, навяжетъ его на палочку или на свободную „пресны“, возьметъ веретено и старается выводить нитки, какъ и ея мать. Мать радуется, глядя на свою милую дочку, на свою подрастающую помощницу. И Марыся рада: еще, еще-бы годокъ, и она будетъ большая, станетъ „взаправду“ прясть.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и Марыся сдѣлалась уже „дивкой“, невѣстой, хорошей труженицей въ полѣ и дома, и за себя и за свою мать. На нее ужъ и хлопцы засматриваются. Дѣвушка замѣчаетъ въ себѣ новыя чувства, она боится ихъ, не зная, какъ и откуда они взялись, хочетъ разобраться въ нихъ, найти ихъ причину. Вотъ какъ изображаетъ это пѣсня „дывоцькая“.

„Стоить липка надъ водою,
Тай похилилася,—
Чи ти мині такій милій,
Чи я вдивилася?“

И когда она удостовѣряется въ томъ, что „не вдывылася“, что чувство ея не призракъ, а дѣйствительность, — сильная, молодая любовь, — спрашиваетъ виновника своей сердечной тревоги:

„Чи въ любистку ти купався,
Що ти мині сподобався?“
— „Нэ въ любыстку, тілько въ мяти,
Коли люблю, хочу взяти“,

отвѣчаетъ похититель сердца дѣвушки.

Не долго, обыкновенно, продолжается такое состояніе влюбленныхъ. Еще немного времени, и къ ней являются сваты отъ избранника ея сердца, на предложеніе коихъ—выйдетъ-ли замужъ за такого-то,—она отвѣчаетъ по формѣ: „якъ батько, якъ маты, то й я“.

Сваты, приноровляя къ такому случаю разныя церемоніи и рѣчи, выпиваютъ $^1/_2$ ведра „горилки“ въ одну ночь, и дѣло сдѣлано: добились согласія родителей, какъ они ни мялись сначала, что Марыся еще молода, что-де и имъ нужна работница, но

Digitized by Google

въ концѣ согласились: не вѣкъ-же ей сидѣть съ отцомъ — матерью; пускай идетъ съ Богомъ, когда добрые люди нашлись, не гордятъ ихъ домомъ. И вотъ Марыся черезъ недѣлю или двѣ выходитъ замужъ.

Весьма незначительная впрочемъ часть браковъ заключается по любви; большая часть молодыхъ людей женятся безъ сердечныхъ увлеченій, хладнокровно, и въ силу этого дѣвушка выходитъ замужъ въ 3-е или 4-ое село хотя и не по любви, но и не съ отвращеніемъ иногда за такого человѣка, котораго раньше и во снѣ не видала. Женихъ, а чаще всего его родители черезъ услужливыхъ свахъ пронюхали лакомый кусочекъ и заслали сватовъ; родители невѣсты то-же дѣлаютъ отъ себя, и если все съ обѣихъ сторонъ „обстоитъ благополучно“, ударили по рукамъ, и дѣвушка послѣ обычнаго: „якъ батько, якъ маты, то й я“,— проливая горькія слезы, какъ на страсть идетъ въ чужое село „межы чужаи люде“, гдѣ не только свекоръ и свекровь, въ домъ коихъ она вступаетъ, чужды ей, но чуждъ ей по сердцу и ея мужъ, ея будущій другъ—товарищъ. При выборѣ невѣсты, главнымъ образомъ, обращается вниманіе на ея здоровье, домовитость и личныя качества: хозяйственную разбитную голову, трудолюбіе и спорную работу въ рукахъ, бережливость, а главное, — „добрую долю“. Все это въ большей цѣнѣ у крестьянъ, чѣмъ богатое приданое невѣсты, на которое такъ падки женихи классовъ „благородныхъ“, готовые и на чурбанѣ жениться изъ-за денегъ и связей. На слова дѣвушки, кичащейся своимъ приданымъ:

...„Въ мене батько богачъ,
Штири воли на оборі,
Ще'й на шиі дукачъ“,

Хлопецъ, не тронутый этимъ, отвѣчаетъ:

— „О чертъ тебе забери,
Съ твоимъ батькомъ — богачемъ,
Твои воли поздихаютъ,
Ты дурная [1]) зъ дукачемъ“...—

Отсюда видно, что безприданница-крестьянка въ дѣвкахъ не засидится подобно безприданницамъ „барышнямъ“: съ плачемъ,— да пойдетъ замужъ. Однако по свадебнымъ слезамъ невѣсты не слѣдуетъ заключать о неудачѣ подобныхъ браковъ. Обильныя слезы необходимы въ извѣстные моменты свадьбы: не прилично для молодой, если ихъ взять не-откуда. Въ силу этого убѣжденія или обычая, какъ угодно, нѣтъ такой дѣвушки, которая-бы не проливала горькихъ слезъ на своей свадьбѣ; даже самая счастливая и та должна ревѣть; если же иная и не на шутку воетъ, идя къ нелюбимому человѣку, то на этотъ случай остается ей въ утѣшеніе извѣстная житейская пословица: „поживешь— полюбишь“. „Стерпится—слюбится“. Бываетъ, конечно, не безъ шиповъ, но всетаки несчастныхъ браковъ, въ тѣсномъ смыслѣ, гораздо меньше, безусловно меньше въ средѣ крестьянъ, чѣмъ въ интеллигентномъ обществѣ, гдѣ иной разъ женихъ и невѣста, до брака безумно влюбленные другъ въ друга, клянутся на чемъ свѣтъ стоитъ въ постоянствѣ чувства, призываютъ небо въ свидѣтели ихъ вѣчной любви, что, однако, черезъ два-три года, а иногда и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ брака не мѣшаетъ имъ „не мѣшать другъ другу“... Война съ свекровью, свекромъ, со старшими золовками часто готовитъ вмѣсто первыхъ лѣтъ супружескаго счастья горькую чашу терпѣнія и невзгодъ, сильно отзывающихся на сердцѣ молодицы; но противъ этихъ невзгодъ ничего не въ силахъ подѣлать мужъ бѣдной женщины, цѣликомъ зависящій отъ своихъ родителей. Вотъ какъ сложилась объ этомъ горѣ-злосчастьѣ пѣсня народная:

---

[1]) Глупая.

Digitized by Google

„Пустижъ мене, милый,
До броду по воду
До броду по воду
Повидати роду".
— „Не пущу я тебе
До броду по воду,
Бо ти скажешь роду
Свою невигоду". —
„Якъ будуть питати—
Нэ буду казати,
Зальюся слезами,
Тай вийду зъ хаты,
А мати за мною:
— „Чого плачешъ, доню.
Хиба-же я знала,
Кого ти кохала?" —
„Щобъ я була знала,
Що мні доля злая. —
Булабъ утонула,
Якъ вода прибула;
Щобъ я була знала,
Що мні доля така,
Булабъ іла, пила,
Косоньку чесала
До волоса сивого"...
т. е. „посивила дівкою".

Очевидно, молодой женщинѣ „до живаго допекла" непривѣтливая родня мужа: „лютой свекоръ, лихая свекровь, золовки-лиходѣйки", если она жалѣетъ о своей косѣ „дівоцькой". Большей частью, однако, молодыя невѣстки умѣютъ постоять за себя, настраивая при этомъ для протеста и своего мужа, какъ поетъ пѣсня:

„Чи я тобі ні казала,
На порозі ставши:
Нэ идь, нэ идь на хурманку,
Нехай иде старшій".

На зло, вѣроятно, молодой невѣсткѣ мужемъ ея, какъ самымъ младшимъ въ семьѣ „вси диры затыкали", обрекая ее тоскѣ и скукѣ одиночества...

Дѣвушка, зная родной обычай своей земли выдавать замужъ и женить, не спросясь, большей частью, сердца молодыхъ людей, постоянно должна быть въ тревогѣ за свободу своихъ чувствъ и за себя вплоть до замужества, пока не рѣшится ея судьба такъ или иначе. Эта-то боязнь и сердечное томленіе дѣвушки такъ выражается въ пѣснѣ:

„Ой ти, дівчино зарученая,
Чого такъ ходишъ засмученая?"
— „Охъ, якъ же мени смутний ні бути!—
Кого я люблю—трудно забути"...
„Ой ты, дівчино, мислями блудишъ:
Сама ти знаешь, кого ти любишъ.
— „Охъ, знаю, знаю, кого кохаю,
Тилько ні знаю, съ кімъ жити маю"...

И дѣйствительно сбываются эти опасенія. Родители изъ своихъ личныхъ разсчетовъ и видовъ оторвали дѣвушку отъ любимаго человѣка, а жениха отъ любимой невѣсты, и сковали ихъ вмѣстѣ за руки неразрывными узами брака православнаго... Но тѣло сковать-то сковали (чего въ жизни не случается?!..), а сердца молодыхъ людей такъ и отталкиваютъ другъ друга, какъ два однородныя электричества. Кому хорошо въ такомъ положеніи, а тѣмъ болѣе молодой женщинѣ, волной прибитой къ чужому, нелюдимому берегу!... Что ей дѣлать?! Только и отрады, когда мгновеніями проносятся передъ нею лелѣянныя неотразимой прелестью надежды ея юныя мечты о любимомъ человѣкѣ... А за этими свѣтлыми мгновеніями опять насупилась преждевременная осень ея жизни съ ненастной погодой и холодомъ въ сердцѣ...

Вотъ какъ изображаетъ пѣсня безвыходное положеніе и горькую долю такой женщины безъ надежды на счастье, на которое она надѣялась и имѣла право:

„Чи я въ ліси ні калина була?
Чи я въ ліси ні червона була?
Взяли мене поломали
Та въ пучечки повязали, —
Така доля моя, така доля моя!
Чи я въ батька ні дітина була?
Чи я въ батька ні хороша була? —
Взяли мене, замужъ дали
И світъ мині завязали, —
Така доля моя, така доля моя!
Чи то така Божа воля?
Чи несчастна моя доля?
Чи такии кумы брали?—
Счасця—долі мни не дали!
Ой пидужъ я утоплюся,
На білъ камень розабьюся!"..

Digitized by Google

Впрочемъ въ большинствѣ случаевъ женщина переноситъ свою недолю съ рѣдкимъ стоицизмомъ; она живетъ съ нею, какъ раненый воинъ съ засѣвшей въ ногѣ пулею вражеской, не думаетъ о своихъ страданіяхъ, но исполняетъ обязанности жизни, что и спасаетъ ее отъ того, чтобы «утопиться, или о білъ камень разбиться».

Бракъ—великій переворотъ въ жизни женщины.

Крестьянка считаетъ, не мудрствуя лукаво, замужество святымъ закономъ, даннымъ ей природою, которому она должна безропотно подчиняться, чтобы выполнить цѣль своего земнаго бытія: «якъ смерти не минешъ, такъ того не минешъ». Однако законъ этотъ, вмѣстѣ съ тяжестью и непреложностью, даетъ ей отраду земной жизни, почетъ и уваженіе между людьми, возвышаетъ ее въ глазахъ всѣхъ—и старыхъ и молодыхъ; освобождая отъ опеки родителей, даетъ ей волю и самостоятельность дѣйствій, какъ женѣ, хозяйкѣ того, большею частью, незначительнаго хозяйства, которое сообща основываютъ теперь ея собственныя и мужнины руки; онъ, наконецъ, даетъ ей власть и надъ.... мужемъ! «Благая часть», которую женщинѣ даетъ замужество, между прочимъ, изображается въ пѣснѣ о томъ,какъ «дівка брала ленъ дрибненькій» и въ слезной задушевной бесѣдѣ съ матерью—землею жаловалась на свою долю сиротскую, умоляла разступиться и взять ее къ себѣ, въ свои нѣдра, въ могилу ея матери, такъ какъ обездоленная на «біломъ світі» жизнь сироты слишкомъ тяжела для ея «самотной [1]) головоньки»; но земля въ отвѣтъ на эти мольбы промолвила:

«Чімъ зо світа тебе брати,
Ліпій тобі пару дати».

Оставшись прежней труженицей-работницей замужняя женщина, какъ хозяйка, превосходитъ во многихъ случаяхъ мужа: она лучше его хозяйство бережетъ, хорошій совѣтъ подастъ, какъ и что дѣлать; сообразитъ, выгодна или нѣтъ извѣстная продажа или покупка и т. п. Въ этомъ отношеніи вліяніе ея на мужа такъ велико, что онъ не продастъ, не купитъ, не заключитъ ни съ кѣмъ какого бы то ни было условія, пока не посовѣтуется съ женою, хотя-бы дѣло клонилось видимо въ его пользу; а потому, куда бы онъ ни шелъ или ни ѣхалъ, не разлучна съ нимъ и его жена.

Какъ мать—хозяйка весьма хороша. Она ухаживаетъ за своимъ ребенкомъ съ полнымъ самоотверженіемъ; по цѣлымъ ночамъ свѣтится тусклый огонечекъ въ ея хатѣ, и вы замѣтите въ окошечко, какъ она копается, поправляетъ въ люлькѣ, укладываетъ ребенка, чмокаетъ ему, тысячи нѣжныхъ словъ и названій какъ изъ рукава сыплетъ на маленькое созданьице, кормитъ его грудью по-нѣсколько разъ въ ночь, заставляя качать, однако, мужа, если онъ дома. Съ утра, лишь пропоетъ пѣтухъ, и свѣтъ чуть-чуть забрезжитъ въ окнахъ, какъ лѣтомъ напримѣръ,—она уже на ногахъ, не только исполняетъ свои обязанности по домашнему хозяйству, но и отправляется вмѣстѣ со всѣми въ поле, захвативъ съ собою ребенка, какъ и другіе, ведетъ свой «загинъ», а между тѣмъ такъ и подпекаетъ ее, чтобы оторваться на минуту къ дитяти. Въ обѣденную пору всѣ жнецы отдыхаютъ, а ей работа: надо, какъ слѣдуетъ, дитя осмотрѣть, покормить, пеленки помыть,—отдохнуть-то и некогда. Вообще, сама она какъ нибудь пробивается, лишь бы дитяти ея хорошо было.

Не менѣе почтенны качества хозяйки какъ жены. Понимая свое значеніе въ семьѣ, она не исполняетъ капризовъ мужа, подобно великорусской своей сестрѣ, когда онъ пьяный, придя домой, отдаетъ разныя сумасбродныя приказанія; не трясется, не трепещетъ передъ пьянымъ самодуромъ; напротивъ, еще и поколотитъ мужа, если онъ не въ добрый часъ вздумаетъ дурачиться, и послѣ всю вину свалитъ на него же. Вотъ какъ объ этомъ поетъ пѣсня:

Била жинка мужика,
Пишла позивати:

Присудили мужику
Жинку препрошати.

[1]) Одинокой.

Digitized by Google

«Простижъ мені, моя мила,
Що ти мене била;
Куплю тобі гарниць меду,
Коноводьку пива».

—«Не купуй ми гарця меду,
Коноводьки пива,—
Купи лішій нагаєньку,
Щобъ я тебе била».

Строго относясь къ слабостямъ мужа, жена не даетъ ему воли, когда онъ слишкомъ часто станетъ въ корчму заглядывать, лѣниться; какъ начальникъ подчиненному не даетъ забывать службы, такъ и она не даетъ забывать мужу о домѣ, о хозяйствѣ, а главное,—о себѣ: «а до дому, а до дітей, а до роботы»! гонитъ его; а сама между тѣмъ нерѣдко позволяетъ себѣ вольности въ родѣ слѣдующей, выраженной въ пѣснѣ:

«Горе мужикъ, горе,
На шляхъ поглядае;
Жинка его иде зъ міста
Гопки витинае.
«Ой мужу-жъ мий, мужу,
Килько ты нагоравъ»?

—«Симъ загони до полудня,
Бося тебе боявъ.
Жинко-жъ моя, жинко,
Килько-жъ ты пропила»?—
«Симъ таляры до полудня,
Осьмого згубила».

Терпѣливо мужъ переноситъ деспотизмъ своего «владыки въ юбкѣ», рѣдко подымаетъ противъ него оружіе; но если и случится такой грѣхъ, то жена въ большинствѣ случаевъ съумѣетъ ему дать приличный отпоръ, а въ ссорахъ преимущество всегда на ея сторонѣ; она выбранитъ мужа на чемъ свѣтъ стоитъ: «ты сякий, ты такий, твий батько бувъ такий и дідъ и всень ридъ вашъ такий»; дома его иной разъ и въ грошъ не ставитъ, но передъ людьми относится къ нему даже лучше, чѣмъ онъ того стоитъ: «що наша пичъ спекла, то и будемо істи,» — ничего не подѣлаешь: «нехай вороги не радуются».

Самостоятельность и даже произволъ жены въ отношеніи мужа выражаетъ слѣдующая пѣсня:

Сіявъ мужикъ гречку,
Жинка каже: «макъ».
—«Нехай сякъ, нехай такъ
Нехай буде зъ гречки макъ».
Сіявъ мужикъ жито,
Жинка каже: «гречка».

—«Не кажи ми ні словечка,
Нехай буде гречка».
Злапавъ мужикъ рибу,
Жинка каже: «ракъ»
—«Нехай сякъ, нехай такъ,
Нехай буде зъ рыбы ракъ».

Великорусской женѣ (?) не сошло бы съ рукъ такое своеволіе и самодурство. (?)

При всемъ томъ, холмянка горой стоитъ за мужа, когда ему случается поссориться или подраться съ «сосѣдомъ-ворогомъ». Она выбѣгаетъ на крикъ ссорящихся, вооруженная «коцюбой или ожухомъ», а порой только однимъ своимъ остренькимъ язычкомъ, да подыметъ дѣтей, чтобъ плакали и кричали пошире: «ратуйте, хто въ Бога віруе, тата забьютъ»! и такого надѣлаетъ переполоху, что обѣ враждебныя стороны предпочитаютъ перенести ссору или драку до болѣе удобнаго случая или совсѣмъ прекратить ее.

Отличаясь постоянствомъ и глубиною чувства, она, разъ кого нибудь полюбивши, на всю жизнь полюбила, и выйдя замужъ остается преданной своему мужу ровно и одинаково «до могилы»; въ болѣзни ухаживаетъ за нимъ какъ за ребенкомъ: сама ѣсть не будетъ, только бы доставить что нибудь лучшее больному мужу; въ несчастьи—утѣшаетъ и его и себя надеждой, что Господь Богъ «перемінить»; что же касается вѣрности супружеской, то идеалъ женскаго цѣломудрія стоитъ на недосягаемой высотѣ. Вотъ двѣ пѣсни, изображающія—одна постоянство чувства любящей дѣвушки, которой измѣнили, а другая—твердое, ничѣмъ непоколебимое сознаніе долга замужней женщины.

Digitized by Google

1) Тамъ у лозі, при дорозі
Теринъ розцвітае;
Сідить голубъ на дубочку
Голубка летае.
«Скажи мені, голубоньку,
Тай щирую правду:
Чи ти мене вірне любишъ,
Чи на яку здраду?
—«А я тебе вірне люблю,
Такъ якъ свою душу:
Черезъ лихи вороженьки
Покидати мушу».

И когда въ отвѣтъ на это дѣвушка убѣждаетъ своего «голубка» не слушать «ворогивъ», не покидать её, потому что разлука эта будетъ для нея слишкомъ тяжела, она не перенесетъ этой тяжести, невѣрный возлюбленный предлагаетъ слѣдующее средство:

—«Естъ у мене таке зилые
Близько перелазу,
Якъ дамъ тобі напитися—
Забудешъ одразу».
Покинутая отвѣчаетъ:
«Буду пити, буду пити
И крапли ні впущу,
Тоди хиба тя забуду.
Якъ оченьки зблющу;
Буду пити, буду пити
И крапли ні вроню,
Тоди хиба тя забуду,
Якъ рученьки згорну»...

Бываютъ, впрочемъ, дѣвушки и мстительны «дівкй злыя, чаривницы»; онѣ такъ прямо и сживаютъ со свѣта своихъ измѣнниковъ. На упрекъ своей матери:

Нащо ти «суко»,
Грицюня струила,—Дівка-чаривница
отвѣчаетъ:
«Ой мати, мати,
Жаль ваги не мае:
Нехъ-ся Грыцюнѣ
Ве двухъ не кохае;
Нехай не буде а ни ий, не мні,
Нехай наісцься сыреи земли».

Такъ какъ по преимуществу въ Холмскомъ краѣ женщины—«бѣлолицы, съ русою косою и сивима очыма», а чернобровыя и черноглазыя не во вкусѣ мѣстности, то почему-то имъ приписывается злость и чародѣйская сила: «котра дівчына чернобривая, той чаривница справедливая».

2) А вотъ и пѣсня, изображающая цѣломудріе замужней женщины:

«...Коли я на тебе гляну,
То ажъ во мні сердце вяне,
Якъ ти станешъ щебетати,
Я въ ночи ні могу спати».
—«Коли тобі сердце вяне—
Глянь на жинку—перестане;
Якъ въ ночи ні можешь спати,
Иди діти колисаты».
«Ты, Гандзюню, не чурайся;
И на Божу волю здайся;
Не уважай ні на кого,
Пригорнись до серця мого».
—«Чи ты здуривъ, чоловіче?!
Я свого мужа маю,
Я му въ церкви присягала
И присяги не зломаю».

Овдовѣвъ, даже самая молодая женщина предпочитаетъ оставаться вѣрной памяти своего покойнаго мужа, чѣмъ вновь выходить замужъ, какъ объ этомъ поетъ слѣдующая пѣсня:

«....Вилэтівъ орелъ зъ пидъ черной хмары,
Голуба вибивъ зъ милей пары;
Голубка плаче, жалобно гуде,
Що вже зъ миленькимъ жити не буде»,
Налэтіла стая голубей сватать вдовушку:
«Голубко красна, на що дуфаешь,
Чи на ту вроду, що красну маешь»?
«Щожъ мені съ того, що врода красна,
Колижъ бо моя доля несчастна».—
«Голубко красна, не вернешъ его (мужа),
Маешь насъ тысячъ—бери однòго».
«—Щобъ васъ тутъ було тисячи штири,—
Такого не буде, якъ бувъ мий милий».

Digitized by Google

Внѣбрачное сожительство въ тѣхъ формахъ, въ какихъ оно сплошь да рядомъ проявляется въ интеллигентномъ слоѣ общества, у крестьянъ, напротивъ, составляетъ явленіе аномальное, преслѣдуемое особливо женщинами, что свидѣтельствуетъ о той высокой нравственности, которою славится холмянка. Извѣстна открытая въ одномъ селѣ попытка этого рода. Преступниковъ потащили къ священнику и присудили ихъ стоять во время обѣдни въ «бабенцю» (притворѣ); входящіе и выходящіе изъ церкви обязаны были плевать въ лицо: мужчины «ему», а женщины «ей». Отличились, конечно, женщины немножечко строго... не по евангельски даже...

Духовная особенность холмянки—религіозность и набожность. Молитва и любовь къ Богу, вѣра, надежда весьма развиты; исполненіе заповѣдей по отношенію къ «святымъ днямъ», къ бѣднымъ, соблюденіе установленныхъ Церковью постовъ не ослабляется ни на іоту.

«Возставъ отъ сна», первымъ ея дѣломъ—крестное знаменіе и молитва: «давесь Боже, нычъ переночоваты, дай-же и день святый передиювате; нехай буде воля Твоя святая». Умывшись, она читаетъ утреннія молитвы, большею частью стоя на колѣняхъ, лицомъ къ образамъ, а затѣмъ уже, между дѣломъ, произноситъ массу разныхъ другихъ молитвъ. Безъ молитвы хозяйка куска хлѣба въ ротъ не возьметъ, не проглотитъ капли пищи, если случится пробовать ее во время варки: «якъ можно, щобы вперше о ідині думаты, ныжъ о Богу». Вечеромъ спать не ляжетъ, пока не помолится и не испроситъ у Бога благословенія: «давесь, Боже, день передиювати, дай же ще и ничку переночовати счастливе». Привязанность поэтому къ церкви, какъ духовной матери, весьма сильна. Въ каждомъ приходѣ есть «братство церковинос», радѣющее о благолѣпіи храма и религіозномъ соревнованіи прихожанъ. Братство это составляется изъ мужчинъ «братчиковъ», и женщинъ—«сестрицъ»; часто число сестрицъ превышаетъ число братчиковъ.—Такія же религіозныя чувства каждая мать вселяетъ и въ своихъ дѣтей; а такъ какъ по большей части дѣти теперь «письмéнныи», то она и дома заставляетъ ихъ читать св. евангеліе, молитвы. Въ церквахъ какъ мальчики такъ и дѣвочки поютъ хоромъ «службу Божую».

Съ религіозностью женщинъ тѣсно связана набожность холмскаго народа вообще. Въ благополучіи онъ не забывается своимъ счастьемъ, такъ какъ—«все въ рукахъ Божьихъ»: «ляжешь спаты богатымъ, а встанышъ убогимъ» (нищимъ). Исходя изъ этого воззрѣнія, даже самые счастливые обыкновенно молятся: «дякую Тоби, Боже, св. отець Мыкола, за Вашы дары прынайсвятійшыи, дайте счастливе спожитковаты». Точно также въ болѣзняхъ, во всякомъ горѣ-злосчастьи, «быди», Богъ—первое утѣшеніе упованіе и вся надежда, а особенно—«Божая Маты»: «о Пресвятійшая Божая Маты Холмськая, переміни-жъ Ты тую недолю»! молится народъ.—Извѣстна пѣсня Пресв. Богородицѣ: «Пречистая Дево-Маты русскаго краю».

Начало и конецъ всякаго дѣла сопровождаются молитвой: «Господы допоможи въ часъ добрый зачаты» и «Богу святому дяковаты за роботу, за все». Вообще, всѣ перемѣны въ жизни, всѣ земныя веселья, радости, напр. свадьбы, родины и др. начинаются молитвеннымъ обращеніемъ къ Божеству. Такъ напр., дѣвушка, выходя замужъ, проситъ у Бога въ пѣснѣ: ...«дай-же, Боже, женыха ведля меи мысли»... А въ самый разгаръ «весиля, пыятыки и танцю», въ самый разгаръ, такъ сказать земного довольства жизнью и счастья, когда забываются всѣ житейскія невзгоды и попеченія,—слова пѣсни:

«Дай-же, Боже, въ добрий часъ,
«Якъ у въ людей такъ и въ насъ.
Въ счастливую годину
Розвесѐлить родину»,—

покрываютъ и звукъ скрипокъ, и гудѣніе бубна, и шумныя ликованія пирующихъ. Способностью веселить «родыну» отличаются женщины, а потому и набожность всего народа, который веселится во имя, такъ сказать, Бога, воспѣвая подобныя пѣсни,—нужно приписать опять таки вліянію женщинъ.

Digitized by Google

Наряду съ духовными свойствами въ холмянкѣ вы находите избытокъ душевно-нравственныхъ силъ. Всѣ невзводы, всѣ бѣды, которыя приходится ей испытывать на вѣку, съ помощью Божіей она переноситъ безъ ропота, съ полной готовностью принять и дурное и доброе, съ покорностью волѣ Божіей, въ противоположность интеллигентной женщинѣ, которая въ подобныхъ превратностяхъ жизни представляетъ намъ примѣръ абсолютной несостоятельности своего существа: ропотъ, плачъ, истерики, упадокъ силъ и духа, и въ заключеніе полное отчаяніе—заурядныя явленія въ ея пустой жизни... Тамъ вы не услышите словъ: «давъ Бигъ зле, дасть и добре: на всеньке Кгò св. воля»...

Всѣмъ извѣстны *) пѣсни южно-русскаго народа, а особенно пѣсни женскія, отличающіяся силой поэтическою, живыми образами. Многія изъ нихъ составляютъ общее достояніе цѣлаго народа и поются на всемъ протяженіи окраины, а другія, не менѣе богатыя, принадлежатъ извѣстной мѣстности, въ томъ числѣ и Холмской Руси.

Отсюда слѣдуетъ, что русинка Холмскаго края обладаетъ не меньшей силой поэтическаго творчества, какъ и ея родная сестра южанка, въ чемъ убѣждаютъ насъ нѣкоторыя изъ приведенныхъ выше пѣсенъ.

По части «знахарства», т. е. собиранія лѣкарственныхъ травъ, «зілля», для врачеванія больнаго люда она не сдѣлала большихъ успѣховъ, тѣмъ не менѣе многіе недуги излѣчиваются мѣстными средствами безъ помощи «ученой медицины». Колдовство, или «чарованье» также не нашло для себя въ краѣ богатой почвы, благодаря просвѣщенію и религіозности. Между знахарками, или, по мѣстному названію, «бабками» весьма часто встрѣчаются искусныя бабки «повивальныя».

Отношенія къ холмянкѣ мужа и семьи, большею частью, весьма мягки, съ оттѣнкомъ любви и уваженія, какъ къ другу—покровителю; они выражаются больше дѣломъ, чѣмъ словами: мужъ, жалѣя слабыя подчасъ силы своей главной половины, на которую обязанности жены, матери и хозяйки возлагаютъ массу заботъ и работы,—по возможности облегчаетъ ея труды, подставляя, гдѣ нужно, свои выносливыя плечи. Также поступаютъ и всѣ дѣти. Значеніе и власть матери семейства весьма ярко характеризуются слѣдующими фактами. Она, во первыхъ, княжитъ и рядитъ домомъ, и всѣ чады и домочадцы съ отцомъ во главѣ состоятъ подъ ея началомъ; во вторыхъ, весь скарбъ домашній находится въ «скрыни», ключъ отъ которой у нея при «торочці», въ третьихъ, сельчане, говоря про чьихъ нибудь дѣтей, отличающихся молодечествомъ въ работѣ или многочисленностью, не называютъ: «Шмаровозовы дочки, сыновья Козолупа», а говорятъ: «Шмаровознишны дочки пшеницю вижали, Козолупишни сини уже лугъ стяли»; или: «Тапалаишцнои Гандзи чоловікъ пишовъ увже сіяти», а не просто: «вонъ сѣять пошелъ Скакунецъ»; «Ковтуниха знову шесть моргивъ земли купила»,—а не Ковтунъ.

Укажемъ на ту роль, которую пріобрѣла холмянка во внѣшней жизни своего общества, внѣ своего дома, внѣ своей семьи.

Мы говорили уже, что мужъ внѣ дома ничего не сдѣлаетъ безъ согласія своей жены. Слѣдовательно, эта жена появляется во всѣхъ сдѣлкахъ съ людьми постороннимн—торговцами, покупщиками, ремесленниками, т. е. съ тѣмъ обществомъ, съ которымъ крестьянинъ имѣетъ самыя частыя сношенія, а это само уже опредѣляетъ характеръ дѣятельности и авторитетъ ея въ общежитіи, внѣ дома. Далѣе, ни одна пирушка не затѣется безъ женской иниціативы. И на этихъ пирушкахъ (свадьба, крестины, поминки, новоселье) женщина занимаетъ первое мѣсто, она—душа всѣхъ затѣй, обычаевъ, обрядовъ.

Но этимъ не исчерпывается общественная жизнь и дѣятельность женщины. Она не только добилась уваженія къ себѣ на «веселомъ пиру» и въ разныхъ сношеніяхъ съ обществомъ въ интересахъ хозяйства, но и проникаетъ «въ канцелярію гмины»,

---

*) Приведенныя мною пѣсни записаны прямо со словъ крестьянокъ. Я не помню, заключаются ли какія нибудь изъ нихъ въ этихъ сборникахъ или нѣтъ.

Digitized by Google

въ дѣло общественнаго самоуправленія, т. е. добилась того, чего не могутъ добиться такъ называемыя «передовыя женщины» со всей своей эмансипированной идеей «женской равноправности». Такъ на гминныхъ сходахъ нерѣдко вмѣсто мужа появляется его жена,—представительница своей усадьбы, подающая голосъ «pro aut contra»; и голосъ ея составляетъ такую же единицу, какъ и другіе.

Между прочимъ, извѣстенъ слѣдующій примѣръ.

Въ одномъ селѣ (не далеко отъ Холма) сотскимъ выбранъ мужичекъ такъ себѣ. Говоря правду, выборъ сдѣланъ неудачно, но выручила своего мужа изъ бѣды его «достойная супруга». Она посѣщаетъ гминное управленіе, дѣлаетъ доклады, получаетъ приказанія, сообразно съ которыми потомъ и распоряжается во всемъ селѣ, точно у себя дома. Распоряженія эти, встрѣченныя, быть можетъ, вначалѣ и смѣхомъ, исполняются аккуратно, потому что «сотская» шутить не любитъ и ослушниковъ представляетъ войту для оштрафованія. И надо отдать полную справедливость «сотской»: съ тѣхъ поръ какъ она взяла бразды правленія въ свои руки, въ селѣ водворился бо̀льшій порядокъ и дисциплина, чѣмъ былъ при смѣнившемся сотскомъ—мужчинѣ.

Судейскія камеры также видятъ въ стѣнахъ своихъ женщинъ. Подавая частные иски и отвѣчая на нихъ за себя и за мужа, участвуя при случаѣ и въ дѣлѣ, касающемся всей «громады», женщины смѣлѣе своихъ мужей вступаютъ въ пренія съ судьею и лавниками, не хуже иного «брехунця-адуката», какъ называютъ онѣ представителя защиты,—соглашаются или не соглашаются, смотря по обстоятельствамъ,—съ рѣшеніями суда. Извѣстны въ краѣ недоразумѣнія между помѣщиками и громадами по надѣлу сервитутовъ (лѣсъ, выгонъ). Женщины наравнѣ съ мужчинами принимали участіе во всѣхъ дѣлахъ и безпорядкахъ по этому поводу...

К. Яроцкій.

Въ Императорское Русское Географическое Общество.

(Отдѣленіе этнографіи).

Прибывши на дняхъ изъ путешествія по Китаю, я спѣшу сообщить о себѣ слѣдующее.

За время съ 30 октября 1890 г. по 3 мая 1892 г. я совершилъ 4 поѣздки: 1) 30 октября 1890 г.—23 февраля 1891 г. я употребилъ на приведеніе въ порядокъ тѣхъ этнографическихъ матеріаловъ, которые значатся на страницѣ 62, въ «отчетѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1890 г.», подъ №№ 27, 29 и 31; 24 февраля 1891 г.,—12 мая 1891 г. я посвятилъ изслѣдованію нарѣчій Сартовъ и Киргизовъ Русскихъ и Китайскихъ, живущихъ въ восточной части Семирѣченской области (укрѣпленіе Бахты); 2) 13 мая 1891 г.—7 ноября 1891 г. я посвятилъ изслѣдованію нарѣчій Дзунгарскихъ Киргизовъ и Китайскихъ Сартовъ, живущихъ въ г. Чугучакѣ; 3) 8 ноября 1891 г.—7 марта 1892 года я посвятилъ изслѣдованію нарѣчія Хамійскихъ Сартовъ, подданныхъ цинь-вана Хамійскаго (князя первой степени); 4) 8 марта 1892 г.—3 мая 1892 года я посвятилъ изслѣдованію нарѣчія Турфанскихъ Сартовъ, непосредственно подчиненныхъ тину Турфанскаго приставства, и нарѣчія Логучѐнскихъ Сартовъ, подданныхъ цзюнь-вана Логучѐнскаго (князя второй степени). Эти 4 поѣздки въ сравненіи съ поѣздками предъидущихъ 1888—1889 гг. были весьма плодотворны, какъ по изслѣдованію неизвѣстныхъ доселѣ тюркскихъ нарѣчій провинціи Гань-су-синь-цзянь, такъ и по изслѣдованію обычаевъ тюркскихъ племенъ этой провинціи. Кромѣ этого собранія памятниковъ народнаго творчества тюркскихъ племенъ, обитающихъ въ Дзунгаріи и Гань-су-синь-цзянь, я занимался также составленіемъ коллекцій денежныхъ знаковъ: бумаж-

Digitized by Google

ныхъ, серебряныхъ и мѣдныхъ, обращающихся въ указанныхъ 2 областяхъ и Или. Откладывая представленіе собранныхъ мною матеріаловъ до болѣе благопріятнаго времени, имѣю перечислить въ этомъ письмѣ только тѣ пути, какими я ѣхалъ до Хами и обратно до Кульджи, и тѣ результаты своихъ изслѣдованій, къ которымъ я пришелъ за 18 мѣсяцевъ путешествія по Китаю. Всѣ 4 поѣздки я совершилъ на 2 русскихъ телѣгахъ, на 4 коняхъ и съ 2 слугами, кромѣ ямщиковъ, временно нанимавшихся, и провожатыхъ солдатъ, назначавшихся ко мнѣ Китайскими властями. Съ 30 октябр 1890 г. по 23 февраля 1891 года я занимался въ укрѣпленіи Бахты Семирѣч. обл. приведеніемъ въ порядокъ прежнихъ работъ, съ 24 февраля 1891 года по 12 мая того-же года я жилъ въ томъ же укрѣпленіи Бахты, а 13 мая переселился въ г. Чугучакъ, гдѣ я прожилъ вплоть до 7 ноября, ожидая изъ Пекина охранной грамоты, вмѣсто которой я получилъ только билетъ за подписью нашего консула въ Кульджѣ В. М. Успенскаго и Илійско-Тарбагатайскаго дао-тая Ина. Ожидая Пекинскую грамоту, я занялся въ Чугучакѣ изученіемъ Киргизскаго и Сартскаго нарѣчій. 8 ноября 91 г. я покинулъ г. Чугучакъ и черезъ гг. Дурбульджинъ, Куръ-Кара-Усу, Манасъ, Урумчи, Гученъ и хребетъ Тянь-шань (перевалъ Гоу-ченъ-дабанъ) проѣхалъ въ г. Хами, гдѣ прожилъ вплоть до 7 марта 92 г. Въ г. Хами и на сѣв.-вост. отъ него я изучалъ Сартскія нарѣчія. 8 марта 1892 г. я по Нань-лу, южному Императорскому тракту, отправился въ г. Турфанъ черезъ г. Пичанъ. Въ Турфанѣ я встрѣтилъ какъ Турфанскихъ, такъ и Логучёнскихъ Сартовъ, нарѣчія которыхъ я и изслѣдовалъ. Покинувшя Турфанъ, я направился въ обратный путь въ Россію черезъ г. Кульджу, куда и прибылъ 3 мая с. г. Охранная Пекинская бумага вручена мнѣ Китайцами въ г. Турфанѣ только 20 марта с. г., когда я уже былъ на обратномъ пути въ Россію. Дневникъ путешествія въ Тарбагатайскій, Хамійскій и Турфанскій округа, со включеніемъ въ него всѣхъ памятниковъ народнаго творчества, переданныхъ на рус. яз. въ точномъ переводѣ, со включеніемъ описанія коллекцій денежн. знаковъ и съ приложеніемъ фотографическихъ снимковъ типовъ и рисунковъ предметовъ домашняго обихода, требуетъ для приведенія въ порядокъ времени не менѣе года, вслѣдствіе чего всѣ мои обширныя собранія будутъ представлены Отдѣленію, по приведеніи въ порядокъ, черезъ 3—4 мѣсяца (часть I). Собрано мною:

1) Сказокъ: Хамійскихъ Сартовъ 38, Логучёнскихъ С, 71, Турфанскихъ С. 8, Кашгарскихъ С. 1, Аксуйскихъ С. 2. Всѣхъ сказокъ собрано 120.

2) Разсказовъ: Киргизскихъ 4, Хамійскихъ 46, Логучёнскихъ 34, Кашгарскихъ 2, Аксуйскихъ 1 и Турфанскихъ 3. Разсказы эти повѣствуютъ о нижеслѣдующихъ предметахъ: объ излѣченіи бѣшенства и сумасшествія (Кирг.); о дняхъ, когда можно брить голову; о дняхъ, когда можно ходить въ баню; о вечеркахъ; о дняхъ, когда можно переселяться изъ дома въ домъ; когда можно кроить одежду и обувь; о Хамійскомъ цинь-ванѣ и его предкахъ; когда можно надѣвать новое платье; въ какіе дни можно стирать бѣлье; значеніе 12 лѣтъ Китайскаго счисленія для человѣка, животныхъ и растеній; причина и послѣдствіе затмѣнія солнца и луны; въ какіе дни можно отправляться въ дорогу; причина и значеніе землетрясенія; значеніе звона въ ушахъ; въ какіе дни можно стричь ногти и волосы; причина и значеніе грома и молніи, о дѣятельности русскихъ купцовъ Тюстина и Соболева въ Хами; 8 эпизодовъ изъ Дунганской войны въ Хами; о податяхъ и повинностяхъ подданныхъ цинь-вана Хамійскаго; о болѣзняхъ мужскихъ и женскихъ; о могилахъ Хамійскихъ святыхъ; о борьбѣ Іисуса Христа съ антихристомъ на страшномъ судѣ; о Сартскихъ чиновникахъ въ Хами; объ одеждѣ вана и его чиновниковъ (всѣ эти разсказы записаны со словъ Хамійскихъ Сартовъ); объ Якубъ—бекѣ Кашгарскомъ и его сыновьяхъ; объ основываніи; о святомъ Сейдъ—Ваккасѣ; о Турфанскихъ у св. юношахъ; о Логучёнскомъ цзюнь-ванѣ; о покореніи Вост. Туркестана Якубъ-бекомъ и о побѣдахъ Якубъ-бека надъ Ханъ-ходжа-Рашидиномъ, Исхакъ-ходжа и Айдинъ-ходжа; объ остроуміи ежа; о Дунганской войнѣ въ Кашгаріи; о болѣзняхъ мужскихъ и женскихъ; о фруктахъ Логучёнскихъ; о Китайскихъ пыткахъ; о животныхъ Логучёнскихъ; о проституткахъ Ло-

Digitized by Google

гучёнскихъ и ихъ болѣзняхъ; о мѣдныхъ монетахъ; объ одеждѣ Турфанскихъ и Логучёнскихъ Сартовъ; о Лобъ-норскихъ обитателяхъ; о Китайскихъ тюрьмахъ; о башмакахъ, оставляемыхъ начальникомъ города на память при переѣздѣ въ другое мѣсто службы; о встрѣчѣ царской бумаги чиновниками; о пантерѣ; о Сартахъ, какъ солдатахъ; о промыслахъ Лобъ-норскихъ обитателей; о Китайцахъ, какъ солдатахъ; о пищѣ Китайской и Сартской; о Логучёнскомъ ванѣ и его семьѣ; о поборахъ Китайцевъ (эти разсказы записаны со словъ Логучёнскихъ Сартовъ); объ Якубъ-бекѣ и его правосудіи (Кашгар.); о Мамутъ-ханѣ, соправителѣ Якубъ-бека (Аксу); о саранчѣ; объ Якубъ-бекѣ и его войнахъ съ Дунганами (Турфан.). Всѣхъ разсказовъ записано 90.

3) Пѣсенъ веселія (четверостишій). Киргиз. 44, Аксу. 5, Маргелан. 4, Турфан. 83, Хамійскихъ 235, Кашгар. 20, Логучён. 72 и Байскихъ 74. Изъ этого рода пѣсенъ замѣчательны слѣдующія пѣсни: о порчѣ нравовъ (Турф.); о Соломонѣ (Турф.); пѣсни, распѣваемыя на вечеринкахъ (Хами); о плѣшивыхъ (Хами); о герояхъ Дунганской войны (Хами); о Мамутъ-ханѣ (Хами); пѣсни свадебныя (Хами); пѣсни о непосѣщающихъ мечети; о паршивыхъ (Хами); пѣсни, распѣваемыя въ Рамазанъ (Кашг.); объ Якубъ-бекѣ (Логучён.); объ Іисусѣ Христѣ и дѣвѣ Маріи (Турфан.); о Дунган. войнѣ (Бай). Всѣхъ четверостишій записано 537.

4) Пѣсенъ скорби (четверостишій): Киргиз. 133, Самарканд. Сартовъ 3, Турфан. 17. Изъ этого рода пѣсенъ особенно замѣчательны причитанія по покойникѣ (Кирг.) и пѣсни о саранчѣ (Турф.). Всего 153.

5) Толкованій сновъ: Хамійскихъ Сартовъ 809 и Логучёнскихъ 107. Всего записано 916 толкованій.

6) Обычаевъ: Киргиз. 1, Хамійскихъ 107, Логучёнскихъ 63. Особенно замѣчательно слѣдующее: погребеніе умершихъ (Кирг.); изгнаніе духовъ изъ бѣсноватаго (Хами); свадебные обряды (Хами); погребеніе умершихъ у богатыхъ и бѣдныхъ (Хами); стихи, распѣваемые въ Рамазанъ (Хами, Логучён.); стихи, распѣваемые въ Барать (Хами, Логучён.); лѣченіе простуды каленымъ желѣзомъ (Хами); обыденныя занятія Хамійцевъ; нареченіе имени младенцу (Логучён.); обрѣзаніе (Лочуч.); стихи въ день Новаго Года (Логуч.); свадьба (Логуч.); вечеринки и званые обѣды (Логуч.); стихи въ праздникъ Сафаръ (Логуч.); исцѣленіе бѣсноватыхъ (Логуч.); хорошіе дни, когда можно выѣхать въ дорогу (Логуч.); празднество по случаю выпаденія перваго снѣга (Логуч., Хами); свадьба у жителей селенія Кара-тѣбэ (Хами); поздравленія по случаю брака (Хами). Всего записано 171 обычай.

7) Біографій: Хамійскихъ Сартовъ 1, Турфан. 1 и Кирг. 2. Всего записано 4 біографіи.

8) Пословицъ: Киргиз. 390, Хамійскихъ 121 и Логучён. 126. Всего записано 637 пословицъ.

9) Вѣрованій, повѣрій: Кирг. 11, Хамійскихъ 18, Турфан. 13 и Логучён. 27. Всего записано 69 повѣрій.

10) Выпрашиваніе подаяній нищими и юродивыми: Логучён. 1, Хамійскихъ 10 и Турфан. 52. Всего 63 четверостишія.

11) Загадокъ: Логучён. 11 и Хамійскихъ 27. Всего загадокъ записано 38.

12) Описаній путей, селеній и городовъ. Логучён. 5 статей.

13) Клятвъ: Логуч. 6

14) Благословеній: Байскихъ 1 и Логуч. 2. Всего 3 статьи.

15) Проклятій: Логуч. 1 и Хамійскихъ 2. Всего 3 статьи.

16) Гаданій (по бараньей лопаткѣ, на горошинахъ и по Корану): Логуч. 34.

17) Прибаутокъ и прозвищъ: Хамійск. 1 и Логучён. 8. Всего 9 статей.

18) Изреченій древнихъ мудрецовъ: Хамійскихъ Сартовъ 186 статей. Изъ этихъ изреченій особенно замѣчательны тѣ, которыя повѣствуютъ о злой женѣ, неразумныхъ дѣтяхъ, жизни праведниковъ на 7 слояхъ неба и жизни грѣшниковъ подъ 7 слоями земли. Изреченія эти часто излагаются въ формѣ діалоговъ.

19) Собственныя имена мужскія и женскія: Хамійскихъ Сартовъ 2, Пичанскихъ 2. Всего 4 статьи именъ.

Digitized by Google

20) Объявленій на Сартскихъ нарѣчіяхъ: Логучёнъ. 6 (отъ чиновниковъ Китайскихъ) и 1 (отъ врача Китайскаго).

21) Выписокъ изъ медицинскихъ книгъ на Сартскихъ нарѣчіяхъ: Логучёнъ. 6 статей.

Изъ коллекцій, мною составленныхъ, я могу указать на слѣдующія:

1) Коллекцію фотографій типовъ Кàчинцевъ, Сагайцевъ, Бельтировъ, Карагасовъ, Киргизовъ, Сартовъ, Китайцевъ и Манжуровъ; 2) коллекцію рисунковъ на одеждѣ, обуви и др. предметахъ домашняго обихода обитателей Хамійскаго оазиса; 3) коллекцію облигацій, выпущенныхъ частными фирмами и правительственными учрежденіями Тарбагатая, Куръ-Кара-Усу, Урумчи и Хами; 4) коллекцію Китайскихъ серебряныхъ гривенниковъ, чеканенныхъ въ Хотанѣ, Яркендѣ, Янги-гисарѣ, Кашгарѣ и Аксу; 5) коллекцію мѣдныхъ монетъ (желтыхъ и красныхъ), вращающихся въ гг. В. Туркестана, Или, Тарбагатая и Синь-цзяня. Подробное описаніе этихъ 5 коллекцій будетъ включено въ дневникъ путешествія по Китаю. Фотографическіе снимки пріобрѣтены у Д. Ѳ. Долинина въ г. Минусинскѣ, Ф. Д. Бачанскаго въ г. Нижнеудинскѣ и И. Ф. Толшина въ г. Семипалатинскѣ. Рисунки воспроизведены частью мною самимъ и частью мѣстными художниками Хами и Логучёна. Облигаціи и монеты Китайскія прочитаны мнѣ въ Хами, Турфанѣ и Урумчи самими Китайцами. Кромѣ этихъ сниковъ имѣются у меня и снимки съ Китайскихъ надписей на камняхъ, прочитанные также Китайцами; содержаніе надписей также будетъ включено въ точномъ русскомъ переводѣ въ дневникъ путешествія, какъ и самые тексты памятниковъ народнаго творчества изслѣдованныхъ мною племенъ С. З. Китая. Тексты написаны арабскою транскрипціею и точною русскою, принятою въ изданіяхъ Императорской Академіи Наукъ. Грамматическія особенности изслѣдованныхъ мною 4 тюркскихъ нарѣчій С. З. Китая, стихосложеніе въ этихъ нарѣчіяхъ и фонетика изслѣдованы мною со всѣми мельчайшими подробностями.

Размѣръ стиховъ у Кáчинцевъ, Сагайцевъ, Бельтировъ, Карагасовъ и Урянхайцевъ совершенно одинаковъ съ размѣромъ стиховъ Хамійскихъ, Турфанскихъ, Логучёнскихъ, Байскихъ, Аксуйскихъ и Кашгарскихъ Сартовъ и съ размѣромъ Киргизскихъ причитаній по покойникѣ, именно: каждое полустишіе куплета состоитъ изъ двойнаго ямба ($\smile \underline{|} \smile \underline{|}$), переходящаго по отсѣченіи перваго слога въ амфимакръ и по отсѣченіи послѣдняго въ амфибрахій. Риѳмуютъ обыкновенно первая, вторая и четвертая строка четверостишія, или только вторая и четвертая. Изъ печатныхъ книгъ въ Турфанѣ, Пичанѣ и Хами я встрѣтилъ только Коранъ на араб. яз. и нѣсколько религіознаго содержанія книжекъ на нарѣчіи Казанскихъ Татаръ. Эти книжки завозятся черезъ Бійскъ, а Коранъ—черезъ Семипалатинскъ и Чугучакъ. Народная литература заключается въ рукописныхъ книгахъ на мѣстномъ языкѣ, устныхъ разсказахъ и рукописныхъ переводахъ съ Арабскаго яз. (объ адѣ и раѣ), Персидскаго (о томъ-же и гаданіи, затѣмъ сказки) и Китайскаго (сказки и разсказы). Въ нарѣчіи Киргизовъ Дзунгаріи я встрѣтилъ Китайскихъ словъ очень мало, въ нарѣчіяхъ Турфанскихъ, Логучёнскихъ, Байскихъ и Кашгарскихъ Сартовъ китайскихъ словъ нѣсколько больше, а у Хамійскихъ Сартовъ китайскихъ словъ масса, монгольскихъ-же немного; арабскія и персидскія слова встрѣчаются во всѣхъ этихъ нарѣчіяхъ одинаково, попадаются даже русскія слова, вошедшія съ предметами торговли, какъ напр. сѣринка, подносъ и др.

Катановъ.

Digitized by Google

„ЖИВАЯ СТАРИНА“,

періодическое изданіе Этнографическаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества третій годъ свой начнетъ съ конца Января 1893 г. и будетъ выходить четыре раза въ годъ книжками отъ 7—8 до 9—10 листовъ прежняго формата въ большую 8-ку.

Подписная цѣна за четыре выпуска въ годъ: въ С.-Петербургѣ (съ доставкою)—5 р., въ другіе города Имперіи—5 р. 50 к. и за границу—6 р.

Подписка принимается въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ, въ редакціи „Живой Старины“ (СПБ. у Чернышева моста) и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ НА ГАЗЕТУ

ФЕЛЬДШЕРЪ,

ПОСВЯЩЕННУЮ ВСѢМЪ ОТРАСЛЯМЪ МЕДИЦИНЫ, ГИГІЕНЫ И ВОПРОСАМЪ ФЕЛЬДШЕРСКАГО БЫТА.

ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Газета «ФЕЛЬДШЕРЪ» выходитъ въ С.-Петербургѣ, *два раза въ мѣсяцъ*, въ объемѣ 1—1½ листа, по слѣдующей программѣ:

I. Самостоятельныя и переводныя статьи медицинскаго содержанія въ доступномъ пониманію фельдшеровъ изложеніи: о сущности, предупрежденіи и лѣченіи болѣзней, объ уходѣ за больными и о помощи въ несчастныхъ случаяхъ.

II. Общедоступныя статьи по общей и частной гигіенѣ и о простѣйшихъ способахъ распознаванія фальсификаціи пищевыхъ продуктовъ.

III. Статьи и корреспонденціи объ образованіи, бытовыхъ условіяхъ и дѣятельности фельдшеровъ.

IV. Мелкія извѣстія, рефераты и рецензіи книгъ, въ предѣлахъ программы журнала.

V. Отвѣты редакціи и объявленія.

Въ 1893 году газета «ФЕЛЬДШЕРЪ» будетъ выходить въ тѣ-же сроки, подъ тою-же редакціею, при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ и по той-же программѣ, какъ и въ прошедшіе годы.

Подписная цѣна за годъ съ пересылкою **ТРИ** руб. Допускается разсрочка по третямъ года. Можно требовать присылки газеты съ наложеннымъ платежемъ, но за послѣдній нужно платить 20 к. особо.

Съ требованіями обращаться на имя редактора-издателя газеты «ФЕЛЬДШЕРЪ»: С.-Петербургъ, Васильевскій Островъ, 4-я линія, 9.

Редакція проситъ не ссылаться на старый адресъ, но присылать новый, четко написанный, или-же подлинный старый адресъ.

Редакторъ-издатель **Б. А. Оксъ.**

Digitized by Google

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА НОВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ПОЖАРНЫЙ

ВѢСТНИКЪ ПОЖАРНАГО ДѢЛА ВЪ РОССІИ.

Журналъ выходитъ безъ предварительной цензуры съ 1-го марта 1892 г. два раза въ мѣсяцъ, книжками до трехъ печатныхъ листовъ, въ иллюстрированной обложкѣ и представляетъ собою первое въ Россіи изданіе, посвященное пожарному дѣлу, задавшееся цѣлью знакомить публику съ современнымъ состояніемъ и техникою пожарнаго дѣла, новѣйшими усовершенствованіями и улучшеніями въ немъ, какъ въ Россіи, такъ и въ Западной Европѣ и Америкѣ. Благодаря своей обширной программѣ «ПОЖАРНЫЙ» поставилъ себѣ задачею удовлетворять запросамъ и требованіямъ, предъявляемымъ какъ со стороны городскихъ самоуправленій и земствъ, такъ и городскихъ частныхъ и вольныхъ пожарныхъ командъ—въ особенности послѣднихъ, возникновеніе которыхъ въ различныхъ мѣстахъ нашего отечества нельзя не отмѣтить, какъ отрадный и достойный подражанія фактъ.

Для болѣе успѣшнаго осуществленія поставленной журналомъ задачи, Редакція «ПОЖАРНАГО» позволяетъ себѣ обратиться съ просьбой къ лицамъ и учрежденіямъ, близко стоящимъ къ пожарному дѣлу, къ городскимъ управленіямъ, земскимъ губернскимъ и уѣзднымъ управамъ, страховымъ обществамъ и ихъ провинціальнымъ агентамъ, пожарнымъ обществамъ и командамъ не отказать доставленіемъ свѣдѣній о настоящемъ состояніи и организаціи пожарнаго дѣла въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, а также селахъ и деревняхъ, и о тѣхъ усовершенствованіяхъ, какія вводятся и введены въ томъ или другомъ городѣ въ отношеніи огнегасительныхъ и предохранительныхъ отъ пожаровъ средствъ. Редакція проситъ формой изложенія—будетъ ли то статья или корреспонденція—не стѣсняться. Пусть каждый скажетъ свое слово. Литературную разработку матеріаловъ редакція принимаетъ на себя.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Оффиціальныя постановленія и распоряженія; 2) Свѣдѣнія о состояніи пожарнаго дѣла въ Россіи и за границей; 3) Важнѣйшія открытія и усовершенствованія въ пожарномъ дѣлѣ; 4) Хроника; 5) Корреспонденціи; 6) Фельетонъ; 7) По Россіи; 8) Біографіи дѣятелей по пожарному дѣлу; 9) Библіографія; 10) Статистика; 11) Вопросы и отвѣты; 12) Объявленія.

Всего выйдетъ за 10 мѣсяцевъ съ 1-го марта 1892 г. по 1-е января 1893 г. **двадцать** книжекъ.

Подписная цѣна съ доставкою и пересылкою: За **12** мѣсяцевъ **6 р.**; за **6** мѣсяцевъ **3 р.**

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

На одинъ разъ: цѣлая страница — **40** руб; ½ страницы — **25** руб ¼ страницы— **15** руб.; помѣщеніе объявленій болѣе одного раза—по соглашенію съ конторою (Шпалерная 18).

Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ журнала:

С.-Петербургъ. Шпалерная, д. 18.

Телефонъ **№ 1230.**

Digitized by Google

Содержаніе 4-хъ вышедшихъ въ свѣтъ номеровъ «ПОЖАРНАГО».

Въ 1, 2, 3 и 4 №№ «Пожарнаго» помѣщены слѣдующіе очерки и статьи 1) По поводу Одесскихъ пожаровъ. 2) Фрегатъ въ огнѣ. А. Чернаго. 3) Біографіи: А. П. Паскина, С.-Петербургскаго брантъ-маіора, и Кн. А. Д. Львова, владѣльца пожарной команды въ Стрѣльнѣ. 4) Два слова о пожарномъ дѣлѣ, гр. А. Д. Шереметева. 5) Желѣзнодорожные пожарные поѣзда. 6) Пожары въ селеніяхъ. Н. Снѣссарева, 7) Пожарное дѣло въ провинціи. Г. А. 8) Новые Московскіе ряды въ противопожарномъ отношеніи. 9) Пожарное дѣло въ земствахъ. В. Гулевича. 10) Французы о европейскихъ пожарныхъ командахъ. 11) Пожарное дѣло въ нашихъ провинціальныхъ городахъ. А. Меца. 12) Пожары въ театрахъ и противопожарныя мѣры, принятыя въ Мюнхенскихъ театрахъ. 13) Пожары въ Японіи. 14) Паровые пожарные насосы, ихъ появленіе и дальнѣйшія усовершенствованія. Инж. Г. Дица.

Редакція открыта для объясненій и личныхъ переговоровъ по Вторникамъ и Четвергамъ, утромъ отъ 10—12 час.

Статьи, посылаемыя для напечатанія въ иллюстрированномъ журналѣ «ПОЖАРНЫЙ», должны быть за полною подписью ихъ авторовъ и съ указаніемъ ихъ мѣстожительства. (По желанію авторовъ, статьи могутъ быть напечатаны и безъ подписей: подъ иниціалами ихъ имени и фамиліи или подъ псевдонимами). Принятыя для напечатанія статьи, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію. Анонимныя статьи, письма и заявленія Редакція оставляетъ безъ вниманія.

Статьи — безъ указанія желаемаго за нихъ авторомъ вознагражденія — считаются безплатными. Возвращеніе статей по почтѣ Редакція принимаетъ на себя только въ томъ случаѣ, когда на ихъ пересылку будетъ прислано соотвѣтствующее число почтовыхъ марокъ.

Мелкія статьи и замѣтки, не напечатанныя почему-либо въ «Пожарномъ», не возвращаются.

Издатель-Редакторъ **Гр. А. Д. Шереметевъ**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1893 ГОДЪ

НА ТРЕХЪ-МѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ПАНТЕОНЪ ЛИТЕРАТУРЫ

(ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Журналъ «ПАНТЕОНЪ ЛИТЕРАТУРЫ» имѣетъ цѣлью — знакомить русскую читающую публику съ произведеніями міровыхъ геніевъ всѣхъ временъ и народовъ и, кромѣ того, научнымъ образомъ разрабатывать историко-литературные вопросы. Преслѣдуя указанную цѣль, редакція журнала «Пантеонъ Литературы», за 5 лѣтъ его существованія, напечатала слѣдующія произведенія отечественныхъ и иностранныхъ писателей:

1) Поэмы Оссіана, въ переводѣ Е. В. Балабановой: 2) Тристрамъ Шенди, соч. Лоренца Стерна; 3) Калевала, въ пер. Л. П. Бѣльскаго (удост. преміей Академіи Наукъ); 4) Пѣснь о Нибелунгахъ, въ пер. М. И. Кудряшева (удост. преміей Академіей Наукъ); 5) Теофрастъ, Характеристики; 6) Лукіанъ, Сочиненія; 7) Дж. Леопарди, Разговоры; 8) Георгъ Брандесъ, Новыя вѣянія: Байронъ и его произведенія; 9) Славяно-

Digitized by Google

Романскія повѣсти, ст. А. Н. Веселовскаго; 10) К. Н. Батюшковъ, какъ поэтъ, ст. Л. Н. Майкова; 11) Поля Бурже, Очерки современной психологіи; 12) Бомарше, Трилогія, съ характеристикой А. Н. Веселовскаго; 13) Медея, Еврепида, трагедія; 14) Сюлли-Прюдомъ, Геркулесъ, поэма; 15) Педагогическіх теоріи эпохи возрожденія, ст. И. И. Стороженко; 16) Баянъ, Сборникъ произведеній современныхъ славянскихъ поэтовъ, въ пер. Уманова-Каплуновскаго; 17) Очеркъ исторіи книги, публ. лекціи А. И. Кирпичникова. 18) Бл. Паскаль, Мысли; 19) Критическіе опыты Вал. Н. Майкова; 20) А. К. Шеллеръ (Михайловъ), ст. Ор. Ѳ. Миллера; 21) Бьернстернъ-Бьернсонъ, комедія; 22) М. Гюйо, Современная эстетика; 23) Литературная исторія Донъ-Жуана, соч. Е. Г. Брауна; 24) Радости жизни, соч. Дж. Леббока, съ предисловіемъ автора къ русскому изданію; 25) Ж. Ж. Руссо, сочиненія; 26) Ленау, Фаустъ, поэма; 27) Монтэнь, Опыты; 28) Монтескье, Персидскія письма; 29) Сочиненія В. П. Боткина; 30) Стихотворенія Р. Гюго, А. Мюссе, Леконтъ де-Лиль, К. Делавинъ, Петрарки (сонеты), Лонгфелло, Теннисона, Мильтона, Шелли и проч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ И ДОСТАВКОЮ:

За годъ . . . . . 6 руб.
» полгода . . . . . 3 »
» границу за годъ . . . . . 8 »

Редакція и главная контора, въ С.-Петербургѣ, Николаевская, 16.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

СЕМЕЙНАЯ БИБЛІОТЕКА

(4-й годъ изданія).

Журналъ «СЕМЕЙНАЯ БИБЛІОТЕКА», издаваемый редакціею «Пантеона Литературы», имѣетъ цѣлью дать самой небогатой семьи возможность за ничтожную плату составить себѣ библіотеку изъ произведеній избранныхъ писателей. Каждая книжка содержитъ въ себѣ, по возможности, законченное произведеніе.

Въ вышедшихъ книгахъ между прочимъ помѣщены: Г. П. Данилевскаго, Потемкинъ на Дунаѣ, истор. ром.; Ѳ. М. Толстого, Болѣзни воли, ром.; К. П. Батюшкова, Стихи; С. С. Смирновой, Огонекъ, романъ; Е. Сальяновой, Законный исходъ, повѣсть; М. А Филиппова, историч. разсказы; Вас. Нарѣжнаго, Два Ивана, пов.; И. И. Козлова, полное собр. стихотвореній съ біографіей; Искандера, Кто виноватъ? ром.; Шатобріана, Атала и Мученики христіанства; Шамиссо, Чудесная исторія; Я. Н. Бутковскаго, Народныя сказки (въ стихахъ); Виктора Гюго, Послѣдній день приговореннаго къ смерти, Шіонъ и 93-й годъ; А. Марлинскаго, Амалатъ Бекъ; Габихта; Сила предразсудка, истор. романъ гр. Л. Н. Толстаго, Смерть Ивана Ильича; полное собраніе стих. А. В. Кольцова съ біографіей и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: за годъ 2 руб., за полгода 1 руб.; за границу за годъ 4 руб.

Digitized by Google

XXV г. изд. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** XXV г. изд.

на 1893 годъ

на иллюстрированный журналъ для дѣтей школьнаго возраста

ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ

съ приложеніемъ „Педагогическаго Листка“

ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ И ВОСПИТАТЕЛЕЙ.

Въ 1893 году «ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ» вступаетъ въ 25-й годъ своего существованія.

«ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ» одобрено Учебнымъ Комитетомъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по Учрежденіямъ Императрицы Маріи, Главнымъ Управленіемъ Военно-учебныхъ заведеній включено въ каталогъ книгъ для чтенія воспитанникамъ кадетскихъ корпусовъ, 1891 г. допущено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

Съ 1892 года «ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ» издается подъ новой редакціей. Редакція ставитъ себѣ задачей придерживаться программы лучшей поры существованія журнала «ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ».

Въ совѣщаніяхъ редакціи принимаютъ близкое участіе А. Н. Острогорскій и В. П. Острогорскій.

При журналѣ «ДѢТСКОЕ ЧТЕНІЕ» издается «Педагогическій листокъ», выходящій четыре раза въ годъ отдѣльными книжками отъ 3 до 5 печатныхъ листовъ. Большая часть статей «Педагогическаго листка» будетъ посвящена домашнему воспитанію, элементарному обученію и разработкѣ вопросовъ о чтеніи дѣтей.

Съ 1893 года въ «Педагогическомъ листкѣ» будетъ издаваться періодическій указатель вновь выходящихъ дѣтскихъ и учебныхъ книгъ; въ указателѣ будутъ помѣщаться краткое описаніе и разборъ по возможности всѣхъ вновь выходящихъ книгъ для дѣтей и юношества, учебниковъ, руководствъ и пособій для родителей, воспитателей и учителей.

Кромѣ того, въ концѣ года въ «Педагогическомъ листкѣ» будетъ помѣщаться рекомендательный каталогъ книгъ для дѣтей и юношества, какъ вышедшихъ въ теченіе года, такъ и ранѣе изданныхъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . .	**5 р.**	Съ доставкою въ СПБ. и пересылкою во всѣ гг. Россіи.	**6 р.**	За границу	**8 р.**

На полгода—3 руб.; на четверть года—1 руб. 50 коп.; на девять мѣсяцевъ—4 руб. 50 коп.

Допускается разсрочка по третямъ и полугодіямъ.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи: С.-Петербургъ, Разъѣзжая ул., д. № 3, кв. 12, въ отдѣленіяхъ конторы: книжныхъ магазинахъ Карбасникова, Фену и К° (Невскій пр., № 40), а также во всѣхъ другихъ столичныхъ книжныхъ магазинахъ, а въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Н. Печковской.

Издатель *Я. В. Борисовъ.*
Редакторъ *П. В. Голяховскій.*

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1893 годъ

НА

Дѣтскій Иллюстрированный Журналъ

„ИГРУШЕЧКА"

XIV ГОДЪ

ДЛЯ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА.

Подъ редакціей *А. Н. Тюфляевой-Толивъровой.*

Журналъ «ИГРУШЕЧКА» допущенъ Учебнымъ Комитетомъ въ Святѣйшемъ Синодѣ къ пріобрѣтенію въ библіотеки мужскихъ духовныхъ и женскихъ епархіальныхъ училищъ, Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ ученическія библіотеки младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и Комитетомъ Собственной Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи.

«ИГРУШЕЧКА», вступая въ четырнадцатый годъ изданія будетъ выходить по прежней программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ и сотрудницъ. Цѣль изданія — посредствомъ многосторонннхъ знаній вліять на развитіе сердечной теплоты, религіознаго и эстетическаго чувства и любви ко всему видимому міру, пробуждать сознаніе нравственнаго долга, необходимости труда, важности самодѣятельности.

Въ «ИГРУШЕЧКѢ» помѣщаются статьи научнаго содержанія изъ жизни и природы, статьи по исторіи, повѣсти и разсказы оригинальные и переводные, путешествія, стихотворенія, сказки и описанія ремеслъ. Статьи иллюстрируются соотвѣтственными рисунками.

Въ журналѣ кромѣ вышеупомянутыхъ статей помѣщаются разсказы на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ съ подстрочнымъ русскимъ переводомъ.

Независимо отъ рисунковъ въ текстѣ, чтобы способствовать развитію въ дѣтяхъ чувства изящнаго, въ журналѣ помѣщаются на отдѣльныхъ листахъ, подъ названіемъ «КАРТИННАЯ ГАЛЛЕРЕЯ ИГРУШЕЧКИ», снимки съ картинъ лучшихъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

Редакція журнала «ИГРУШЕЧКА», стремясь постоянно улучшать и расширять свой журналъ, рѣшила съ будущаго 1893 года давать 2 раза въ годъ безплатное приложеніе, которое будетъ состоять изъ двухъ небольшихъ томиковъ, заключающихъ каждый цѣльное сочиненіе по различнымъ отдѣламъ знанія и бедлетристики оригинальной и нереводной. Каждая книжечка будетъ иллюстрирована многими рисунками. Кромѣ двухъ премій, чтобы знакомить маленькихъ читателей съ русской исторіей, съ наиболѣе выдающимися событіями и дѣятелями, редакція даетъ рядъ снимковъ съ памятниковъ, воздвигнутыхъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи для увѣковѣченія наиболѣе крупныхъ событій русской исторіи и главныхъ подвиговъ на поприщѣ гражданскомъ, военномъ и благотворительномъ, а также снимки съ памятниковъ быта.

Digitized by Google

При журналѣ «ИГРУШЕЧКА» существуетъ особый отдѣлъ

„ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“

годъ V.

Статьи этого отдѣла печатаются крупнымъ шрифтомъ, со многими картинками.

Задача отдѣла «ДЛЯ МАЛЮТОКЪ» дать дѣтямъ занимательное чтеніе въ то время, когда они начинаютъ скучать, играя въ игрушки.

Журналъ «И Г Р У Ш Е Ч К А» выходитъ ежемѣсячно книжками въ 3 печатныхъ листа, съ отдѣломъ «ДЛЯ МАЛЮТОКЪ» въ 4 листа и болѣе.

Въ журналѣ принимали и будутъ принимать участіе слѣдующіе литераторы и ученые:

О. Алексѣева, М. Н. Альбовъ, Е. Анненкова, Н. М. Астыревъ, С. Атава, К. С. Баранцевичъ, А. Бахтіаровъ, Ив. Бѣлоусовъ, М. Васильевъ, В. Л. Величко, А. Владимірова (Европеусъ), И. И. Горбуновъ-Посадовъ, Е. Дицъ, С. Д. Дрожжинъ, Ив. Ефифановъ, В. П. Желиховская, П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, М. Иванова, В. Э. Иверсенъ, Н. Н. Каразинъ, Д. Н. Кайгородовъ (профессоръ), М. Колоколова, А. А. Коринфскій, О. Кошелева, С. И. Лаврентьева, Вл. Ладыженскій, В. П. Лебедевъ, Н. С. Лѣсковъ, К. Лукашевичъ, М. Львова, В. А. Маркова, Л. Медвѣдевъ, А. К. Михайловъ (Шеллеръ), Д. Л. Михайловскій, В. И. Немировичъ-Данченко, В. Огарковъ, В. П. Острогорскій, А. Н. Плещеевъ, М. И. Пыляевъ, А. Сахарова, Н. И. Северинъ, А. Н. Селивановъ, Е. Симонова, Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ, А. Тургенева, А. И. Фаресовъ, В. Фаусекъ, О. Чюмина, Л. Шелгунова, Н. Шубинскій, І. І. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій), А. М. Ѳедоровъ, И. И. Ѳеоктистовъ и многіе другіе.

Изъ художниковъ въ журналѣ принимаютъ участіе, И. Е. Рѣпинъ, Н. Н. Каразинъ, Н. А. Кошелевъ, баронъ М. П. Клодтъ, Е. М. Бёмъ, Д. К. Дядченко, М. Михайловъ и многіе другіе.

подписная цѣна:

Журналъ «ИГРУШЕЧКА» за 12 книгъ съ двумя даровыми преміями съ дост. и перес. на годъ. . **3** р.	Съ отдѣломъ «Для малютокъ» на годъ . . . . . **5** р.
За границу на годъ . . . . **5** »	За границу на годъ. . . . . **7** »

Отдѣльной подписки „ДЛЯ МАЛЮТОКЪ“ нѣтъ.

Адресъ редакціи: *С.-Петербургъ, Сергіевская ул., д. № 26,*

куда гг. подписчиковъ и книгопродавцевъ просятъ исключительно обращаться съ своими требованіями.

Желающіе имѣть 1887, 1890, 1891 и 1892 гг. «ИГРУШЕЧКИ» благоволятъ адресоваться въ редакцію журнала, которая беретъ пересылку на свой счетъ.

Digitized by Google

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.
въ 1893 году.

Въ 1893 году «ИЗВѢСТІЯ» Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ будутъ выходить шесть разъ въ годъ (въ первыхъ числахъ: января, марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Въ содержаніе каждой книжки входятъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи;

2) Спеціальныя изслѣдованія и статьи по археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сибири);

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи; мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника: извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, археографическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Программы по спеціальнымъ вопросамъ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологіи, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ первыхъ книжкахъ «ИЗВѢСТІЙ» за 1893 г. будутъ напечатаны, между прочимъ, слѣдующіе статьи: «Данныя о городахъ Волжской Булгаріи» П. А. Пономарева; «Матеріалы для характеристики бронзовой эпохи въ Волжско-Камскомъ краѣ» его же; «Древнія мѣдныя орудія въ Каз. губ.» А. А. Штукенберга; «Древности Костромской губ.» его же; «Тяглыя земли на Вяткѣ въ XVII вѣкѣ» А. А. Спицина; «Формы жилищъ и селеній у народовъ В. Россіи» (сводъ извѣстій путешественниковъ и этнографовъ, въ составленіи котораго примутъ участіе К. И. Воронцовъ, Н. Я. Кириловъ, А. К. Кулагинъ, В. Н. Пинегинъ, П. В. Траубенбергъ); «Мордва. Историко-этнографическій очеркъ» И. Н. Смирнова (отдѣлъ этнографическій); «Черемисы Арбанской волости» Н. Троицкой; «Замѣтки о мордвѣ Нижегородской губерніи» А. Д. Смирнова; «Остатки языческихъ вѣрованій и обрядовъ у зырянъ» А. В. Красова; «Кара-Якубовскбя волость Белеб. у. Уф. губ.» И. А. Износкова и др.

Въ видѣ приложенія къ «Извѣстіямъ» будутъ печататься двѣ серіи изданій:

1) **Матеріалы для этнографіи Поволжья.** I. «Черемисско-русскій словарь» В. П. Троицкаго; II. «Мордовско-русскій словарь» М. Е. Евсевьева.

2) **Археологическая библіотека «Извѣстій».** I. Мѣдный вѣкъ въ Европѣ. М. Мухъ. Перев. съ нѣмецкаго.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 руб.) въ два срока: три руб. при подпискѣ и два руб. къ 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р., получаютъ изданіе безплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

Члены Редакціоннаго Комитета: **И. Смирновъ** и **А. Соколовъ.**

Digitized by Google

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

на 1893 годъ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученыя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлеченія изъ нихъ; научныя работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертаціи, представляемыя въ Казанскій Университетъ, и на студентскія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знанія; библіографическіе отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта, отчеты о диспутахъ, статьи, посвященныя обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Университетѣ, біографическіе очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому Университету, обозрѣнія преподаванія, распредѣленія лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученыя Записки выходятъ періодически шесть разъ въ годъ книжками въ размѣрѣ не менѣе 15 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 р. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 руб. 50 к. Подписка принимается въ Правленіи Университета.

Редакторъ **Ѳ. Мищенко.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 января 1893 года.

Digitized by Google

Отдѣлъ V.

Смѣсь.

1. Бытовыя черты Русинки Холмскаго края. *К. Яроцкаго* . . 125—134
2. Отчетъ кандидата И. Спб. Университета г. Катанова, отправленнаго въ экспедицію для этнографическаго изслѣдованія тюркскихъ племенъ въ Восточную Сибирь, Монголію и Сѣв. Китай. 134—137
Объявленія объ изданіи Живой Старины и др. журналовъ въ 1893 г.
Оглавленіе 8 выпусковъ Живой Старины за первые два года. . I—XIV

Digitized by Google

VP
23

Цѣна 1 р. 50 к.

Digitized by Google

Stanford University Libraries
3 6105 012 273 897

GN1
Z5
V. 2: 1-4
1892

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

MAY [illegible] 1996

Digitized by Google